

Рэндалл Н.Биллс

МЕЧТА

Battletech book series

Randall N.Bills

Copyright © 2006

Перевод с немецкого издания «Clangr nder: Traum» Борис « рфарот» Немировский

Под редакцией Катарины Альтнер 2007 г.

Библиотека Battletech   2007 www.cbtbooks.net

Форум: <http://www.classicbattletech.ru/phpBB2/index.html>

Форматирование текста, корректура, в рстка, редактирование: *Леонид Шагидуллин aka Leonid*

Благодарности переводчика:

Леониду Шагидуллину и Андрею Помникову – двум ненормальным, которые заставили меня поверить в себя и засесть за перевод. Спасибо за вашу настойчивость.

Моей жене Кате, все еще проявляющей ангельское терпение.

Внимание!

Эта электронная книга не предназначена для коммерческого использования! Приобретите лицензию у правообладателей: FanPro™ и WizKids Games™.

Проект «Библиотека Battletech» является некоммерческим, создан с целью исправления русских текстов и переводов. При размещении данной книги на каком-либо ресурсе, просим указывать ссылку на страницу «Библиотеки Battletech».

Настоятельно рекомендуем Вам читать эту книгу при разрешении монитора не ниже 1024x768 пикселей, с частотой смены кадров для ЭЛТ монитора не менее 85 Гц. Не забывайте делать перерывы каждый час не менее чем на 10 минут. Несоблюдение данной рекомендации может повлечь ухудшение зрения и головные боли.

Оптимальным представляется чтение с экрана ЖК-монитора с диагональю не менее 17". Лучше всего, если он имеет функцию Pivot (поворот экрана на 90 градусов в портретную ориентацию).

В качестве дополнительного материала к чтению рекомендуются:

Sourcebook FASA (1630) The Star League; Operation Klondike (Ещё не издан).

Отдельные сведения об Иходе и зарождении кланов можно получить:

SB FASA (1709) The Clans: Warriors Of Kerensky; SB FASA (1645) Invading Clans; SB FASA (1706) Field Manual: Crusader Clans; SB FASA (1711) FM: Warden Clans; SB FASA (1725) MechWarrior's Guide to the Clans; SB FASA (1642) Clan Wolf; SB FASA (1644) Clan Jade Falcon

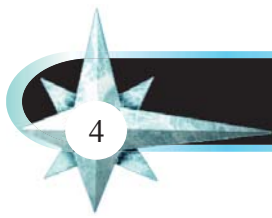

Рэндалл Биллс. Основатели кланов II: Мечта

Пролог.....	5	Глава 15.....	60
Глава 1.....	9	Глава 16.....	64
Глава 2.....	12	Глава 17.....	68
Глава 3.....	16	Глава 18.....	72
Глава 4.....	21	Глава 19.....	75
Глава 5.....	25	Глава 20.....	78
Глава 6.....	31	Глава 21.....	81
Глава 7.....	35	Глава 22.....	85
Глава 8.....	39	Глава 23.....	88
Глава 9.....	42	Глава 24.....	91
Глава 10.....	44	Глава 25.....	96
Глава 11.....	47	Глава 26.....	99
Глава 12.....	49	Глава 27.....	102
Глава 13.....	53	Эпилог	104
Глава 14.....	56		

Глоссарий

Карты	107
Словарь	109

Основатели кланов: Мечта Рэндалл Н. Биллс

Мечта о Звёздной Лиге в изгнании разрушена. Николай Керенский не в состоянии предотвратить войну, разразившуюся на мирах Пентагона. Он решает вести своих последователей в новый Исход, как некогда его отец, покинувший со своим флотом Внутреннюю Сферу. Но Николай выбирает иной путь: он хочет уничтожить прошлое и мечтает создать совершенно новое общество.

Тысячелетние оковы старого общества невозможно стряхнуть просто так. Сопротивление должно быть подавлено и должна пролиться кровь, прежде чем Мечта Николая будет воплощена. Однако, без помощи его брата Андрея вся затея обречена на провал.

Но у братьев не всегда бывают одинаковые цели. Андрей понимает, что с остатками цивилизации в новом обществе исчезает и человечность. Может ли он остановить этот процесс?

Моей дочери Райане Николь Биллс

БЛАГОДАРНОСТЬ

Моим читателям-испытателям за несколько в самом деле полезных советов: Херб Бисс, Лорен Коулмэн, Дэвид Маккаллох, Майк Миллер, Джефф Морган, Остейн Тведтен.

Саре и Кристофу Никам за нашу дружбу; поздравляю с новым изданием!

Вернеру Фуксу, который сделал это все реальностью, а также за то, что он с честью выдерживает мои постоянные опоздания.

Наконец, моей жене Таре и детям Брину Кевину, Райане Николь и Кевину Александру: несмотря на удовлетворение, которое мне приносит написание книг и создание миров, все-таки мир, который я создаю вместе с вами, значит для меня больше всех остальных.

ПРОЛОГ

*«Гордость Маккенны», линкор класса «Маккенна»
Низкая орбита Страны Мечты
Скопление Керенского
8 июня 2802 года*

Раймонд Сайнце испытал приступ дежа-вю – столь сильный, что у него на мгновение перехватило дыхание.

– Впечатляющее зрелище, – заметил стоящий рядом Уиндхэм Хаттиб.

Ноздри Раймонда затрепетали и он отчаянно попытался уравновесить дыхание. Его взгляд оторвался от гигантского облака металлической саранчи: шаттлы, аэрокосмические истребители, посадочные корабли, чьи двигатели оставляли кровавые отметины в верхних слоях атмосферы Страны Мечты. Раймонд всё ещё немного покачивался – сказывались последствия недавнего тормозного маневра. Он хотел что-то сказать, но запнулся, заметив, что профильтрованный воздух на борту линкора затрудняет ему дыхание. Сколько лет он провел на борту «Надежды Чиро», космической станции класса «Олимп»?

А теперь получалось так, что он не мог больше привыкнуть к рециркулированной атмосферой на борту корабля. Раймонд мог только изумленно качать головой, удивляясь собственной беспомощности.

Как бы над ним потешались его братья! Он снова хотел обратиться к Уиндхэму, но картины минувшего опять лишили его дара речи и затуманили взор – так, что Раймонду показалось, будто он падает в бесконечный тоннель из воспоминаний.

Мертвы.

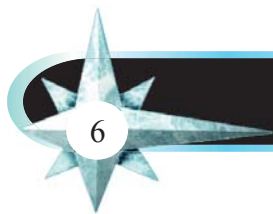
Я был младшим. Мы знали, что Внутренняя Сфера стоит на грани новой войны. И моя Родина – мой повелитель Дракон – первым объявил себя законным наследником Первого Лорда и начал войну. Наследник трона пошатнувшейся Звёздной Лиги. И полки Мечей Света – а с ними мои братья – уж наверное, попали на передовую, как часть первой волны атаки, заливая миры огнем и кровью. Наверное, они уже мертвы... так же, как и мои родители. Столько лет...

Раймонд, как замороженный, уставился в никуда, в то время как мысли метались в его голове. Он стоял в полном одиночестве на краю пропасти, развернутой между ним и всем, что он считал привычным, прошедшими годами. Так же точно, как в то, что его от Внутренней Сферы отделяют тысячи световых лет, Раймонд верил теперь, что его Родина изменилась теперь до неузнаваемости. Никто в Армаде Исхода не увидит более Внутреннюю Сферу такой, какой они её покинули – если вообще кто-нибудь из них когда-либо вернется.

Подобные мысли обладали в мозгу Раймонда странной привычкой делаться невидимыми – сливаться с окружением, словно орлы, выющие гнезда в скалах: цепко и ни в коем случае не готовые оставлять без боя свою территорию. Но иногда – вот как теперь – на Раймонда накатывало это ощущение дежа-вю и тогда все эти подавленные размышления пробивались на поверхность, словно пузыри болотного газа сквозь водную толщу пруда. Тёмные, отвратительные воспоминания и тайны оказывались вдруг освещены ярчайшим светом.

– Ты что, язык проглотил? – с улыбкой спросил Уиндхэм и дружелюбный взгляд священника утихомирил боль Раймонда.

Подтрунивающий тон старого друга вырвал Раймонда из душных объятий собственных мыслей и дал возможность вздохнуть посвободнее. Он глубоко втянул воздух – плевать, рециркулированный или нет – и попытался успокоить скачущие мысли и перебороть дежа-вю, все еще пытавшееся завладеть его сознанием.

– Воспоминания, – с трудом выдавил Раймонд в конце концов, едва ворочая, казалось, многотонным и к тому же прилипшим к гортани языком. Он прикусил его так, что на глаза навернулись слезы и пересохший рот немного увлажнился.

– Ах, *эти* воспоминания... Они тебя могут прикончить, стоит тебе зазеваться, Раймонд. Погляди только, что творится с Андреем, – вторую фразу священник произнес значительно тише.

Несмотря на медлительность, с которой Раймонд обычно передвигался, он не смог вовремя сдержать импульсивный порыв и оглянулся через плечо. Он окинул взглядом мостик «Гордости Маккенны». Сейчас она выглядела, словно диспетчерская башня какого-нибудь аэропорта. В огромном помещении десятки людей торопливо бормотали в микрофоны и считывали информацию с тройного количества мониторов. Прибытие последнего большого флота должно проходить скоординированно. Раймонд восхитился их способностью исполнять свои обязанности даже в условиях повышенной гравитации, возникшей в результате маневра торможения. Он знал: они выполняют задание и тогда, когда корабли займут предписанные орбиты и на борту опять воцарится невесомость.

Гигантский голотанк в центре мостика показывал планеты системы. Вокруг находящейся в центре экрана планеты копошились сотни небольших отметок – каждая означала один из кораблей прибывающей флотилии.

После этого последнего транспортного судна других ждать уже не стоит. Даже если будет еще кто-нибудь – в чем многие сомневаются – их, скорее всего, встретят залпы орудий «Гордости Маккенны», прежде чем им успеют задать какие-нибудь вопросы.

Раймонд снова повернулся к большому иллюминатору. Он стыдился этих мыслей и не желал вновь привлечь к себе внимание Николая. Как бы Андрей ни поддерживал своего брата – что угодно, только не это.

– Я знаю, знаю. Я просто изумился тому, сколько времени прошло с тех пор, как я был на этом корабле, накрепко повязанный с генералом и его Исходом. – Раймонд заметил, как Уиндхэм на мгновение ушел в себя, словно занятый подсчетом.

– Неужели и впрямь прошло восемнадцать лет? – потрясенно спросил Уиндхэм, с отсутствующим видом почесывая бороду, – Этого просто не может быть.

– Тем не менее, это так, – оба замолчали и вновь воззрились на прекрасный вид из феррогласового иллюминатора. Раймонд знал, что этот мир был впервые обнаружен в 2792 году – он знал это прежде, чем информационные каналы начали знакомить переселенцев Исхода с их новой Родиной. Довольно быстро здесь образовалась процветающая колония. Но она всегда оставалась не более, чем форпостом. Что произойдет теперь, когда ее, подобно морским волнам, захлестнут массы людей? И как отреагирует сама планета?

Раймонд медленно протянул руку и прижал ладонь к феррогласу. Он немедленно ощутил типичную боль, которая возникала от холодного воздействия космического вакуума на тело. Жжение распространилось по всей кисти, проникло до локтя. Его руку покрыла гусиная кожа.

Зерно из металла посеяно,
Взойдёт в слепоте.
День стар, день пробудил... надежду.

После короткой паузы Уиндхэм подал голос:

– Подобное поэтическое искусство трогает мое сердце, – дружески сказал он.

Раймонд убрал руку с поверхности иллюминатора так резко, словно обжег ее, и повернулся к Уиндхэму.

– Я не сообразил, что сказал это вслух, – сказал он священнику.

– И тем не менее, ты это сказал. После долгих лет разлуки и привычки к новой ситуации, ты по-прежнему не можешь полностью изжить свое происхождение: ты из Синдиката. Глаза воина, но сердце поэта. Ты попросту говоришь вслух то, что остальные ощущают. Но большинству других людей не хватает для таких ощущений слов. Я не смогу перечислить и дюжины

тех, кто бы это смог, не говоря уже о том, чтобы сложить хайку, которая мне кажется особенно подходящей для нашей ситуации. И при этом тебе понадобилось так мало строк...

Раймонд опять повернулся к иллюминатору – как раз в этот момент новая волна посадочных кораблей и иных небольших шаттлов появилась в поле зрения за кормой линкора.

– Как ты полагаешь, насколько все будет плохо? – медленно спросил он Уиндхэма. Раймонд знал, что подобные разговоры ни к чему не приводят и только подрывают моральное состояние – особенно на мостике «Гордости Маккенны». Но он не мог думать ни о чем ином. И, за исключением Андрея, Раймонд знал Уиндхэма лучше, чем кого-либо другого из окружающих его людей. Раймонд знал, что священник не посрамит оказанного ему доверия.

Рабочая суета мостика захватила их и сначала Уиндхэм не ответил ничего. Раймонд уже засомневался, услышал ли его друг вообще, но в тот момент, когда он собрался повторить свой вопрос, Уиндхэм заговорил:

– Достаточно погано, Раймонд. Ты был там, так же, как и все остальные. Ты видел все то же, что и я.

– Я знаю. Но как может быть еще хуже?

– Я сомневаюсь, что сепаратисты уже успели отыскать все склады с оборудованием. Там осталось еще полно замаскированных схронов с ручным оружием, не говоря уже об ангарах с транспортом и мехами. О боевых судах я вообще боюсь подумать: как минимум, для них будет большой проблемой привести хотя бы один из кораблей в порядок. И тогда вступает в силу старое правило: гражданские войны – и не говори мне, что мы тут имеем дело с чем-то иным – всегда становятся *очень* отвратительны, прежде чем наступает улучшение. Очень-очень отвратительны.

Раймонд медленно повернул голову, разминая шейную мускулатуру, и почувствовал, как натянулся комбинезон.

– Погонятся ли они за нами? Положат ли они конец нашему второму Исходу?

Уиндхэм обернул к Раймонду свое бородатое лицо и поглядел ему прямо в глаза. Только после этого он ответил:

– Не думаю. На первое время мы сбежали.

– Я надеюсь.

– Я тоже, – заключил Уиндхэм, однако озабоченности в его голосе хватило бы на них обоих. Они повидали столько солдат СОЗЛ, убивающих друг друга, что им этого зрелища хватило на всю оставшуюся жизнь. Раймонд постарался избавиться от мыслей о потерях и о резне среди гражданского населения.

После небольшой паузы Уиндхэм снова заговорил:

– Знаешь, я предпочитаю не думать о том, что произойдет, если эти бесчисленные полевые командиры и оставшиеся части СОЗЛ начнут драться друг с другом, как этого можно опасаться... впрочем, быть может, хотя бы пара колоний найдет для себя дела поважнее, чем крошить один другого. Миры Пентагона не так уж милостивы к тем, кто забыл, как долго и тяжело нам пришлось работать, чтобы их колонизировать. Чуть отпустишь вожжи – и природные силы этих чуждых миров заявят о себе скорее, чем этого ожидают. Причём во весь голос.

Когда сила тяжести исчезла, Раймонда охватила дрожь, его короткие волосы всколыхнулись, словно от легкого ветерка, и он порадовался, что магнитные подошвы удержали его ноги на полу. Память о долгих годах, проведенных в невесомости, заставила его сардонически улыбнуться.

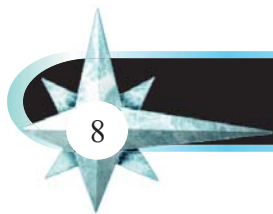
– Тебе это кажется смешным?

– Нет. Опять воспоминания.

– Я уже сказал – это опасно.

– Я знаю.

– Всем пассажирам кораблей «Гелиополис», «Тарген» и «Янтарные Пески» – пожалуйста, пройдите предполетную регистрацию в течение следующих 40 минут, – вклинился в разговор металлический голос, эхом отдающийся в бесконечных коридорах и помещениях «Гордости Маккенны», – по окончании этого срока все доступы к этим кораблям будут заблокированы.

Друзья переглянулись, понимая, что пришло время отправляться. Никто не желал навлечь на себя гнев командиров, пропустив свой черед или вообще производя высадку в условиях микрогравитации, когда «Гордость Маккенны» выйдет на орбиту. Тем не менее, они не могли еще разойтись. Они уже довольно долго ожидали появления Андрея – скорее всего, его опоздание означало новую ссору между ним и братом. Оба опасались этого.

В последнее время у них было достаточно иных проблем. Кому охота ломать зубы еще и об этот гордиев узел?

– Дежа-вю, – в конце концов промолвил Уиндхэм.

Раймонд передернулся, когда друг столь точно высказал то, о чем думал и он сам. Их тяжелый разговор закончился всего лишь пару минут назад, и их все еще удерживали мрачные воспоминания и предчувствия, которые никак не шли у Раймонда из головы, жадными когтями вцепившись в мысли. Он не мог отвязаться от них.

– Хай, – ответил он в конце концов, непроизвольно переходя на язык своей Родины. – Я это тоже чувствую.

Уиндхэм снова начал скрести бороду, пропуская отдельные пряди меж пальцев. Наконец, он заговорил:

– Шестнадцать лет. Шестнадцать лет прошло с тех пор, как мы стояли почти на том же месте на мостике и смотрели на Эдем.

– У нас была Мечта и мы так надеялись... – тихо подхватил его мысли Раймонд. – И это все лопнуло, когда из нас полезла наша старая сущность со всей её ненавистью. Получится ли у нас на этот раз?

– Или мы колонизируем эту планету заново только лишь для того, чтобы опять наброситься друг на друга? – добавил Уиндхэм.

– История повторяется?

– Именно! – закончили оба хором. Несмотря на паршивое настроение, они улыбнулись – сердечная, явственная улыбка, возможная только между теми, кто вместе прошел огонь и воду, готовый биться плечом к плечу и в любую секунду снова сунуть голову в пасть льву.

– У нас нет выбора. На этот раз мы просто обязаны все сделать правильно, – в конце концов заявил Уиндхэм.

– Точно, – Раймонд снова оглянулся. Теперь уже точно пора. Еще несколько минут – и они встретятся со своим новым будущим.

Они настроились на борьбу, которая ожидала каждого из них. Один раз они уже проиграли. Теперь они могут лишь надеяться, что на этот раз все получится.

– А где Андрей? – спросил Раймонд.

– Непохоже, что он еще появится.

Короткий обмен взглядами сделал дальнейшие слова ненужными.

Николай.

В этот момент они не могли избавиться от сомнений – а не был ли Андрей в самом деле прав? Им нужен Николай. Но если Александр Керенский, сам генерал – герой Звёздной Лиги, поведший миллионы мужчин, женщин и детей в Исход, где они надеялись, вдали от испоганенного прошлого, основать новую Звездную Лигу – если он потерпел неудачу, как можно надеяться на то, что его сыну будет сопутствовать успех?

Раймонд вновь глянул в иллюминатор и ему в голову пришла мысль. Пока он и Уиндхэм обменивались дружеским рукопожатием, свободными руками хлопая друг друга по плечам, Раймонд вспомнил имя. Имя, которое могло стать залогом того, что всё это в конце концов закончится хорошо.

После всего, что Раймонд пережил сам, он знал, что младшие братья существуют для того, чтобы держать старших на правильном курсе. Несмотря на бессмысленность этой идеи, несмотря на массу забот, которые она несла с собой – он-то своих братьев никогда больше не увидит – эта мысль облегчила ему необходимость выдерживать неизвестность.

Раймонд покинул мостик и отправился по длинному коридору с именем на устах – Андрей.

***Посадочный корабль «Джейкобс Фолли» класса «Колосс»
Верхние слои атмосферы, Страна Мечты
Скопление Керенского
9 июня 2802 года***

Андрей нежился в объятиях Даны и чувствовал, как расслабляются его мышцы. Он спрятал голову ей подмышку так, что её левая грудь лежала на его затылке – он ощущал биение её сердца. Равномерный стук смешивался с шумом двигателя, пока посадочный корабль входил в атмосферу и маневровые дюзы сражались за то, чтобы удержать судно на заданном курсе. Между двумя любовниками и огненной смертью стояла лишь сила термоядерного реактора и мастерство команды. Если в этой фазе посадки корабль выйдет из-под контроля, то их пепел навеки будет развеян в атмосфере бушующими на такой высоте ветрами, станет вечно носиться над планетой...

Навсегда свободным... если только...

Сотни картин проплывали перед внутренним взором Андрея – целая симфония из воспоминаний, а с нею – калейдоскоп возможностей, судьбы. Короткий, провидческий взгляд на то, что может принести ему будущее.

Андрей ещё крепче прижался к Дане, осознавая, что часто она провоцировала подобные видения одним своим присутствием. На какой-то момент Андрей почувствовал себя почти свободным от всего.

– Господи ты Боже мой, как же я по тебе соскучился, – пробормотал он в её блузку. Он обвил левой рукой её талию и проник кончиками пальцев под блузу, желая почувствовать тепло её кожи. Подушечками пальцев он ощутил страшные шрамы – напоминание о безрадостном детстве. Однако вместо беспокойства, которое Андрей чувствовал всегда в такие моменты, на этот раз в нем распространилось ощущение довольства. Он сообразил, что является единственным, кто знает эту тайну. Он знал не только её кожу, её тело, но и то сияющее существо, которое было заключено в ней. Только он. Андрей обнял Дану за талию теперь и правой рукой и потянул её к себе, цепляясь за нее, словно утопающий.

– Как часто ты сможешь еще говорить такие замечательные слова? – спросила она и в тишине маленькой каюты зазвучало легкое эхо.

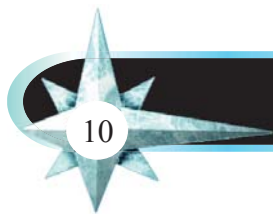
Находясь так близко от Даны, как сейчас, Андрей купался в звуках её легкого акцента и в типичных для нее странноватых формулировках. На его губах играла улыбка. *Уверенность в том, что эти слова, эта нежность не обращена ни к кому другому. Только я.*

– Для этого не хватит тысячи жизней.

Она засмеялась и её подтянутый живот затанцевал перед его глазами. Андрей повернулся, насколько смог, чтобы посмотреть на это. её тень упала на него, когда она наклонилась, заслоняя свет единственной лампочки на потолке. Хотя очертания её лица лежали в тени, Андрей различил взгляд темных, загадочных глаз. Словно слепой, он провел пальцами по её лицу, тем не менее, ни разу к нему не прикоснувшись.

– Собственно, поэт у нас вообще-то Раймонд, не так ли? Или ты теперь тоже за это принялся?

Андрей улыбнулся. Он сел на ложе. Ему хотелось расстегнуть страховочный ремень, но он решил этого не делать, так как в этот момент очередной толчок заставил вибрировать 20000-тонный корабль. Андрей простер руки, скорчил мелодраматическую мину...

Алые губы – лепестки роз,
Язык, ухо, щеки, затылок – и больше:
Целая жизнь в мгновение, навсегда.

... прогремел он.

– Не в свои сани не садись.

Они обнялись и засмеялись так, как могут смеяться лишь лучшие друзья над собственной неуклюжестью.

Смех постепенно затих – насколько вообще можно говорить о тишине на борту посадочного корабля, входящего в атмосферу – оба какой-то момент не могли отдышаться.

– Как мы вообще выдержали столько времени друг без друга? – в конце концов прервал молчание Андрей.

Дана откинулась на переборку, всунула свою прохладную ладонь в его ладонь – *словно в хорошо подогнанную перчатку* – и криво улыбнулась, ответив:

– Служба.

Андрей не хотел морщиться, но у него не получилось. Он ожидал от нее немедленной реакции, однако ничего не последовало. *Конечно, она знает. Каким-то образом она всегда всё знает.*

Он глубоко вздохнул, уставился на противоположную стену и сконцентрировался на том, чтобы не испустить тяжелый вздох, трепетавший на его губах. Пожатие руки Даны сигнализировало ему, что и это не удалось. *Она вообще в состоянии хоть что-нибудь не заметить?*

Андрей опять повернул к ней голову и увидел свое отражение в её глазах. Он устало улыбнулся. *Нет, наверное, нет. И именно это делает её столь привлекательной.*

– Николай, – сказала она.

– Ут.

Она склонилась к его лицу, словно что-то в нем искала, и лишь тогда продолжала:

– Этот «ут» я обычно слышу тогда, когда мы заговариваем на тему, о которой ты хотел бы промолчать. Ты в курсе?

Он хотел её опровергнуть и открыл уже рот, однако закрыл его снова и виновато кивнул.

– Ты знаешь меня лучше, чем я сам. Как это тебе удастся? – спросил он.

Она улыбнулась – *улыбка, о которой я знаю, что она только для меня* – и тоже кивнула.

– Я знаю себя.

Услышав это признание, Андрей покачал головой. *Я должен был это понимать.*

– Итак, если уж ты так хорошо меня знаешь – что произошло?

Вызов в его голосе заставил её улыбнуться еще шире:

– Николай напомнил тебе о твоих обязанностях и о твоей ответственности.

– И?

– Ты не можешь обмануть ожидания людей. Они нуждаются в тебе.

– Именно в этом вся суть, – сказал Андрей и более-менее хорошее настроение, которое так или иначе едва держалось после многочасовых пререканий с Николаем, пропало.

– Какие еще ожидания? Добро, в армейской структуре, может, и найдется пара человек, считающих моё мнение ценным, – Андрею все еще не удавалось в это поверить, несмотря на убедительные доказательства, – но кто из гражданских вообще слышал моё имя? Какое им дело до того, что я думаю?

Она подняла руку и осторожно прикоснулась к его щеке. Он едва выдерживал её взгляд, проникающий, казалось, внутрь.

– Андрей, порой ты бываешь таким наивным. Таким ушедшим в собственную жизнь, что ты едва замечаешь, что творится вокруг тебя. Ток-шоу по головидению. Газеты. Весь этот колпак, которым тебя прикрыли...

– Что? – вскинулся он, пытаясь забыть её нежное прикосновение. – Какой еще колпак?

– История, которую выстраивает твой брат вокруг тебя, чтобы защитить от излишне любопытных глаз. Ты – не твой отец и не Николай. Тем не менее, ты же не можешь всерьёз пола-

гать, что восхищение и преклонение перед именем Керенских не заденет всех, кто его носит? Обыватель может ничего не знать о тебе, но большинству гражданских знакомо твое имя, даже если это все, что ему известно, и – что является решающим фактором – отдаст дань уважения твоему явному желанию сохранить за собой право на личную жизнь. А для тех, кто это желание не уважает... – Дана пожала плечами, словно это все объясняло, – Твой брат принял меры предосторожности, – в конце концов добавила она.

Андрей потряс головой, словно спросонья, несколько углубился в себя и попытался хоть немного разобраться в том, что она только что сказала. *Такое возможно? Как?*

– Как это могло... почему ты мне раньше ничего не сказала?

Она снова пожала плечами и подняла брови. её взгляд, казалось, просил прощения.

– Извини, Андрюша, но ты до сих пор на эту тему не заговаривал и я не думала, что ты... – на середине фразы она прервалась.

Он с трудом мог вспомнить лишь несколько моментов за все то время, что они были вместе, когда между ними возникало напряжение. Сейчас такой момент явно наступил.

Ты не думала, что я настолько туп, чтобы не заметить этого самостоятельно. Андрей закрыл глаза и откинулся на переборку. Затылком он почувствовал холодный, тяжелый металл. *Но я оказался достаточно тупым.* Напряжение между ними усилилось на несколько отметок и могло в любую секунду взорваться гневом и разочарованием.

Словно в качестве ответа, посадочный корабль попал в особенно отвратительный смерч и его затрясло, словно детскую игрушку.

Неожиданно она всей тяжестью навалилась на его левый бок, когда корабль швырнуло в очередной раз. Напряжение рассеялось.

Они все равно на моей стороне. Всегда на моей стороне.

– Мне очень жаль, Андрей.

– Это мне должно быть жаль. Ну и болван! И как долго это продолжается?

Очередное пожатие плечами Даны снизило давление на грудь Андрея – ответ, который он не услышал, а почувствовал. *Пожалуй, единственный ответ, который я получу на этот вопрос.*

Он затих, закрыв глаза, довольный тем, что вокруг темно. Требовательные пальцы Даны в конце концов повернули его голову в её сторону. Словно кукла, он не смог сопротивляться и, как ответ, его глаза открылись.

– Ты просто слишком обозлен. При этом ты настолько безнадежно погряз в обстоятельствах и в том, что творится вокруг тебя каждый день, что попросту не замечаешь важных вещей.

Андрей мрачно усмехнулся.

– Значит, я или самовлюблен, или придурковат.

– Ни то, ни другое. Все вместе.

– А?

Снова ответ, которого мне следовало ожидать от Даны.

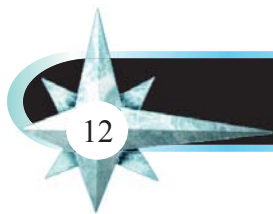
– Речь идет о том, кто ты есть на самом деле. Тебе нужно лишь немножко поднять глаза, чтобы увидеть нечто большее, цельное. И я уверена, что ты посвятишь этому целому столько же любви, преданности и усердия, сколько всем остальным вещам в твоей жизни.

Он несколько прищурил глаза, попытался выглядеть как можно более заговорщически и улыбнулся своей самой обаятельной улыбкой.

– Ты хочешь сказать, я должен с головой уйти в свою одержимость?

– Не пытайся меня отвлечь, – промурлыкала она и прижалась к нему так крепко, что их губы почти встретились. – Не всё, Андрей, не всё сразу. Но тебе придется привыкнуть к тому, чтобы посвятить этому большую часть тебя самого. Нас так мало в этом втором Исходе – тем больше будут испытания, которые на нас обрушатся. И твоя судьба, как мне ни жаль, потребует от тебя гораздо больших жертв, чем от большинства из нас.

Андрею очень хотелось закрыть глаза на эту неприятную правду, но он лишь вжался в Дану, словно спрятался в свое последнее убежище, пытаясь получить от нее часть силы. *Ты подде-*

ржишь меня, что бы ни случилось. Он все еще не мог решиться принести себя в жертву великой цели – что они сделали с моим отцом!

Но, быть может, он сделает это ради Даны.

Для Даны он готов на все.

2

***Лагерь «Альфа», неподалеку от Страны-Прайм
Новая Терра, Страна Мечты
Скопление Керенского
11 июня 2802 года***

Чёрная повязка натирала.

Андрей корил сам себя за собственную чувствительность. *Как можно чувствовать тонкую, мягкую ткань через куртку?* Тем не менее, она продолжала натирать руку, пока Андрей приближался к командирскому шатру своего брата. Ему казалось, что лёгкий материал вдруг превратился в свинцовую манжету. Вес все увеличивался, пока Андрей не заметил, что не в состоянии ступить дальше и шагу.

И все-таки он целеустремленно двинулся вперед. Эту встречу он попросту не имеет права пропускать. *Да будь я проклят, если испугаюсь этого дня. Или какого-нибудь другого дня. Мои проблемы и страхи не должны больше удерживать меня от того, что я должен сделать. Для Даны.*

Внезапный порыв ветра и скрежещущее жужжание, от которого в трубочку сворачивались уши и который вызвал уколы боли в позвоночнике, возвестили о прибытии хове́ра. Когда он завернул за угол шатра, хове́р как раз с шикарным разворотом приземлился у другого угла временки. Он продолжал двигаться ко входу в палатку, справа и слева от которой занимали свои позиции два охранника, похожие на гигантских бультерьеров.

Свист и скрип усилились и Андрей замедлил свой шаг, когда турбина транспорта на воздушной подушке, словно циклон, швырнула ему в лицо пыль и землю чужого мира. Он потер зажмуренные глаза и выплюнул пыль, оставившую у него во рту странный, чужеродный привкус. Андрей попытался успокоиться и поразился тому, как быстро мысли о чужой атмосфере, которую он попробовал на вкус, заставили напрячься одновременно нервы и плечевые мышцы, словно они были миомерами под высоким напряжением.

Несмотря на предстоящие трудности, он улыбнулся. *Как долго ты жил в «инопланетном» мире? А теперь, выходит, снова подкрались эти старые страхи?* Андрей энергично потряс головой и его короткие, грязно-светлые локоны взметнулись в разные стороны, словно пытаясь подтвердить эту мысль. *Мне пора к парикмахеру. И нам бы не мешало срочно заасфальтировать эту целину, которую мы называем Родиной. Черт побери, в Стране Прайм, прямо за этими проклятыми холмами, валяются кучи сталебетона. Почему Николай считает, что мы тут обязательно должны в грязи валяться?*

Действующий на нервы скрежет турбины замолк, словно кто-то щелкнул переключателем. Тем не менее, резко обрушившаяся тишина пугала так же, как до нее – раздражающий вой.

Внимание Андрея привлек звук сервомоторов открываемой кабины и он увидел, как боковые дверцы хопера сдвинулись назад. Из него вышел солидный мужчина лет семидесяти, в модном деловом костюме – невысокого роста, но с огромным черепом, узким лбом и тёмными, невыразительными глазами. *Я бы сказал, хищник.*

Человек коротко взглянул в сторону Андрея, потом потупил взгляд и скептически осмотрел свои дорогие кожаные туфли, погруженные в грязь у порога. Незнакомый направился к шатру, двигаясь так, словно его прибытие сопровождалось тысячами фанфар и горнов. Он прошел мимо охранников, как будто они были статуями. Андрей ещё раз оглядел хопер и увидел огромную эмблему, нарисованную на борту. Его настроение резко ухудшилось.

Кажется, это губернатор планеты. Господи прости... уж этот точно не хищник. Скорее, стервятник.

На секунду забыв о тяжести чёрной повязки, он также поспешил к шатру. *Надеюсь, я не опоздал.* Не успев войти, он подался назад – настолько напряжена оказалась атмосфера внутри. *Что, уже началось?* Он огляделся.

Хотя шатер был довольно просторен, Николай выбрал для него спартанскую обстановку, граничащую с экзистенциализмом. В центре стоял огромный голотанк, вокруг которого в беспорядке были поставлены раскладные стулья. В задней части шатра находился большой письменный стол, возле него расположились три закрытых и запечатанных регистрационных шкафа. На земле был постелен сотканный из микроскопических полимиомеров «ковер», который, находясь под напряжением, обеспечивал в самом деле твердый «пол». Все остальное помещение было пустым – если не считать Николая, губернатора планеты и Андрея. Андрей только-только открыл рот, чтобы спросить, когда придут остальные члены штаба – более других он соскучился по Дженнифер Уинстон, которая постоянно осаживала Николая – но тут ему стало ясно, что эта встреча ограничивается тремя присутствующими.

Андрей поглядел на брата и обнаружил у того на руке такую же чёрную повязку. Одного взгляда на губернатора было достаточно, чтобы понять, что тот задумал недоброе. *Ого! Похоже, называют неприятности.*

Он едва не воспользовался ситуацией, чтобы выскочить обратно из шатра. Никто из присутствующих, похоже, его просто не заметил. *Было бы проще всего прямо сейчас незаметно убраться.* Он сжал кулаки, снова разжал их и прикоснулся правой ладонью к мягкому материалу повязки. *Почти такая же мягкая, как кожа Даны в лунном свете.*

Нет. Это мое старое «я». Большие никогда... Он откашлялся, чтобы обратить на себя внимание, и, выпрямившись, шагнул вперед.

Глаза Николая – *осколки льда в темных пещерах* – взглянули на Андрея и ему показалось, что температура этого взгляда на какой-то момент превысила уровень абсолютного нуля, прежде чем Николай вновь обернулся к губернатору и нацелился установить новый рекорд холода.

Он также посмотрел на собеседника Николая и заметил, что тот как раз рассматривает его взглядом скототорговца. Внимательный осмотр с головы до ног, некий молчаливый вывод – и губернатору хватило: он вновь сконцентрировался на Николае. Андрей лишь с трудом удержался, чтобы не хмыкнуть. *Пожалуйста-пожалуйста, только после вас. Но имейте в виду – вы этого сами хотели.*

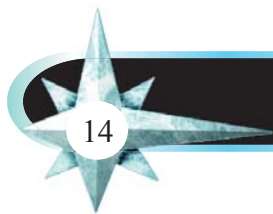
Морозное молчание продлилось еще пару мгновений, прежде чем Николай неожиданно взял слово.

– Андрей, губернатор планеты желал бы узнать, по какому праву мы разбили наш лагерь в непосредственной близости от *его* города.

Николай расслабил скрещенные руки и сделал правой жест, словно хотел пригласить губернатора на танец.

Боюсь только, его партнеру танец придется совсем не по вкусу... не говоря уже о финале.

– Это так, сэр, – произнес губернатор после некоторой паузы. К удивлению Андрея, невиди-

рая на шуплую фигуру, он обладал невероятно глубоким басом, едва не заставившим воздух в шатре вибрировать, словно под напором турбины хопера, в котором он прибыл.

— Я был назначен губернатором этой колонии лично командующим генералом, — он распрямил спину, словно пытаясь компенсировать свой небольшой рост, и ухитрился заговорить еще более низким тоном:

— Так как до сих пор мое назначение не было отозвано либо отменено командующим генералом, я спрашиваю вас здесь и сейчас ещё раз: по какому праву вы претендуете на эту территорию? Вы не соизволили даже спросить, прежде чем приземлились здесь с таким количеством людей.

— Быть может, губернатор, вы слышали о бунтах в мирах Пентагона? Я уверен, что, несмотря на расстояние, эта новость не ускользнула от вашего внимания, — спросил Николай опасно спокойным голосом.

— Сэр, — ответил губернатор почти весело, — вы можете считать нас отшельниками, однако мы очень внимательно следим за событиями. Идет война. А на любой войне бывают беженцы. Мы все это знаем и вся наша колония открыла объятия для того потока, который вы спровоцировали, — губернатор перенес свой вес на правую ногу и поднял, — словно в ответ на жест Николая, — правую руку:

Ах, так значит, мы принимаем приглашение к танцу? Результат можно было легко предугадать. *Это все равно, что попросить Сэмюэла Хельмера признать ошибку.* Андрей едва не улыбнулся, вспомнив выкрутасы своего студента из Академии.

— Как бы там ни было, если идет война — должен быть командующий генерал. Я готов подчиниться его решению. От него я готов принимать приказы, требующие послушания и преданности, даже если в ваших глазах я — простой гражданский, — губернатор энергично потряс головой, — Может, у вас имеется письмо от командующего генерала? Какие-либо инструкции с его стороны?

Андрей с восхищением отметил изворотливость этого человека, пока наблюдал, как меняется его настроение, как губернатор смущается, роняет руку вниз и нервно сглатывает, в то время как Николай буравит его холодным взглядом. И опять пауза затянулась, прерываемая лишь звуками лагерной жизни: на некотором расстоянии от шатра все еще маршировали новоприбывшие из посадочных кораблей и шаттлов, звучали окрики командиров рот, наводящих порядок в своих частях или направляющих потерявших ориентацию гражданских к их временным убежищам. Раздавались глухие удары — это промышленные мехи возводили многоэтажные жилые дома для долговременной базы. А еще дальше слышались звуки, которые невозможно было ни с чем спутать: грохот боевых мехов, патрулирующих территорию. *Неважно, что Страна Мечты кажется более-менее спокойной: слишком много наших товарищей погибли. Даже в изгнании мы не можем позволить себе даже малейшей невнимательности.*

Андрей хотел было что-либо ответить, открыл даже рот, но в последний момент Николай опередил его:

— Действую ли я по приказу командующего генерала? — мягко спросил он, словно размышляя, что бы хотел заказать себе к ужину.

Андрей передернулся, почувствовав неудержимый гнев, который грозил в любую секунду прорваться сквозь маску спокойствия его брата, однако до сих пор оставался незаметным.

— Да, сэр, — казалось, губернатор хотел еще что-то добавить, однако под уничтожающим взглядом Николая смешался. Андрей почувствовал, как в нем просыпается жалость к этому человеку. *Я слишком хорошо знаю, как вы себя сейчас чувствуете, мой дорогой губернатор.*

Николай медленно обошел вокруг голотанка и остановился менее, чем в метре от губернатора. Несмотря на ощутимую энергетическую волну, которую Николай, казалось, гнал перед собой, губернатор не отступил, что принесло ему в глазах Андрея некоторую толику уважения.

— Командующий генерал мертв, — сказал Николай так, будто его слова были заклинанием.

У Андрея перехватило дыхание, он почувствовал, как возвращается страшная боль, мучившая его весь день. Ледяной ветер легко сдул его защитные механизмы, оставляя его лицом к лицу с воспоминаниями, больше которых не было ничего. *Неужели прошел целый год?*

Отец.

Губернатор вскрикнул, словно кто-то ударил его по лицу, и лишь тогда его взгляд упал на чёрную повязку на руке Николая. Он поднял глаза достаточно высоко, чтобы под этим углом увидеть такую же повязку у Андрея. Губернатор открыл рот – словно узкая трещина, расколовшая ледник – и тихим голосом попытался как-то сгладить ситуацию:

– Мне очень жаль, сэр. Я в курсе, что великий генерал умер ровно год назад.

Попытка выкрутиться выглядела в лучшем случае жалко.

– Я хотел сказать совсем не то. Я просто спросил, есть ли у вас приказы от *теперешнего* командующего генерала. Я еще раз прошу прощения за это недоразумение.

Ты говоришь таким покающимся тоном лишь потому, что Николай так на тебя уставился, словно готов тебя разорвать в клочья. Андрей с сожалением покачал головой. Несмотря на тот намек на симпатию, который он ощутил мгновение назад, этот человек ему не нравился.

– Есть только *один* командующий генерал! – слова Николая, каждое из которых было исполнено мощи, впились в губернатора. Выбор выражений не оставлял возможностей для интерпретаций.

– Но сэр, Силы Обороны Звёздной Лиги же не могут оставаться в такой момент без руководства! Должен быть командующий генерал! Кто-то, кто положит конец этой войне. Кто-то... – взгляд Николая заставил губернатора замолчать посреди фразы. Он в панике взглянул на Андрея, ища помощи. Когда он понял, что с этой стороны он никакой поддержки не получит, то попробовал еще раз:

– Как вы собираетесь остановить эту войну?

– Я не буду этого делать, – немедленно ответил Николай.

На этот раз губернатор отступил на шаг:

– Что?

– Вся эта история началась еще с бунта на «Принце Евгении», губернатор. В нашем обществе есть элементы, которые никогда не смогут жить мирно. Есть индивидуумы, которые слишком сильно цепляются за прошлое – они вредны для нашего будущего. Они должны сначала уничтожить сами себя, прежде чем мы сможем приступить к формированию такого будущего, которого хотим достичь. Будущего, которое станет достойным Мечты великого генерала.

Глаза губернатора, словно глаза загнанного в угол животного, шныряли по сторонам. При этом он загребал руками воздух, как не умеющий плавать человек, попавший в штормовое море. Сбитый с толку, он отступил еще на шаг назад, наткнулся на один из раскладных стульев, который с треском повалился. Этот звук на мгновение снял напряжение – времени оказалось достаточно, чтобы у губернатора вновь развязался язык. Несмотря на все возрастающую неприязнь, Андрей поразился его мужеству.

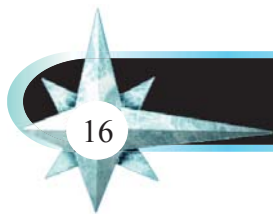
– Вы не можете это говорить всерьёз. Невинные граждане Звёздной Лиги в изгнании – как вы можете допустить, чтобы им было причинено зло?

Николай сделал всего лишь один шаг вперед, что заставило губернатора сглотнуть и отступить на два шага.

– Я совершенно серьезен, губернатор. Я своими глазами вынужден был наблюдать, как ваши *невинные* граждане поджигали собственные города, пока я пытался их эвакуировать, – голос Николая перешел в рычание, – Пепел десятков тысяч погибших заставил мой язык прилипнуть к гортани так, что я стал кашлять кровью. Я видел, как лучшие из лучших, краса и гордость СОЗЛ, втапывали гражданских в грязь ногами своих мехов и мыли руки в крови своих противников... которые всего лишь парой недель раньше были их товарищами. Я видел, как моих сторонников убивали во сне. Насиловали женщин, резали детей и выбрасывали их тела на помойку в вонючих переулках.

Губернатор больше не выдержал и двинулся к выходу из шатра. Видно было, как он с трудом борется с желанием попросту сбежать. Его политическая выучка препятствовала столь бесславному отступлению.

– И еще, губернатор: я пропустил это все через себя. И тогда смерть обрушилась с неба,

уничтожив почти целый полк тех самых СОЗЛ. В его рядах было множество моих людей, – Николай склонился вперед, его глаза метали ледяные молнии в попытке избавить губернатора от последних капель наивности. – Вы в самом деле считаете, что, пройдя сквозь этот ад, я не буду себя чувствовать вправе занять Страну Мечты?

Губернатор хватал ртом воздух, словно рыба, выброшенная на берег. На его лысом черепе показался пот и закапал вниз так, что рукава его костюма увлажнились. Он трижды пытался взять себя в руки и что-нибудь ответить, однако вынужден был сдаться. В конце концов, он в полной растерянности замотал головой.

– Вы меня правильно поняли, губернатор. Можете идти.

Словно пес, спущенный хозяином с поводка, губернатор нырнул в проход шатра и исчез. Андрей содрогнулся, глядя на это избиение, но он понимал: у Николая не было выбора. Иллюзии этого человека были глупы и опасны, и они могли вдохновить последователей. *Лучше, если они будут уничтожены здесь и сейчас. И кстати, дорогой губернатор, вам, надеюсь, ясно, что теперь вы превратились в плетку в руках хозяина?*

– Долго это не протянется.

Андрей повернулся к Николаю и увидел, как тот с интересом уставился на один-единственный солнечный луч, проникший в шатер из-под неплотно прикрытого полога.

– Что? – переспросил Андрей.

– Долго это не протянется. С огнем, который уже пожирает миры Пентагона, здесь нужно обходиться еще осторожнее. Везде, где пожар сожрет сорняки, должны появляться мы и действовать с величайшей осмотрительностью, чтобы достичь того, чего желаем.

Как всегда, Андрей разрывался между пониманием того, что его брат прав, и предчувствием насилия и кровопролития, которые стояли за его словами. Он наперед знал ответ и тем не менее спросил:

– Чего же мы желаем?

– Нового общества, брат. Нового общества, которое похоронит наши старые ошибки. Нового общества, которое вернется и воссоздаст Звездную Лигу.

3

*Лагерь «Альфа», неподалеку от Страны-Прайм
Новая Терра, Страна Мечты
Скопление Керенского
7 июля 2802 года*

Машина закашлялась, затряслась и громогласно задребезжала. Окна уже построенных блочных домов завибрировали, когда гигантский двигатель внутреннего сгорания в последний раз оглушительно бабахнул и завелся. Теперь мех издавал лишь равномерное урчание. Можно было буквально почувствовать его чудовищную силу, ждавшую лишь освобождения.

Андрей затянул на себе шестикнопочный страховочный пояс и попытался как можно удобнее устроиться в древнем командном кресле. Завывание турбодизельного мотора, пущенного на полную мощность, заглушило даже его собственный смех. *Что за страшная мощь! Впрочем, если сравнивать с современными термоядерными двигателями – это все равно что пудель против волка.*

Андрей окинул взглядом циферблаты и переключатели на пульте. Ему казалось, что он ощущает запах нафталина в кокпите недавно реактивированного рабочего меха. Сориентировавшись – в ушах все еще звучали едкие комментарии прораба Соррена насчет его способностей – он медленно двинул вперед рычаг скорости.

Машина снова взвыла и выбросила мощный клуб дыма, немедленно заполнивший кокпит, защищенный кое-где лишь решетками. Андрея прошиб пот, когда мех медленно сделал первый громыхающий шаг вперед.

Пустив машину легкой рысью, Андрей воспользовался преимуществами адаптированного высокотехнологичного контроллера движения. Новехонький прибор давал пилоту, кроме всего прочего, возможность корректировать направление одним взглядом и по желанию останавливать мех или менять скорость его передвижения.

Андрей до сих пор восхищался тем фактом, что этот допотопный рабочий мех пережил столько лет, чтобы быть переоснащенным и введенным в строй с помощью новейшей технологии. Почти все эти устаревшие конструкции были отправлены на свалку и заменены более современными вариантами с термоядерными движками – по крайней мере, те, которые оставались в собственности миров Гегемонии. *Но если требуется за ночь выстроить на ровном месте целый город, пригодится любая нафталиновая рухлядь.* И хотя запасы нефти на всех до сих пор колонизированных мирах были весьма ограничены, это означало лишь, что данный мех в скором времени снова отправится на склад. Андрей вымученно улыбнулся и удивился собственным чувствам, проснувшимся в нем по отношению к этой ходячей коллекции ржавого металла. *Давай-ка расставим все точки над «i» – я не считаю тебя настоящим мехом.*

Андрей заманипулировал рукоятками вторичной контрольной системы – прикрепленная к манипулятору клешня в форме титанической буквы С сомкнулась на пятнадцатиметровом фрагменте стены. Рабочий мех с легкостью поднял многотонную конструкцию, словно маленькая девочка, собирающая кукольный домик. Лишь гироскопу пришлось потрудиться, распределяя вес согласно сместившемуся центру тяжести. Через нейрошлем, который был вдвое тяжелее своих собратьев на современных боевых мехах, он получал импульсы, переданные со среднего уха Андрея, которые позволяли ему удерживать мех в равновесии.

Андрей манипулировал рычагами и педалями, словно в первоклассной хореографической постановке, однако, несмотря на его усилия, первые шаги машины напоминали спотыкающееся ковыляние сильно пьяного человека. Хотя на его пути не было серьезных препятствий, движение вокруг напоминало пчелиный рой – оно заставляло его полностью сконцентрироваться на управлении мехом. Положиться на автоматику он не мог. Андрей еще раз напомнил себе, что мимо бесчисленных гражданских рабочих, автокаров, гор оборудования и военных машин он должен продвигаться с величайшей осторожностью. Он не должен нанести никаких повреждений – по крайней мере, не таких, которые нельзя было бы починить.

Катюша.

Несмотря на сбивающую с толку смесь звуков и мельтешение вокруг, это слово немедленно завладело его вниманием; *Словно лёгкий осенний ветерок, веющий сквозь листву.*

В противовес воспоминаниям о его отце и об их разногласиях, мысли о матери не пробудили в нем никаких неприятных чувств, как он этого сначала ожидал. Несмотря на годы отчужденности, предшествовавшие её смерти, память о ней не заставляла открыться те же старые раны, боль от которых Андрей ощущал каждый раз, когда думал о великом генерале.

Вместо этого он почувствовал почти сладостное томление. Ему вспоминался давно канувший в прошлое, напоенный солнцем летний день, весь в ярчайших красках и звуках, какие издают дружные семьи на пикнике. *Мороженое и дыня...* Резвящиеся дети и беспечно болта-

ющие взрослые – прекрасное воспоминание, однако оно быстро поблекло, словно забытая на холоде и дожде у причала лодка.

Андрея оторвал от размышлений особо сильный толчок – его мех попал своей металлической ногой в гигантскую воронку. Он притормозил машину, переключил контроль движения на автоматику и взялся за рычаги дополнительного управления. Джойстиком он заставил мех поднять гигантскую секцию стены повыше. Активаторы протестующе взвыли, однако повиновались. Андрей попытался не упустить из виду желтые флажки строителей, показывавших ему направление. В конце концов, ему удалось установить свою ношу в правильном положении – стена оказалась чисто пристроена к двум уже установленным секциям – и застопорил двигательный аппарат машины. Пока рабочие фиксировали стену в окончательной позиции, Андрей еще раз перетянул страховочный ремень, который угрожал перерезать ему правое плечо.

Он огляделся вокруг. Везде буквально из земли повылезали новые здания. Эта картина обладала почти магическим воздействием – словно чуждая флора и фауна сошла с ума и произвела на свет эти чудовищные сталебетонные растения. Город вырастал из ничего, прямо посреди довольно невзрачной равнины, занимавшей юго-восточную часть Новой Терры. Андрей поразился той скорости, с которой новый город обретал форму. *Нет, если честно – это не город. Ещё всего лишь маленькая деревня. Военная застава. Но мы же всего лишь месяц здесь! Как будет все выглядеть через полгода? Через год? Через десять?*

Непосредственно за холмами, лежащими на горизонте, всего лишь в пятнадцати километрах отсюда находилась старая колония, успевшая достичь солидных размеров. *И если взглянуть на эту пульсирующую активность, которую я наблюдаю с высоты своего меха, то можно не сомневаться в том, что Николай не собирается терпеть эту старую колонию рядом с запланированным им новым городом. Такова твоя месть губернатору, Никки? Твоя беспопечная месть за его безучастность и близорукость?*

Андрей покачал головой. Вообще-то, Николай не был мстителем. Его планы были куда грандиознее. Но если на пути к цели он сможет лишить губернатора власти... эту возможность его брат вряд ли упустит. Выживает сильнейший. В своем стремлении сформировать новое общество Николай сделал первый шаг – начал строительство новой столицы. Город, который должен стать столицей Страны Мечты, столицей скопления Керенского. *Столицей его нового видения.*

И Николай назвал этот город именем их матери.

Сирена возвестила конец смены «наземного» персонала и вырвала Андрея из задумчивости. Он раскрыл клешни меха, поднял их вверх и назад и одновременно заставил машину сделать осторожный шаг назад.

Обратный путь потребовал почти такой же концентрации. Андрей бы с удовольствием включил автопилот, но при таком движении вокруг об этом нечего было и помышлять. Когда он в конце концов достиг того места, где находились строительные блоки, выгруженные с посадочных кораблей, он уже успел заработать пульсирующую головную боль, которая билась в череп в такт бухающим шагам меха.

Андрей направил рабочий мех на отмеченную мелом по сталебетону парковку и отключил машину. Вообще-то, было еще довольно рано, но управлять этой неповоротливой машиной с такой головной болью было так же желательно, как засовывать голову в гнездо колонии кран. *Если я увижу еще хоть один головид с инструкциями по мерам предосторожности против этих кусачих бестий, то я не ручаюсь за содержимое своего желудка.*

Пока он, сверяясь со схемой, отключал последние системы меха и глушил мотор – который не преминул напоследок кашлянуть дымом так же, как в начале работы – Андрей заметил, что его кто-то ожидает. Он не мог узнать ждущего из-за царивших в ангаре сумерек и оранжевый прыжковый комбинезон, в которую тот был одет, также не давал никаких зацепок. Андрей поспешно стащил нейрошлем и спрятал его под командное кресло. После этого он отстегнул страховочный ремень. Встав, он почувствовал, как его мускулы, вынужденные напрягаться несколько часов в неестественном положении, буквально завопили от усталости. Спина Анд-

рея ощущалась, словно пропущенная сквозь мясорубку. *А чего ты ожидал, мистер-профи-в-командном-кресле? Тебе стоило бы почаще тренироваться, чтоб не забыть, что это такое – тяжелый труд на благо общества.*

Андрей едва не рухнул с последних ступенек откидной лесенки – настолько он спешил выяснить, кто же его ждет. Наконец, его ноги коснулись земли и тут же сильная рука ухватила его за плечо.

– Спокойно, Андрей. Тебе не мешает иногда сбросить скорость.

Андрей криво улыбнулся и взглянул на роскошную бороду и ещё более роскошную ухмылку, которые попросту не могли принадлежать никому иному, как его старому другу Уиндхэму Хаттибу.

– Уж кто бы говорил, – отпарировал Андрей, – Тебе-то как это удастся? В твоём распоряжении одни гражданские с голыми руками, никаких промышленных мехов – тем не менее, твоя церковь почти построена.

Уиндхэм принял смиренную позу, сложил ладони и ответил в лучших традициях проповедников:

– Руке Божией все подвластно.

– С помощью рук пары тысяч добровольцев.

– А как ты думаешь, что такое руки Божии?

Оба засмеялись. Андрей размял затекшие от долгого сиденья ноги. Кровообращение медленно восстанавливалось и ощущение было такое, словно тысячи муравьев карабкаются вверх от щиколоток. После этого оба отправились к ближайшему жилому блоку. Андрей ощущал настоящую потребность в горячем обеде и кровати.

– Зачем ты тут? – спросил Андрей после того, как они пару минут молча вышагивали рядом.

– А что, мне нельзя просто заглянуть на огонек к старому другу?

– Конечно-конечно. Но это не ответ.

Уиндхэм покачал головой и запустил пальцы в бороду.

– Ты знаешь, ты становишься все лучше и лучше, Андрей.

– Что?

– Ты не ведешься больше на мои отговорки так легко, как раньше.

– Что? – опять спросил Андрей с наигранным возмущением. – Ты хочешь сказать, что уже разок провел меня?

– Может быть, пару-тройку раз.

Они снова захихикали. Андрей глубоко вдохнул чуждую атмосферу, которая медленно, но верно начинала ощущаться, как привычная. Разговор с давним товарищем приносил ему удовольствие.

– И тем не менее, ты опять ушел от ответа.

От здания их отделяла какая-нибудь сотня метров. Тишину вечера нарушал лишь отдаленный звук каких-то предметов, бьющихся о металлическую поверхность. Уиндхэм внезапно остановился и взглянул ему прямо в лицо.

– Что задумал Николай?

Андрей замер. Этого вопроса он не ожидал.

– Что ты имеешь в виду? Он строит город, вот и всё.

– Нет. Каков его план? Вот это все служит какой-то большой цели.

– Он хочет дать всем беженцам крышу над головой.

Взгляд Уиндхэма стал сверлящим и он снова принялся чесать бороду.

– Брось, Андрей. Это я мог узнать у кого угодно. Но это не в привычках у Николая.

Уиндхэм поднял руки, останавливая невысказанный протест Андрея.

– Я не хочу этим сказать, что Николай строит этот город *не для того*, чтобы помочь беженцам. Но это было бы слишком просто. Тут скрывается еще что-то.

– Ты думаешь, что за этим стоит нечто большее, чем желание дать всем этим людям какое-то занятие?

– Ясное дело, он не только хочет их чем-то занять. В этом нет ничего плохого – уж я-то понимаю это лучше других. Военные мы или гражданские – нам нужно что-то, за что можно уцепиться. Это отвлекает нас от того кошмара, который мы оставили позади себя. От мыслей о родных и друзьях, которые, быть может, остались там.

Андрей пожал плечами, словно этим было все сказано. Развитие беседы ему совершенно не нравилось.

– Но это еще не все. Я внимательно наблюдал за тем, как Николай ходит по лагерю. Ясно, он помогает там и сям, роняет пару слов, говорит то, что люди желают от него услышать. Но, Андрей, я видел его глаза. Подумай вот о чем: я знаю тебя много лет и ты не так уж не похож на своего брата, как полагаешь. Он оценивает каждого из нас. Каждого.

– Это плохо?

– Конечно, нет. Но зачем он это делает? Как будто желает проверить каждого из нас перед тем, что нам предстоит.

– Даже если бы я что-то знал – почему ты считаешь, что можешь что-то выведать у меня? Николай де факто – твой военачальник, – ответил Андрей, уходя в оборону. Он потихоньку раздражался и сам не понимал, почему.

Уиндхэм боролся с собой, его рука опять потянулась к бороде.

Андрей не мог припомнить, появилась ли эта привычка недавно или Уиндхэм обладал ею уже много лет. Наконец, священник ответил:

– Я всего лишь пытаюсь защитить своих овечек, Андрей. Я чувствовал взгляд Николая на себе. На моей общине, когда мы строили церковь. Не то, чтобы мы когда-либо пренебрегали служебными обязанностями. Мы всегда сначала исполняем то, что нам предписано, а лишь потом возвращаемся к работе над церковью. И всё-таки, в его глазах... Я просто хочу знать, почему надо мной творят суд. И я достаточно хорошо знаю Николая, чтобы понять, что нам всем отведена какая-то роль в его планах. Великолепно. Никаких проблем. Но я надеюсь, что эти планы позволят нам и дальше беспрепятственно следовать нашей религии?

Андрей отвел взгляд и посмотрел вверх, в сторону одного из последних лучей заходящего солнца, который отражался от гладкой поверхности здания. Он вдруг почувствовал, что не имеет ни малейшего желания отвечать на вопросы своего друга.

И теперь он знал, почему. *Всегда у меня появляется это дурацкое чувство, когда речь заходит о Николае и его планах построения нового общества. Я их попросту не знаю.* Наконец, Андрей снова повернулся к Уиндхэму. Выражение лица его друга было очень серьезным и Андрей, взглянув в его глаза, принял решение. *Что бы Николай не делал, я знаю, кто мне друзья.* И именно так он собирался с ними обращаться.

– Я тоже не всё знаю. Да, у него масса идей, но делился он со мной лишь немногим – по крайней мере, до сих пор. И подразумевают ли его планы ограничение вашей религии... я не могу этого в данный момент сказать, – Андрей ненавидел сам себя за этот расплывчатый ответ. Он чувствовал себя почти виноватым в том, что не может сказать другу ничего больше.

Уиндхэм глянул в сторону, любуясь роскошными красками заката, заставившими весь фасад дома пылать огнем. Андрей почувствовал, как веявший до сих пор легкий бриз усилился до настоящего ветра, который заставил его поежиться. *Будем надеяться, это не знак.*

Уиндхэм вновь повернулся к Андрею:

– О'кей, Андрей. Но ты дашь мне знать, если узнаешь что-нибудь еще? Что-нибудь?

Андрей с минуту помолчал. Он взвешивал возможные последствия. Что сделает Николай, если узнает, что Андрей разбалтывает секретную информацию? Личное наказание его брата окажется куда тяжелее любых служебных взысканий, которые он может получить за шпионаж. И все же он кивнул.

Они обменялись рукопожатием и долгим взглядом, прежде чем разошлись, кивнув друг другу на прощанье. Андрей был уверен в том, что поступает правильно. *Что бы ни случилось, независимо от любых новых обществ во всей Вселенной – если в них больше не играет роли дружба, то я не желаю быть частью нового порядка Николая.*

*Катюша, Новая Терра
Страна Мечты
Скопление Керенского
10 октября 2802 года*

С небес Страны Мечты лил ледяной дождь, перемешанный с немилосердными порывами ветра. В это время года ливни имели особое значение для планетной экосистемы: они убирали из воздуха споры псевдополипов. Эти споры буквально переполняли собой атмосферу, пусть и ненадолго, на несколько недель в году – по крайней мере, так уверяли колонисты всех «новеньких» – воздух был ими забит столь плотно, что на ум приходило сравнение с тучами злобных ос. Солнце в это время можно было увидеть лишь сквозь дымку, затуманенное спорами, которые отчаянно пытались исполнить свое биологическое предназначение, прежде чем немилосердное светило, наполняющее жарой окружающее пространство после периода дождей, не положит скорый и ужасный конец их краткому существованию.

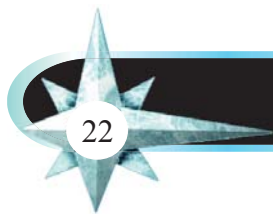
Необычная симбиотическая связь между полипоподобной наземной растительностью, названной колонистами «псевдокустами» (хотя они могли лишь отдаленно напомнить кому-нибудь кусты, да и то – разве что темной ночью) и огромными полиповыми отмелями, произрастающими в океанах, почему-то вызывала всегда в Андрее ощущение неприятия каждый раз, когда Дана восторженно ему об этом докладывала. Невзирая на его скепсис, она продолжала восхищаться инопланетной фауной. В последние недели она после работы установила на угрожающе хлипкой надувной лодке голорекордер и слонялась по морю между колониями псевдополипов, в то время как они выныривали на поверхность и выстреливали в воздух облака спор из своих гротескно раздутых тел. Эти споры вымывались из атмосферы дождями, по которым в это время на Стране Мечты можно было сверять часы, и опыляли таким образом псевдокусты на материке. *Смогу ли я когда-нибудь назвать эти штуки просто кустами?* Псевдокусты отвечали на такую услугу тем, что – насколько этот вопрос в данный момент был исследован – экстрагировали из спор некое определенное вещество, которое через корни попадало в грунт, уносилось сточными водами в океан и там инициировало размножение псевдополипов.

К несчастью, эти споры растворялись в дождевой воде – Андрей предполагал, что таким образом они лучше перерабатывались псевдокустами – и превращали таким образом каждый ливень в настоящую световую феерию, окрашенную в золотые тона. *По крайней мере, пусть этому зрелищу радуются те, кто восторгается эволюционной биологией.* Для всех остальных дождь означал противную слизистую плёнку, покрывающую все и вся.

Андрей зябко повел плечами, укрытыми дождевиком, и быстро проскочил фронтон очередного здания на своем пути. Он едва не поскользнулся на недавно уложенном сталебетоне. *Небо плачет? Может быть. По-моему, это больше похоже на то, что Страна Мечты мочится нам на головы. И кто-то еще утверждает, что мы, наглотавшись этих энзимов, не забеременеет псевдополиповыми детишками!*

Андрею пришлось остановиться – он попал ногой в незамеченную вовремя канаву. Его правая штанина тут же промокла до колена. Он глубоко вдохнул, осознавая, что гнев его направлен, скорее, на его сумасшедшего братца, чем на дурацкие полипы, которым только и надо было, что размножаться, и заторопился дальше. *Хозяин позвал – я прибежал.*

Андрею с трудом удалось подавить саркастичный комментарий по поводу собственной силы воли, пока он преодолевал последние метры по направлению к командному посту Звёздной

Лиги. Конечно, в присутствии Николая никто не называл это здание так, однако за его спиной все, похоже, сошлись именно на этом названии. Андрей не был исключением.

Добравшись до двойной двери, Андрей едва не вывернул себе суставы, дергая за ручки. *Заперто!*

– Никки, что за дьявол?! Ты выдержишь меня из постели в совершенно неурочное время, а сам и носа не кажешь? – завопил Андрей в темноту. Он едва не развернулся, чтобы отправиться обратно в кровать. Однако что-то внутри здания привлекло его внимание.

Андрей попытался что-нибудь разглядеть сквозь залитые дождем оконные стекла двухэтажного дома. Через неплотно прикрытую дверь в дальнем конце коридора просачивался слабый свет. Иногда он переливался всеми цветами радуги, словно к нему прикасались руки Мидаса – когда световые блики падали на золотистую пленку, которой покрылось оконное стекло от полипового дождя. *Что-то непохоже, чтобы этот дождь когда-нибудь прекратился. Почему, ради всего святого, любой мир, который мы колонизируем, должен иметь свой многомесячный период дождей?*

Прикосновение холодного, мокрого стекла немного утихомирило головную боль – Андрей прижался к окну лбом и стал размышлять, сойдет ли ему с рук, если он сейчас развернется и отправится восвояси. *Вряд ли.* Он оторвал голову от стекла и громко, отчетливо постучал в окно.

Прошло достаточно много времени, так что Андрей вновь был готов повернуться и уйти, как вдруг свет стал ярче. Кто-то полностью открыл дверь и пошел по темному коридору в его направлении. Сначала он решил, что это его брат, но пропорции не совпадали. *Женщина? Что тут, черт возьми, творится? Я думал, мы здесь проводим нашу очередную конспиративную полуночную встречу.* Речь шла, вообще-то, о довольно одностороннем мероприятии. Андрей слушал, как его брат высказывает свое мнение по всевозможным темам – от кодекса бусидо, которым руководствовались древние японцы на Terre, до истории Китая XX века и повторного введения дворянства семейством Камерона. Странные мысленные прыжки Николая и порой, казалось, случайные идеи были для Андрея зачастую слишком мудреными – *особенно в полночь, после длинного, тяжелого рабочего дня, проведенного на строительстве города.* Андрей вспомнил цитату, принадлежавшую, предположительно, Маккенне: «Тонкую разницу между гением и сумасшедшим порой можно увидеть лишь в сочетании с иными обстоятельствами, так как самой этой разницы попросту нет».

Когда дверь открыла Дженнифер Уинстон, Андрей отступил на шаг назад.

– Андрей, – приветствовала она его. Голос её был холоднее дождя за порогом.

– Дженнифер, – вежливо ответил Андрей. Она предложила называть друг друга по именам и отказаться от упоминания званий, однако Андрей не был уверен, является ли это проявлением дружеских чувств с её стороны. Однако, если быть точным, его эти раздумья вовсе не беспокоили. По крайней мере, он пытался себя в этом убедить. *Ну нет, она меня из колеи не выбьет. Что она тут вообще делает?*

– Николай посылал за мной.

Она кивнула на ходу, поворачиваясь и шагая назад по коридору – тем самым предоставляя Андрею торчать на пороге, словно нерадивому школьнику. Он не мог избавиться от ощущения, что она пытается ему этим что-то сказать, но совершенно не знал, как интерпретировать ситуацию.

Дженнифер уверенно исчезла за дверью в конце коридора, словно весь дом принадлежал ей одной. Несмотря на неприязнь, которую он к ней испытывал, ему нравилась её уверенность в себе. *Если ты замыкаешься в скорлупу и задираешь подбородок вверх, солдаты зауважают тебя чуть больше, чем многих командиров, следовавших за нами в Исход.* Эта мысль была горькой, но правдивой.

Офис Николая, находившийся за дверью, каждый раз заново изумлял Андрея своей спартански-утилитарной обстановкой. Никаких личных предметов, никаких фотографий на стенах. Бюро, предназначенное исключительно для полезной деятельности – *место для всего и все на*

своем месте. Точно так же, как и в твоей палатке, Никки. Ты так боишься хоть от чего-нибудь зависеть?

Николай поднял взгляд от голостола, который до сих пор полностью владел его вниманием, и выпрямил явно затекшую спину.

– Андрей. Хорошо, что ты пришел.

– Нам обязательно всегда встречаться так поздно? – ответил Андрей и мысленно прикрикнул на себя за то, что реагирует так по-детски в присутствии Дженнифер. *Вечно подливать масла в огонь – не лучшая идея.*

– Прогресс никого не ждет, Андрей, – опередила Дженнифер Николая, который, казалось, жалел времени даже на то, чтобы открыть рот и ответить. Николай бросил на неё непонятный взгляд и она ответила таким же. Насколько Андрей успел заметить, выражение их лиц при этом не изменилось ни на йоту: два ледника, пробивающие себе дорогу через континенты, по все новым и новым землям, и внимательно наблюдающие друг за другом, чтобы никто из них не посмел без ведома другого даже камешка лишнего задеть. Николай снова повернулся к Андрею, однако не стал, как это вошло уже в привычку, размахивать словами, словно оружием – *так, как он, наверное, поступил бы в отношении любого другого человека.*

Краем глаза Андрей наблюдал за Дженнифер. *Откуда, черт побери, ты взялась и где мой брат? Куда ты его спрятала? Мгновение назад ты еще была просто одним из подчиненных ему младших командиров – и вдруг принимаешь участие в наших доверительных беседах?* Не знай он своего брата, он мог бы подумать о любовной связи между Николаем и Дженнифер.

Но короткий взгляд, которым обменялись эти двое, ясно продемонстрировал ему, что ни о какой любви тут речь не идет. *Нет, похоже, тут что-то иное. Что-то, до чего я должен докопаться. Но не сейчас.*

– Мы начнем тесты первого января.

Как обычно, дух Николая, казалось, находился в стадии своеобразного прыжка через подпространство. Его мысли шныряли между этим миром и сотнями возможных альтернативных реальностей. Это приводило к тому, что Николай порой более или менее резко обрывал текущие беседы посреди фразы так, словно в какой-то иной реальности он уже подробно обсудил эту тему с Андреем готов продолжать её только с того пункта, на котором они там, в этой иной реальности, остановились.

Андрей снова вспомнил фразу Маккенны. Обычно Николай изъяснялся столь непонятно, если до того продумал свою идею до мелочей. Андрей попытался не оглядываться так часто на Дженнифер, но это ему никак не удавалось. *Так что, эту задачу ты тоже переняла теперь у меня?*

– Какие тесты?

– Тесты, которым должны подвергнуться наши солдаты, Андрей.

– Эээ... Николай. Мне казалось, мы уже прошли тесты. На Эдеме. Мы все.

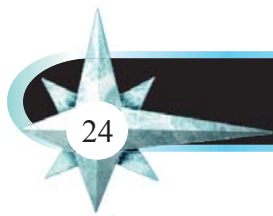
– И это так здорово сработало, – включилась Дженнифер.

– Почему мы должны снова все это повторять? – не позволяя себя отвлечь, продолжил Андрей. При этом он старался, насколько возможно, игнорировать присутствие Дженнифер. Она ему эту задачу никак не облегчала.

– Потому что в первый раз мы всё делали не так. Отборочные тесты генерала проходили слишком традиционно, по-старому. Мы не можем просто отыскивать лучших солдат. Мы должны найти новые пути. Новые испытания должны дать уверенность в том, что те, кто их пройдут, отдадут себе отчет, насколько важно наше предприятие.

– Я не уверен, что правильно тебя понимаю. Как мы можем проводить испытания как-то иначе, чем в прошлый раз? Наш отец позаботился даже о том, чтобы мехвоины показывали отличные навыки обращения с ручным оружием. Чего ты хочешь еще? – как обычно, Андрей выделил голосом слово «отец». Слишком часто Николай, казалось, также был ослеплен почтением к великому генералу.

– Есть возможности.

– Отборочные тесты с применением настоящих боеприпасов обычно дают идеальные исходные условия для выбора лучших и наиболее одаренных, – снова вмешалась Дженнифер.

– Что?

Невысокая фигура Дженнифер полностью завладела полем зрения Андрея и он не мог избежать взгляда ей в лицо – пепельно-серые глаза, коротко стриженные каштановые волосы, обрамляющие прямые черты лица. *Такие глаза должны нравиться Николаю.* Его раздражало, что он так легко дал себя отвлечь.

– Андрей, – продолжил Николай, – есть много способов избавиться от прошлого. Один из них – экзамены с применением боевого оружия.

– Не может быть, чтобы ты говорил серьезно.

Подбородок Николая опустился.

Осторожно, Андрей. Очень-очень осторожно. Ты движешься по минному полю.

– Во сколько раненых это обойдется? Во сколько жизней? Я знаю, Николай, ты думаешь о нашем возвращении. Я знаю, ты хочешь сформировать новое общество. Я это понимаю. Я даже считаю твоё мнение верным. Но нас здесь очень мало по сравнению с теми, кто остался на мирах Пентагона. Можем ли мы вообще себе позволить так ослабить наши силы? Только, чтобы испытать самих себя?

– Но, Андрей, ты ведь тоже поставил себя в непривычную ситуацию только ради испытания,

– Дженнифер смотрела на него, словно собирающаяся пообедать акула.

Андрей ответил ей возмущенным взглядом, лихорадочно пытаясь сообразить, что она имела в виду.

– Ты о чем?

– Не скромничай, Андрей. Бой против кадетов на симуляторах в академии, когда ты там преподавал. Когда ты выкроил себе лишнее симуляторное время, чтобы выйти против четверых кадетов одновременно. Я слышала, это нанесло им незабываемую травму.

Андрей попросту не смог закрыть рот, пока слушал это повествование. *Откуда, черт побери, она об этом узнала?* Короткий взгляд в сторону Николая подтвердил, что его брат также был в курсе дела и разделял мнение Дженнифер.

– Но это же совсем другое. Это бой на симуляторах...

Воспоминания об обстоятельствах этого происшествия, которые он, как полагал, давно уже похоронил, снова всплыли в голове и он зарделся от стыда. *Учитель никогда не должен так давать себе волю перед своими учениками, неважно, насколько они его достали.*

– Да еще и страшная ошибка к тому же, – тихо добавил он.

– Я знаю, Андрей, – сказал Николай. – Однако, кроме всего прочего, это была ломка традиции. Это было блестяще. Насколько точно и умело ты вырубил своих противников, применив минимум расходных материалов и показав потрясающую многогранность твоей техники... блестяще. – Николай обошел голоστόл и Андрей увидел детали его одежды. Подойдя ближе, его брат вышел из тени и луч от голостанка отчетливо высветил черты его лица с такой интенсивностью, что она, казалось, перешла к его словам.

– Армия Звёздной Лиги достигала своих целей с помощью максимальной концентрации огневой мощи на определенной точке времени и пространства. Эта ментальность типа «пан или пропал» просочилась во все слои нового общества, которое пытался основать генерал. А теперь ею пользуются даже гражданские, чтобы убивать друг друга. Нет, Андрей. Пришло время порвать со вчерашним днем. Время создать совершенно новую общественную форму. И это общество нуждается в воинах, чтобы достичь своих целей. Первого января будущего года мы начнем тесты.

Николай обернулся к Дженнифер и оба снова обменялись непонятными взглядами, прежде чем Николай снова отошел к голоστόлу.

Андрей задавался вопросом, зачем его вообще сюда позвали. *Дженнифер с удовольствием швырнула бы меня в гнездо скалогрызов, а Николай так или иначе уже принял свое решение.*

В конце концов он пришел к ответу.

– Николай, – мягко сказал Андрей и стальные глаза немедленно уставились на него. – Если ты порываешь с прошлым, не забывай ни в коем случае, что прошлое содержит в себе много плохого, но и много хорошего. Не забудь то хорошее, что сделал наш отец.

Дженнифер снова пронзила его взглядом. Однако Николай медленно кивнул – и это было больше, чем Андрей надеялся получить в ответ.

5

*Неподалеку от Катюши
Новая Терра, Страна Мечты
Скопление Керенского
1 января 2803 года*

Горечь вгрызалась в его сознание.

Сказочный зимний ландшафт расстился перед Андреем, словно древняя статуя, выполненная из чистейшего кристалла. До самого горизонта чуждые чудеса Страны Мечты застыли в ледяном молчании пространства и времени. На мгновение, на эту самую секунду мир оказался заморожен в своей борьбе против неумолимого Времени.

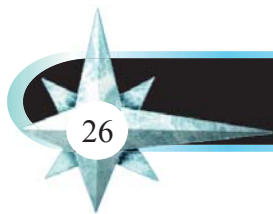
Слева от него начинался лес. Ветви псевдодеревьев были покрыты толстой коркой наледи, а довершал картину почти метр свежевыпавшего за ночь снега. Его тяжесть медленно пригибала ветки к земле, пока псевдодеревья не стали похожими на старых согбенных бабушек с поникшими плечами – результат почтенного возраста и тяжело прожитой жизни.

Под острым углом влево от места, где стоял Андрей, простирался ближний подлесок – бесконечная череда старух, одетых в зеленое и белое. Прямо рядом с ним располагался вход в широкую долину. Словно колышущееся поле генетически измененной пшеницы, застывшей на мгновение перед зрачком голокамеры, во все стороны бесконечными волнами на сотни квадратных километров простирался снег. Далеко справа от Андрея обзор перекрывала горная цепь – мифический титан, впавший под снегом в зимнюю спячку. Только бедра и плечи его были более-менее свободны от белого одеяла, а тело гиганта являло собой правый фланг долины, перед которой он стоял.

Идеальная сцена для голооткрытки. Привет мамочке, рассказ о развлечениях дочурки, впервые посетившей другую планету. Или, например: «С любовью от твоей жены, которая ждет-не дожидается возвращения домой, к любимому мужу». Что мы здесь делаем?

Его мысли и реальность одновременно вторглись в пасторальное умиротворение этой сцены и смели его прочь. На краю поля зрения Андрея появилась чернота: он подавил гнев, преследовавший его уже несколько дней – словно голодный хищник, идущий по следу подраненной добычи.

Здесь и там установить артиллерию. Вон там, впереди, должен занять позиции авангард, придется возвести укрепления. Сектора обстрела здесь и здесь, с возможностью перекрес-

тного огня вдоль этой линии. Вон ту секцию заминировать и тоже включить в сектор обстрела. Пехота окапывается с обоих флангов, танки идут вперед в укрытие и маскируются. Боевые мехи выстроить в линию за первой лесополосой, легкие машины укрыть за холмом, чтобы можно было их быстро использовать в любом месте в качестве подкрепления. Запасные позиции тут, тут и тут. Отлично защищены. Здесь можно задержать втроекратно превосходящие силы противника.

Снежная шапка сорвалась со стоящего рядом псевдодерева. Словно бабушки-старушки стали бодренько сбрасывать с себя лишний груз снега, подталкиваемые предчувствием приближающейся угрозы. Вибрацию почвы от могучих шагов боевых мехов можно было чувствовать все отчетливее – всё то время, пока Андрей занимался своим безукоризненным боевым анализом ландшафта. Бал начался и он почувствовал, как его охватывает ледяной холод. Он содрогнулся и закашлялся, втянув морозный, острый, словно кинжал, воздух. Из рта поднялись несколько облаков пара, немедленно подхваченные ветром. Человеческие легкие просто не созданы для такой погоды.

Он бросил взгляд через правое плечо назад. На секунду ему показалось, что спящий великан, лежащий с правой стороны долины, зашевелился. Но сон титана был крепок и снежное одеяло, которым зима укрыла его, успело превратиться в настоящую ледовую броню. Андрей вновь всем корпусом почувствовал содрогание почвы – однако на этот раз сильнее – и отмахнулся от своего видения, растаявшего, как облачко пара. В этот момент поблизости показалась самая могучая машина из всех, какие изобрело человечество – двенадцатиметровый боевой мех прошествовал мимо него и направился в долину. Снег не представлял серьезной преграды огромным ногам, подвижным миомерами.

Даже через утепленный комбинезон и наушники с двойной изоляцией Андрей уловил завывание активаторов, обеспечивающих машине подвижность. Шаги бухали мощно и размеренно, а руки, двигавшиеся вперед-назад им в такт, настолько усиливали шум, что Андрею показалось, что вокруг него бушует рой рассерженных шершней. Солнечный свет отражался от систем оружия на торсе колосса и огромная пушка-ПЧ под правой рукой, казалось, была вся наполнена адской энергией, ждущей только возможности выплеснуться наружу.

Почему первой должна быть именно ты? Имеет ли это вообще какое-то значение? Андрей даже не пытался подавить свой гнев. Напротив – он хотел разозлиться как следует, но это у него не получалось. Вместо чувства злости он снова ощутил горечь – ту горечь, которая заменила в последнее время собой всякую иную эмоцию. *Наверное, всё это – моя вина. Но только ли моя? Как будто я тащу за собой недостаточно всякой дряни. Должен ли я в самом деле за все это обвинять самого себя?*

На некотором расстоянии, вероятно, даже за пару километров отсюда – *трудно сказать: интенсивное отражение солнечного света превращает долину в гигантскую комнату кривых зеркал* – он мог различить противников «Блэк Найта», который только что прошел мимо него. Он взялся за цифровой полевой бинокль, висевший на неопреновом ремне у него через плечо, и приложил его к снежным очкам, защищавшим его глаза от ледяного зимнего ветра. Андрей поколдовал над кнопками приближения и вся сцена словно прыгнула поближе к нему, так что трио, противостоящее «Блэк Найту», оказалось прямо у него перед носом. «Ланселот», «Найтхок»... и «Клинт».

Ну, как минимум, все три – более лёгкие, чем «Блэк Найт». И Никки милостиво остановился на трех противниках, а не на четырех, как планировал. Впрочем, обе мысли не смогли как следует успокоить Андрея. «Дьявол, о чем ты только думаешь, Никки?» – заорал он в морозное пространство, используя даже вслух прозвище своего брата, которое обычно держал при себе.

– О том, что в конце концов, когда закончатся квалификационные тесты в боевых условиях, будет создана армия фанатично преданных бойцов, Андрей.

Он переполошенно уронил бинокль и резко обернулся назад. Температуры его тела хватило на то, чтобы тонкий наст, на котором он уже несколько минут стоял, начал подтаивать. Резкого

движения оказалось достаточно, чтобы одной ногой пробить эту корку. Он потерял равновесие и жестко ударился бедром и локтем о ледяную поверхность.

Андрей сел и поднял глаза вверх, радуясь, что зимний комбинезон скрывает его красное лицо. Прямо перед ним стояло еще одно такое же покрытое с ног до головы форменным комбинезоном человеческое существо. Это вполне мог быть Николай или даже – *только не это!* – Дженнифер Уинстон. Или один из нескольких дюжин офицеров-наблюдателей, присутствующих на этих бесконечных, бесчисленных тестах. *Одна мысль о том, сколько месяцев все это продлится, сколько военного имущества будет уничтожено, сколько раненых и убитых... и сколько придется потратить на восстановление людей и машин...* Эта мысль причиняла слишком большую боль, чтобы додумать её до конца. Андрей не хотел даже вспоминать о том, что это только начало и они стоят на пороге совершенно иных времен.

– Извини, – сказала непонятное существо и протянуло Андрею руку, чтобы помочь встать. Хотя из-за костюма Андрей не мог определить – женщина перед ним или мужчина, но хватка чужака была явно женской. Он поднялся на ноги. *Откуда-то мне знаком этот голос.* Но кого он ему напоминал – этого Андрей сказать не мог.

Несмотря на мрачное настроение, Андрей улыбнулся – и удивился, что еще может улыбаться. *Странно, что делает с нами любопытство.*

– Не извиняйтесь. Вы меня просто ошарашили. Сам виноват.

– Когда человек так весь закутан, к нему может незаметно подкрасться целый мех. Мне нужно было предупредить.

– Ничего, все в порядке.

Охваченные теплоизоляционным комбинезоном плечи приподнялись и опустились, словно вновь прибывшая придавала не слишком большое значение этой истории. Андрея разбирало любопытство и он лихорадочно рассуждал, кто же перед ним. *Ей известно мое имя, почему же мне не известно её?*

– Что вы только что сказали? – в конце концов переспросил он. *Если я начну с ней разговор, мне будет легче определить, с кем я имею дело.*

– Я говорю: Николай отлично знает, что делает.

– Вполне возможно, но знает ли он, чего хочет?

– Конечно же.

– И чего же он хочет?

– Фанатично преданного общества.

– Как? – Андрей незаметно перенес вес тела на другую ногу, чтобы хоть немного разгрузить ушибленное бедро. Постепенно до него начало доходить, насколько паршиво он себя чувствовал. *Почему, собственно, я дискутирую на подобные темы с кем-то, кого даже не могу узнать?* Андрей задумался, должен ли он чувствовать себя предателем по отношению к Николаю. Но он лишь с изумлением вынужден был признать, что его собеседница быстро вызвала в нем доверие, подобное которому он испытывал разве что в отношении Раймонда и Уиндхэма.

– Точно так, как я сказала.

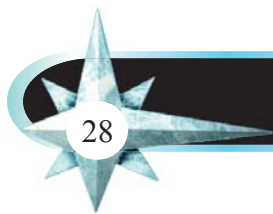
– Отлично. И какое это имеет отношение к сегодняшним тестам?

– Разве это не очевидно?

– Очевидно, нет.

Собеседница Андрея обернулась к полю сражения, когда утренний воздух сотрясла серия взрывов. Чувство вины захлестнуло Андрея и он едва не упал снова, также резко обернувшись. *Как я мог об этом так быстро забыть?* Он с отвращением потряс головой. *Потому что мне так хочется. Потому что я рассержен и взвинчен. Если с нею что-нибудь произойдет...* эту мысль он попросту не мог додумать до конца.

В долине тем временем бушевал настоящий огненный шторм из ярких энергетических лучей, гарцующих на огненных хвостах во все стороны ракетах и потоков обедненного урана – боевые мехи сблизилась на оптимальное для прямого боевого контакта расстояние. В морозном, прозрачном воздухе вся ситуация выглядела какой-то нереальной. Но присутствие смерти

ощущалось все явственней. Хотя «Блэк Найт» весил больше, чем любой из его противников – 40-тонный «Клинт» вместе с 35-тонным «Найтхоком» весили примерно столько же, сколько и «Блэк Найт» – их огневая мощь была куда более впечатляющей.

Металлические когти ухватили Андрея за сердце и ему показалось, что он не в состоянии больше дышать. Он снова поднял полевой бинокль к глазам и бой оказался немедленно до боли близок. Луч тяжелого лазера «Найтхока», поддержанный потоком заряженных частиц из ППЧ «Ланселота», расплавил броню на правой ноге «Блэк Найта». Более тонны бронеплит в долю секунды пролились вниз обжигающей жидкостью, на лету превращаясь под действием мороза в бесформенные куски стали, градом обрушившиеся на снег. Идиллический ландшафт превратился немедленно в покрытую оспинами кожу аллергия.

«Блэк Найт» не стал дожидаться повторного приглашения и ответил из ППЧ и спаренных средних лазеров. С хирургической точностью лучи вонзились в выдвинутую вперед секцию «Найтхока», соединяющую голову с корпусом. Нанесенные повреждения оказались впечатляющими: броня оказалась пробита и адская энергия вгрызлась глубоко в чувствительное нутро машины. «Найтхок» поскользнулся на середине элегантной дуги, которую описывал, и захромал дальше, словно пьяный. Машина побрела прочь от центра сражения под острым углом по отношению к своему прежнему курсу, причем из дыры в центре корпуса поднимались клубы черного дыма.

Попадание в гироскоп, никаких сомнений.

Гордость охватила Андрея, наблюдавшего за тем, насколько спокойно ведет себя мехвоин на борту «Блэк Найта» – однако она немедленно сменилась ощущением давящего страха, когда машины обменялись новыми залпами. Грохот – творение рук человеческих – сотряс долину, когда «Клинт» разрядил свою автопушку. Поток снарядов из обедненного урана прочертил глубокий след на девственной белизне снежного покрова, однако пилот откорректировал прицел, поднял ствол и направил его точно на уже поврежденную правую ногу «Блэк Найта». Выстрелы отрывали броню большими кусками и пилот не отпускал гашетку, пока снаряды били в ногу выше и выше, до бедра «Блэк Найта». В тот же момент пилот «Ланселота» разрядил оба тяжелых лазера и ППЧ своей машины. Яркие энергетические вспышки на какой-то момент ослепили наблюдателей. Со скоростью света три луча прочертили свой путь от «Ланселота» к «Блэк Найту».

Словно предвидя этот ход, пилот «Блэк Найта» в буквальном смысле слова в последнюю секунду рванула свою машину в сторону, так что луч ППЧ пронесся мимо цели. На месте, куда он вонзился, немедленно образовалось облако пара, которое немедленно выпало обратно на землю в виде снега. Однако оба больших лазера попали в «Блэк Найт», причем один – прямо в кокпит. Бронестекло обжигающей жидкостью потекло по торсу машины вниз, застывая на морозе причудливым рельефом.

– Нет! – завопил Андрей, увидев, как близко смерть подобралась к пилоту «Блэк Найта». Еще одно попадание в это место – и битва проиграна.

– Андрей! – прервал его голос, звучавший теперь совсем рядом. Несмотря на захватывающую сцену, он не мог не отреагировать и отвернулся от картины безжалостного насилия. – Она отважна и дерется, как демон.

– Да, – ответил Андрей, с трудом сплывая здоровенный ком в горле. – Но глупа. Бесконечно глупа. Это все совершенно бессмысленно.

– Ты в самом деле так думаешь?

Неожиданно осознав, насколько близок он оказался к тому, чтобы подвергнуть сомнению действия своего брата – *между прочим, моего прямого начальника* – Андрей содрогнулся, словно освобождаясь от паутины страха и горечи, которая, похоже, держала его в плену.

– Ты кто? – он спросил резко, неожиданно, без всякого любопытства и потеряв всякий интерес к словесным забавам.

Его собеседница медленно покачала головой – волна возбуждения прокатилась по его телу и кожу стало покалывать, но он изо всех сил постарался подавить это чувство – и медленно под-

няла руки, чтобы снять капюшон. Потом незнакомка стащила маску и защитные очки, так что он смог разглядеть ее. Легкое облачко пара, на секунду закрывшее её черты, поднялось вверх и Андрей уставился в лицо одной из самых красивых женщин, которых только видел в своей жизни.

– Мак-Эведи, – мягко произнес он.

Она расцвела улыбкой.

– Зови меня Сарой. Долго мы не общались, Андрей. Сколько времени прошло?

– Почти год.

– Точно. Думаю, мы оба были слишком заняты.

Несмотря на смущающие мысли, связанные с Сарой Мак-Эведи, Андрей также не смог скрыть улыбку. Он вновь обернулся к полю боя, где сражающиеся как раз начали новый раунд битвы. Плотный огонь из всех видов оружия уничтожал тонны брони с обеих сторон. На долю секунды он не мог определить, почему его сердце в этот момент вдруг бешено заколотилось: был ли это страх за мехвоина на борту «Блэк Найта» или внезапная и неожиданная встреча с призраком, спасшим его жизнь? Чувство вины, еще большее, чем то, которое он испытал в связи со страшным скандалом между ним и Даной пару дней назад, лишило его воли. *Ублюдок. Ты просто сумасшедший, проклятый ублюдок. Ты её вообще не заслуживаешь.*

– Андрей, – еще раз сказала Сара.

Он взглянул на нее.

– Дана приняла свое собственное решение. Она, а не ты. Она понимает, что пытается сделать Николай и явно приняла решение следовать за ним, насколько сможет.

Андрей снова сглотнул ком в горле, стараясь по возможности не обращать внимание на яркие вспышки и грохот канонады где-то на краю своего сознания. *Опять члены Звёздной Лиги, убивающие друг друга.*

– Почему мы должны убивать своих же людей? Чтобы появилось новое общество?

– Ты считаешь, что мы именно это и делаем?

– Черт побери, а ты так не считаешь? Вот эти самые мужчины и женщины, которые там дерутся – они близки к тому, чтобы укокошить один другого. Укокошить Дану. А я – тот, кто в этом виноват.

Она сделала шаг к Андрею и прежде, чем он успел опомниться, – он не смог даже приблизительно заметить её движение, – влепила ему пощечину.

Хотя этот удар и близко не сопровождался той болью, какая возникает от удара открытой ладонью по незащищенной щеке, но голова Андрея, тем не менее, весьма ощутимо дернулась. Он застыл с открытым ртом – не столько из-за боли, сколько от изумления – и мог лишь бессмысленно таращиться в сверкающие гневом глаза Мак-Эведи.

– Прекрати. Николай нашел бы путь добиться своего, что бы ты ни сделал, Андрей. Одно то, что он построил свои тесты так, что они оказались похожи на твою дурацкую ошибку, не означает, что ты несешь за них ответственность. Точно так же, как ты не виноват в том, что Дана дерется там, в долине.

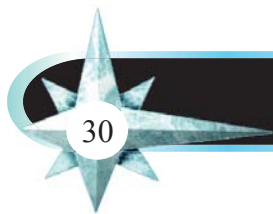
Какое-то время они просто смотрели друг другу в глаза. Его сердце билось в одном ритме со звуками канонады, доносимыми ветром. И вдруг стало тихо. Оба одновременно обернулись к полю боя. Желудок Андрея схватил спазм и ему показалось, что его сейчас стошнит: у него на глазах «Блэк Найт», рассыпая сплавленные металлические части, рухнул на землю.

Андрей хотел закричать, но не смог, и беспомощно наблюдал, как «Клинт» – похоже, единственный мех, способный самостоятельно держаться на ногах – медленно направляется к останкам «Блэк Найта». Прошли бесконечные тридцать секунд, прежде чем «Клинт» поднял руку, сигнализируя одновременно конец боя и то, что пилот «Блэк Найта» – *как минимум* – жив.

Но в каком она состоянии?

– Посмотри, Андрей, твоего результата она не добилась, но победила двоих. И никто не убит. Хороший знак для начала испытаний.

– Может, и так, но убитые еще будут. Да-да, конечно, все мы когда-нибудь умрем. Я своими глазами видел, как ты убивала ребят из моего звена.

Сара на мгновение уставилась в пустоту поверх его плеча – её взгляд был направлен на нечто ужасное, что могла видеть она одна.

– Я убивала и своих товарищей, когда перешла на вашу сторону. Все мы умрем. Вопрос только: как и почему.

– Проклятье, да нет же! Не может быть, чтобы это было все. Должно быть что-то большее, чем это!

– Почему?

– Почему?! – Андрею показалось, что он сейчас лопнет.

– Ну да, почему?

– Я не знаю. Но должно быть что-то.

– Сообщи мне, если ты узнаешь.

Андрей открыл рот для ответа, однако вынужден был признать, что не в состоянии ничего объяснить, как бы ему ни хотелось, чтобы Сара поняла. Я встречал тебя всего лишь два раза в своей жизни. *Почему для меня так важно тебя убедить?* Он попытался найти ответ на этот вопрос, продираясь сквозь разрывающие его на части чувства. В конце концов, он обнаружил нечто, имеющее хоть какой-то смысл. Но то, что он понял, было совсем не успокаивающим, и он это осознавал.

Потому что Дану я не смогу убедить никогда. Потому что это важно – убедить хоть одного человека: хоть одного-единственного, кроме меня самого, который бы, как я – несмотря на то, что мы избрали новый путь – не поддавался бы искушению слепо следовать по этому пути, не обращая внимания на то, что возникает по сторонам от него.

– Ты все еще не ответила на мой вопрос, – в конце концов сказал Андрей. Он знал: если он хочет убедить хоть кого-нибудь, не говоря уже о себе самом, – ему придется потратить на это куда больше, чем полдня. *Особенно потому, что Сара, похоже, так же, как и Дана, принадлежит к группе тех, кто слепо покорился мечте Никки.*

– Какой вопрос?

– Почему ты считаешь, что вот это вот все продвинет нас дальше на пути к новому обществу?

Она снова покачала головой и движение это живо напомнило ему жестикуляцию его брата. *Разочарованно.* Сара снова надела маску и защитные очки. Даже за столь короткое время зверский холод мог привести к обморожению.

– Потому что, – начала она, причем слова её теперь стало труднее понимать из-за маски – новое общество, в котором воины станут высшим слоем, требует, чтобы воины знали, *почему* они оказались на самом верху этого общества. Взглянуть смерти в глаза и выжить... ничто другое не дает такого сильного ощущения прикосновения руки Бога.

Вот только какого Бога? Эта мысль отвратительно и темно заворочалась в голове Андрея, но он понял.

Он слишком хорошо понял.

Форт Брайан-Мечта 2
Новая Терра, Страна Мечты
Скопление Керенского
12 апреля 2803 года

Гигантские створки ворот наконец-то открылись, похожие на пасть какого-то огромного обжоры.

— О'кей, этого достаточно. Теперь сдайте назад. *На-зад!* В голосе бригадира явственно слышалось разочарование. Водитель рабочего меха слишком небрежно открыл ворота форта. И тут раздражение, легко читаемое на лице и в позе бригадира, в доли секунды превратилось в ужас. Он побежал по направлению к рабочему меху, размахивая на бегу руками, как сумасшедший — знак водителю немедленно заглушить мотор.

Андрей, проезжавший мимо на хOVERбайке из госпиталя, не сразу мог понять, в чем заключается проблема. Однако через мгновение его рот открылся в немом удивлении, когда тончайшая трещина в одной из створок неожиданно превратилась в гигантский разлом. Он все более и более расширялся, разветвляясь в разные стороны и прежде, чем Андрей успел сообразить, створка ворот развалилась надвое. Пыль и осколки разлетелись в разные стороны, когда ворота с ужасающим грохотом рухнули. Несколько сот тонн выглядевшего почти естественно сталебетона, из которого были сделаны входные ворота, ударили по ногам беспомощного рабочего меха и опрокинули его с такой легкостью, словно мастерски брошенный шар для боулинга, сбивающий все кегли одним касанием.

Несмотря на небольшое землетрясение, вызванное падением ворот и меха, Андрей отреагировал мгновенно. Выплывая на ходу пыль и мелкие каменные осколки, он уже бежал к лежащей на земле машине, а за ним по пятам — небольшая группа людей, направляющихся туда же. Однако, не пробежав двадцати шагов, он споткнулся о качающийся обломок ворот. Мир завертелся вокруг него, словно карусель, он упал на левый бок и крепко ударился головой. Перед глазами заплескали звезды, в черепе взорвалась боль, вызывая сверкающие молнии, которые гасли очень медленно.

Андрей снова пришел в себя, все еще ощущая боль, словно тропическое наводнение, медленно распространяющееся внутри него — сначала сильнее, потом слабее, потом снова с такой силой, что сознание его опять помутилось. Он прикоснулся к пылающему месту на лбу. *К счастью, крови нет, но шишка здоровенная.* Он медленно сел, повернул голову влево и вправо и пришел к выводу, что если встанет, то на месте не умрет. *Если только не стану слишком сильно мотать головой.*

Встав и оглянувшись, он с удивлением обнаружил, что в результате падения ворот в воздух поднялось достаточно пыли, чтобы на расстоянии нескольких метров ничего нельзя было разглядеть — словно плотный утренний туман на море. *Значит, я не провалялся без сознания слишком долго.* Шатаясь, он поднялся на ноги и понял, что времени прошло все-таки достаточно: спасатели успели вытащить несчастного водителя из рабочего меха. Нетвердыми шагами он направился к машине, однако передумал. Развалины ворот не казались ему местом, где он со своим гудящим черепом ощущал бы себя уверенно.

Несколько минут спустя он добрался до зияющей дыры на входе в форт. Вспомнилось первое впечатление: *пасть чудовища.*

Андрей вспомнил документальный голофильм, из-за которого в детстве несколько ночей подряд видел страшные сны. В нем рассказывалось о существах, которые когда-то давно жили в

глубинах терранского океана: морские дьяволы. До того, как они были полностью уничтожены в последние ужасные дни Терранского Альянса, этот вид морских животных охотился в глубочайших океанских впадинах. На голове морского дьявола находилось длинное светящееся щупальце, которым он пытался завлечь рыб поближе к пасти. Как минимум, до того момента, как человечество обнаружило в глубинах Вселенной в самом деле чуждые организмы, науке не было известно более ни одно животное, у которого размер пасти был бы столь велик по отношению к размеру тела. Вход в форт напоминал Андрею эту рыбу больше, чем ему того хотелось. Внутри здания завлекательно вырисовывались – *светились* – очертания военного снаряжения, готового уничтожить людей снаружи – *смерть, которую мы вновь и вновь обрушиваем сами на себя*.

Шорох шагов за спиной заставил Андрея слишком резко повернуть голову и он едва снова не упал в обморок.

– Все в порядке?

Он попытался встать по стойке «смирно», когда увидел, что к нему присоединился Николай. На лице его брата не отражалось никаких эмоций – так же, как и в твердых ледяных осколках, похоже, заменивших Николаю глаза. *Как обычно*. Андрей пожал плечами – жест, относящийся как к его мыслям, так и к его брату.

– Я просто, как дурак, запутался в собственных ногах, когда пытался помочь водителю.

– Дурак – не ты, а водитель. Ленивый и тупой.

– Вполне возможно, но это же не значит, что мы не должны спешить к нему на помощь.

– В самом деле? – Николай удивленно поднял брови.

– Николай, – завелся Андрей, однако решил начать по-новой, – Сэр, должны ли мы оставить солдата раненым на поле боя только за то, что он совершил простительную ошибку?

К изумлению Андрея, Николаю удалось слабо улыбнуться.

– «Сэр» у тебя не получается, Андрей. И чтоб ты знал: для солдат не существует *простительных* ошибок. Это все разговоры, призванные замаскировать некомпетентность. Я надеюсь, что в *моей* армии подобных безалаберных солдат нет, не говоря уже о тупых. А если такие найдутся – они об этом пожалеют, причем очень быстро.

От слуха Андрея не ускользнули знакомые легкие полутона, однако он решил не обращать на них внимания. *Конечно, это его армия: он – командующий офицер*. В нем волной поднимался протест, но он не собирался самостоятельно забираться в ловушку. *Мы и так воюем по всем фронтам. Нет смысла открывать еще один*.

– Но Николай, ты забываешь, что существует еще и самое обычное, неизбежное невезение.

– Андрей поднял руку и дотронулся до шишки на лбу, – И не упускай из виду, что эта стенка, скорее всего, так или иначе уже на ладан дышала, – добавил он, указывая на разверстую пасть искусственного холма, в которой скрывался вход в форт, – Я не думаю, что один-единственный мех мог бы устроить всю эту катавасию. Наш отец мог быть кем угодно, но он уж точно не был сверхчеловеком. И он вряд ли мог следить за работой над новыми городами и над возведением этих фортов во всех колониях – точно так же, как и строительный надзор, который он назначил. Я готов спорить, что здесь скрыты несколько конструкционных ошибок и последствия нехватки материалов, которые заставят еще поломать головы наших строителей. Вполне возможно, что те, кто работали здесь в то время, даже просто утащили кое-что со стройплощадки, чтобы обогатиться в будущем. – Андрей бросил на брата косой взгляд, подобный тому, которым тот награждал его самого.

– Туше.

Николай отвернулся от Андрея и посмотрел на форт. В руке он держал сильный карманный фонарь – теперь он включил его и зашарил лучом по входу. Свет лампы с трудом проникал сквозь не успевшую полностью осесть пыль и тьму за воротами. Андрей постарался избавиться от дрожи, пробравшей его, когда он представил себе скрывающийся во тьме гигантский язык, напряженно и с нетерпением ожидавший своей порции человечины.

Николай пошел ко входу и Андрей с опаской последовал за ним. Он прокашлялся, не в силах скрыть свои сомнения:

- Ты уверен, что там безопасно?
- Почему это должно быть не так?

Андрей посмотрел на разрушенную створку ворот, потом на уничтоженный мех и хаос перед входом в форт.

– Хмм, Николай...

– Просто ошибка рабочего. Или ты полагаешь, что это саботаж? – Брат даже не обернулся, явно уверенный, что его голос обладает достаточной убедительностью. *Так и есть.* – Такого генерал никогда бы не допустил, – продолжил он.

Ах, как мило с твоей стороны, что ты просто выбрасываешь мою попытку объяснения на ветер. Андрей едва заметно покачал головой, перебрался через большую кучу обломков и последовал за братом, внимательно следя за тем, чтобы не слишком активно вертеть головой, пока он оглядывался. Он прикрыл рот и постарался задержать дыхание, когда его достиг особенно спертый, насквозь пропитанный пылью поток воздуха от входа в форт. Тем не менее, несколько царапающихся частичек проникли сквозь его пальцы в дыхательные пути и когда они сделали первые, отразившиеся гулким эхом от стен шаги внутрь строения, он не смог более сдерживаться и расчихался.

Усиленный эхом, этот звук прозвучал, как винтовочный выстрел, вновь и вновь возвращающийся, отразившись от дальних, еще невидимых стен, пока не потерялся в глубине коридора. Неожидавшее движение заставило голову Андрея закружиться и он оперся руками о колени, дожидаясь, пока мир вокруг него не перестанет изображать из себя карусель.

– Иногда я не уверен, что знаю все, что отец успел создать, – снова завел он разговор, разогнувшись, – Я только знаю, что он хотел быть уверенным: форты не попадут не в те руки.

– А ты считаешь наши руки «не теми»?

Андрей медлил с ответом в надежде, что брат обернется и посмотрит на него, но Николай опять, казалось, был более заинтересован в том, что лежало перед ним, чем в том, что он оставил позади. *Но ведь мы должны учиться на ошибках прошлого, не так ли, Никки?*

– Любые руки могут быть «не теми», если они окажутся недостаточно осторожными.

Вдруг Андрей почувствовал, как волосы у него на затылке очень неприятно встали дыбом. Он повернулся и разглядел у входа смутный силуэт. *Словно маленький ребенок, пробирающийся сквозь чертоги горного короля.*

Когда вновь прибывший направился к ним, Андрей застыл, словно выросший в пол. Он узнал походку. Даже после стольких лет. Его сердце бешено забилося, дыхание участилось. Он взглянул в зеленые глаза, обрамленные огненными локонами.

– Андрей, – обратилась она к нему и подошла поближе. Карманный фонарик мигнул в её руке и на секунду ослепил его. Воспоминания проносились через его сознание, но он отбросил их и продолжал стоять, словно примерзший к полу. *Не хватает камеры и дней голода и страха, а в остальном все как было. И, конечно же, её зовут не Джес, а Дженнифер.*

– Дженнифер, – Андрей попытался воспроизвести холод и безразличие её голоса, но попытка оказалась безуспешной.

– Небольшая стычка с каменной стенкой?

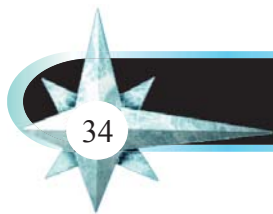
Андрею не удалось отвести взгляд, прежде чем его левая бровь начала нервно дрожать. Сбитый с толку, он отвернулся. Перед его внутренним взором вновь появилась Джес и когда он понял, насколько похожи были обе друг на друга, то задался вопросом, почему это сравнение не пришло ему на ум раньше. *Вероятно, потому, что я её от всей души ненавижу.* Андрей снова взглянул на Дженнифер и увидел, что она присоединилась к Николаю. Он улыбнулся.

– Наконец-то отыскали, – сказала она гораздо более мягким голосом, но в почти до боли тихом помещении её слова звучали в ушах Андрея резко и холодно.

– А ты сомневалась? – ответил Николай.

– Я полагала, это может оказаться... трудным делом.

Николай разразился своим лающим смехом – звук, который Андрей никогда не мог ассоциировать с весельем.

– Я не думаю, что шесть месяцев поисков подходят под определение «легкое дело».

– Как минимум, было сложнее вообще попасть на Страну Мечты. И будет еще труднее.

Андрей знал, что на эти слова возразить нечего. Он последовал за своими спутниками, которые направились в глубины этой рукотворной пещеры, вдоль длинного тоннеля, настолько широкого, что в нем могли свободно разминуться два боевых меха. Андрей еще раз оглянулся назад. Он почти что ожидал увидеть любопытных солдат и гражданских, следующих за ними в глубину форта.

Однако он сообразил, что Дженнифер, скорее всего, применила один из своих знаменитых взглядов – не идущих ни в какое сравнение с теми, которыми отличался Николай – против собравшихся снаружи на безопасном расстоянии людей. *И не промолвив ни слова, дала всем понять, что в них тут не нуждаются.* Гнев, который мог пробудиться в Николае, стал уже при его жизни легендарным, однако каким образом Дженнифер обрела буквально со вчера на сегодня свой статус и свою известность? *Как? Я до сих пор не имею ни малейшего представления...*

Мысли Андрея улетучились, словно сдутые ветром листья, когда они вышли из туннеля. Перед ними раскинулся огромный склад – лишь первый из многих, если этот форт соответствовал общим стандартам для подобных сооружений. В темноте и тишине этих гигантских пещер Андрей воспринимал танцующие лучи карманных фонариков, почти что как шутку. *Титанически.* Ему вспомнились огромные ремонтные заводы боевых мехов Старой Терры.

По бокам зала можно было увидеть полдюжины огромных кубических помещений, чья тьма проглатывала свет ламп. Везде висела густая бахрома паутины, делающая невозможным обзор того, что скрывалось за нею. *Если не знать, что нас здесь ожидает.* За паутиной стояли, словно восставшие из мертвых, огромные боевые мехи в защитных коконах – на первый взгляд, более двух дюжин. *Одна сокровищница из скольких в твоём царстве, горный король?*

– Как проходят тесты? – неожиданно нарушил тишину Николай. Волшебство улетучилось, словно с Андрея слезла вторая кожа. Он был шокирован очевидным святотатством в этом храме самых могучих боевых машин, которые когда-либо были созданы человеческими руками. Он повернулся к своему брату, который был лишь тенью во тьме, и луч фонаря в руке Николая одновременно оказался направлен на него. Дженнифер уже успела отправиться к одной из боковых ниш. *Фанатичная прозелитка, посланная с заданием разбудить спящих богов.*

– Вчера опять погиб один из пилотов, трое попали в госпиталь. Я как раз оттуда, – ответил Андрей. Он слишком поздно заметил, что почти шепчет.

– Я знаю.

Сначала восхищение сделало его почти нечувствительным к царящему здесь холоду, но теперь он медленно вполз в его кости. *Холодно и стерильно,* отсутствие любого намека на тепло. Он посмотрел Николаю в глаза, сжимая кулаки.

– Зачем же ты тогда спрашиваешь?

– По-моему, это тебя особенно интересует.

– Да, *твои* солдаты в самом деле меня интересуют. Ясное дело. Они мои товарищи, как же может быть иначе?

– Единственная цель этой армии состоит в том, чтобы защитить гражданских в нашем обществе – тех, которые в ответ охотно служат солдатам.

Изменение в интонации его брата обычно означало цитату, но Андрей вынужден был снова признать, что знания Николая, касающиеся древних лидеров, далеко оставили позади его собственные. Ему стало интересно, не принадлежат ли эти слова какому-нибудь старинному китайскому повелителю из тех, которых Николай в последнее время все чаще цитировал. *Я должен это разыскать.* Андрей внутренне рассмеялся сам над собой. *В мое столь обширное свободное время.*

– Твой тест тоже уже скоро, так?

У Андрея появилось ощущение, что его брат хлещет его то по левой, то по правой щеке – так быстро тот перескакивал с одной темы на другую. *Или они все взаимосвязаны, а я этого не понимаю, Никки?*

– Да, – ответил он, наконец.

– Мы приведем твоего «Экстерминатора» вовремя в порядок.

– Я знаю, – Андрей хотел еще что-то добавить, но осекся, когда к ним снова подошла Дженнифер.

– С тем материалом, который собран в этом последнем спрятанном форте, мы приведем все наши машины в порядок, – включилась она в разговор.

– А как насчет наших людей? – даже в темноте Андрей смог различить, как Дженнифер пронзила его взглядом.

– Солдаты служат – таково их предназначение. Служа гражданским, они заслуживают их почитание. Именно так, как должно быть. Так, как должно было бы быть, – отрезала она.

Как это было и пошло наперекосяк, ты хотела сказать. Но ты не решаешься нанести хоть одну царапину на светлый образ нашего отца. Только потому, что Николай стоит рядом?

Но на сей раз, и Андрею это было ясно, принудительные меры, на которые никогда бы не решился генерал, послужат не только для того, чтобы навязать гражданским, при нужде – насильно, новый порядок и подчинить их военным.

Николай будет и дальше насаждать свои идеи железной рукой – с Дженнифер или без нее. *И эти тесты – только начало.* При мысли о том, сколько людей погибло или было ранено только потому, что армия нуждалась в тренировках, внутри Андрея все сжалось в комок.

Кулак Николая с помощью складов, заложенных их отцом, оделся в стальную перчатку.

И я – следующий...

7

Лес Джотта Гайзера, Новая Терра

Страна Мечты

Скопление Керенского

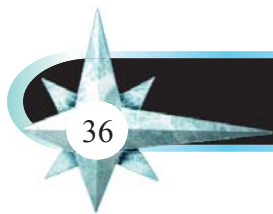
1 мая 2803 года

– Андрей, у тебя все получится.

В первый момент он едва обратил внимание на слова Даны. Его взгляд был обращен на его двенадцатиметровый «Экстерминатор», перед которым они стояли в предрассветной дымке. *Почему я так и не собрался дать тебе какое-нибудь имя?* Эта мысль проскочила в его сознании, словно плоский камешек по поверхности пруда – и утонула в глубине.

– Андрей.

– Ммм..., – солнце посылающее свои первые лучи сквозь легкую облачность утреннего неба, осветило боевой мех изнутри. Солнечный свет заиграл на его торсе – от бедер до кокпита, который был помещен чуть позади, между мощными плечами. Небольшие заплатки, которые заметил бы только опытный наблюдатель, располагались в нескольких местах «Экстерминатора». Они были единственными свидетельствами того, что машина была оборудована экспери-

ментальным генератором поляризирующего поля типа «Хамелеон». Андрей не был слишком убежден в предположительно невероятных качествах этого прибора – он редко прибегал к нему уже хотя бы потому, что генератор вырабатывал огромное количество тепла.

И он знал всё, что говорили об «Экстерминаторе». *Лёгкий мех, страдающий ожирением. Средний мех с манией величия. Рабочий мех со слоновой болезнью.* Последняя фразочка нравилась ему особенно.

Но все эти комментарии, по мнению Андрея, совершенно не соответствовали действительности. Дизайн этого меха был создан только для воина, обладающего понятием о маневре. *И о скорости.* Хотя «Экстерминатор» и не обладал огневой мощностью других тяжелых мехов – даже в сравнении с некоторыми машинами средней тяжести он едва мог сравниться в этом отношении, вынужден был признать Андрей – *но хороший воин не нуждается в здоровенных пушках.* Хороший воин нуждается в машине, которая подходит ему настолько, что он чувствует себя в командном кресле, как в родном доме. *С такими представлениями – и с готовностью, им следовать – даже небольшая огневая мощь становится смертельной.*

– Андрей.

Андрей отвернулся, наконец, от своего только что отремонтированного и модернизированного меха и взглянул в глаза своей спутнице. Боль в правой икре, которая осталась ещё от старого ранения, полученного в бою против повстанцев, медленно утихала. Зато на её место пришла новая.

– В чём дело, Андрей? – как обычно, Дана видела больше, чем многие другие люди. Андрея охватило чувство, будто её глаза проникли к нему внутрь и вытащили на поверхность всё, что в нем творилось.

– Я просто взвинчен и все время думаю о том, как это будет – вновь вести его в настоящий бой, – ответил он и снова отвернулся. *Иногда так легче.*

– Ты уверен?

– Уверен в чем?

– Что это все?

– А что еще может быть?

– Николай?

На какой-то момент желудок Андрея сжался, потом он опять повернулся к Дане, попытался улыбнуться и смущенно пожал плечами. *Опять эта пропасть между нами.* Андрею казалось, что этот жест он слишком уж часто вынужден был оттачивать в общении с Даной.

– Андрей, как долго ты еще намерен сомневаться в своих способностях? Сколько ты будешь сравнивать себя с твоим братом?

Пока это делают все остальные. Пока это делаешь ты...

– Я знаю, знаю. Наверное, просто рецидив старой болезни. Дурная привычка. – Он потупился и стал бездумно массировать правую икру – впрочем, на этот раз боль была просто отговоркой.

– Я всего лишь немного нервничаю, – на этот раз ему даже не пришлось врать.

Дана положила руку на его плечо и прижала его к себе. Он позволил ей это сделать и тоже обнял ее, стараясь не встретиться с ней взглядом. *Глаза, излучающие такую любовь, какую только может пожелать для себя мужчина. Глаза, которые так же сияют ради иного дела.* Впрочем, Андрей ни секунды не сомневался в привязанности к нему Даны. Но что-то в нём протестовало против её второго увлечения, против пламени, которое так же ярко – *или еще ярче?* – горело, как и её восхищение им. *Неужели меня в самом деле недостаточно?*

– Пора, Андрей, – Дана еще раз прижала его к себе и отступила на шаг. Хотя она никогда не использовала духов, Андрей ощутил её запах – и он вдохнул его, чтобы запомнить. *Мужчина, пытающийся удержать то, что уже более не может ему принадлежать.*

Еще раз он впитал в себя её красоту и развернулся. Узлы внутри него стягивались все туже, пока Андрей шел по весенней траве к своему меху. Он не заметил, что мокрая земля облепила его сапоги.

Дойдя до ноги своей машины, Андрей ухватился за поручни металлической лесенки и начал подниматься.

На полпути, блуждая в мыслях Бог знает где, он поскользнулся правой ногой на ступеньке и, не успев опомниться, повис на руках, раскачиваясь и стукаясь о мех. Удар оказался довольно чувствительным.

– Андрей?!

Тревога в голосе Даны его немедленно успокоила. Узлы боли и сомнений, свернувшиеся у него внутри, казалось, на мгновение ослабли. Он прижался лбом к прозрачному бронестеклу своей кабины.

Она любит меня. Она в самом деле любит меня. Может быть, этого достаточно. По крайней мере, пока.

– Всё в порядке, – выдавил он из себя. Его лицо горело от стыда. – Я просто не следил за своими ногами.

– На поле боя тебе придется следить за тем, куда ты ставишь ноги, Андрей Керенский! – ответила Дана. В её голосе явственно слышалось то, что ожидает его, если он не последует её совету. Несмотря на напряжённую ситуацию, Андрей невольно улыбнулся. *Первая правдивая улыбка за слишком долгое время.*

– Я так и сделаю.

Андрей медленно поднимался по лестнице, стараясь отбросить в сторону или запихать подальше в угол свои чувства и мысли. *Хотя бы ненадолго. Если я сегодня погибну – легче никому не станет и уж точно – не мне.* Добравшись до последней ступени, он перешел на плечо «Экстерминатора» – на этот раз осторожно переставляя ноги – и прошел к задней части кокпита. Добравшись до нее, он открыл входной люк и вполз внутрь машины, после чего закрыл и зафиксировал люк за собой. Андрей повернулся и вытащил из ящика, расположенного поблизости от командного кресла, лёгкую одежду.

Он расстегнул комбинезон, натянул на себя верхнюю часть боевого костюма с длинными рукавами – синтетическая огнеупорная ткань, прошитая бесчисленными крохотными проводками, холодила кожу. Потом он полностью снял комбинезон и, как обычно, решил не надевать перчатки, которые вообще-то были частью костюма – он чувствовал себя в них неудобно. Следуя дурной привычке, он вообще собирался обойтись без хладокостюма, однако осознал, что отказываться от помощи этой высокотехнологичной системы просто глупо. Андрей полностью оделся в костюм и затолкал комбинезон в ящик, закрыл и лег в командное кресло. На него нахлынули визуальные и тактические данные – высокоупорядоченная симфония, состоящая из знакомых запахов, картин и прикосновений.

Дома.

Андрей на мгновение откинулся на искусственную кожу и с удовольствием почувствовал прикосновение ещё прохладного и немного жестковатого материала к спине. *Последняя концентрация перед боем.* Он расслабился, закрыл глаза и в последний раз привел в порядок свои мысли. *Когда все это останется позади, я расскажу Дане, что чувствую.*

Он даже почти поверил сам себе.

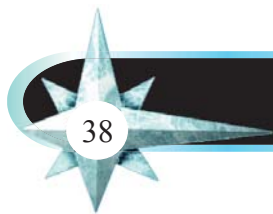
Андрей потянулся и отключился от всего, что могло ему помешать. Он взялся за большой переключатель, расположенный рядом с креслом.

Стоило ему перебросить его в положение «включено», термоядерный реактор под его ногами тихо загудел, просыпаясь к жизни. Глухая вибрация, исходящая от него, заставила Андрея содрогнуться. Он почувствовал, что на руках появилась гусиная кожа.

Потенциал.

Именно так Андрей всегда ощущал свою машину. Для него его мех не был ни оружием уничтожения, ни чисто научным достижением – и даже не огромной кучей прогрессивных технологий. *Просто потенциал.* Возможность делать то, что должно быть сделано. Достичь того, что должно быть достигнуто. Хорошего или плохого. *Вечно один и тот же вопрос.*

Андрей душой и телом был мехвоином. Расслабленно воспринимал он возможность привес-

ти в движение самую могучую боевую машину из всех, когда-либо созданных человеческими руками – машину, которая вот уже три сотни лет не имела себе равных на поле сражения. *Ходячий гигантский танк с человеческими очертаниями и такой же свободой движения, с потенциалом еще пять сотен лет влиять на будущие сражения. Если не дольше.*

Несмотря на все возражения, которые пытался отыскать Андрей, он был мехвоином и навсегда им останется. Наперекор его собственным сомнениям, это не изменится никогда. *И никогда не пропадет восторг от возможности повелевать этой вызывающей трепет машиной.*

– Голосовая идентификация, – электронный голос отразился от стенного покрытия кокпита, когда запустились первые системы и бортовой компьютер взял на себя контроль. На контрольной панели стали зажигаться каскады лампочек.

Переключив несколько тумблеров, он ответил:

– Андрей Керенский. – Ему казалось, что он слышит, как компьютер разбивает его ответ на мельчайшие частицы и пропускает сквозь себя, сравнивая с сохраненными в его базе данных образцами.

Он протянул руку за спину и вытащил из специального ящика нейрошлем. *Эта штука мне никогда не нравилась.* Он натянул шлем на голову до самых плеч – так, что нейрорецепторы прижались к соответствующим местам на его черепе.

– Голосовая идентификация завершена успешно, – вновь отозвался компьютер. – Прошу ввести код авторизации.

– Суркаи, – он сглотнул небольшой ком, появившийся в горле. Даже после стольких лет чувства одолевали его, когда он вспоминал имя человека, которого вынужден был казнить после подавленного бунта на «Принце Евгении». С тем же успехом он мог выбрать в качестве пароля слово «ответственность». Для него они оба были синонимами.

– Авторизация завершена успешно. Добро пожаловать на борт, Андрей Керенский. Вы полностью контролируете машину, – с этими словами бортовой компьютер запустил все системы «Экстерминатора» и темные до сих пор экраны наполнились дигитальными красками, сообщавшими о полной готовности. Иногда в такие моменты Андрей ощущал, будто его мех разглядывает его сквозь панели и тактические мониторы. *Как бы посмеялся Уиндхэм над этим не к месту проявленным религиозным чувством.* Он подумал над этим еще раз, осознавая, что Уиндхэм и сам был мехвоином. *Наверное, он бы счел это всё вполне приемлемым.*

Он сжал зубы и открыл радиоканал.

– Здесь Андрей Керенский. К тесту-один готов.

Неожиданно он сообразил, что не может вспомнить, когда его в последний раз кто-нибудь величал по званию. Не мог он припомнить и тех, к кому сам обращался таким образом – *кроме Николая.* Некоторое время он развлекался этими мыслями, пока включались последние системы, и вдруг он понял. Открытие оказалось шоком для него.

Неужели же это так просто, Никки? Андрей знал: эта идея принадлежала Николаю. Или, по крайней мере, Дженнифер.

Только пару раз Николаю потребовалось не упомянуть звание в разговоре с солдатами – и вот, другие переняли новую традицию. *Целая жизнь, проведенная в военной муштре – просто испарилась. Улетучилась. Так быстро? Так легко?*

Левой рукой Андрей взялся за рычаг скорости и легко двинул его вперед, так что «Экстерминатор» сделал первый шаг. Он закрыл глаза. *Может быть, это пройдет легче, чем я думал. Может быть, это не так уж сложно – изменить общество и повлиять на путь его развития. Легче, чем я смел себе представить.*

Восхищение и озабоченность переполняли его в равной степени и Андрей не смог бы сказать, какое из чувств победит.

*Лес Джотта Гайзера, Новая Терра
Страна Мечты
Скопление Керенского
1 мая 2803 года*

Вдруг, словно ниоткуда, перед «Экстерминатором» Андрея, между блестящими, хрупкими столбами из соли и известняка возник «Сентинел».

Ударная волна, распространяющаяся от ствола бешено работающей ультра-автопушки «Сентинела», заставила эти чувствительные соляные структуры, напоминающие сталагмиты, мгновенно разлететься в прах. Почти в ту же секунду удары снарядов из обедненного урана откололи несколько бронеплит от машины Андрея, из-за чего несколько соляных столбов, находившихся поблизости, также разлетелись в клочки. Несколько колонн, в которые попала шрапнель, зашатались – две из них были почти что высотой с боевые мехи, дерущиеся друг против друга – и обрушились внутрь себя в облаках сверкающей пыли, цепляя соседние колонны.

Воздух был наполнен минеральными частичками, овевавшими, словно легкий бриз, на бронестекло кабины Андрея. На какой-то момент он не мог ничего разглядеть, как будто кто-то выключил свет в комнате без окон. Сенсоры настойчиво пищали, сообщая о приближении врага и о том, что его мех взят на прицел, но громче всего Андрей слышал сирены своей собственной внутренней тревоги, заставлявшей стыть кровь в его жилах: Томинсон, Томинсон, Томинсон.

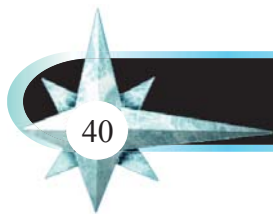
Но ведь здесь нет никакого снега. И тот, кто передо мной – не Томинсон. И это – не симуляция, так что если ты ничего не предпримешь, ты умрешь.

Каким-то образом ему удалось мобилизовать последние, глубоко скрытые внутри него резервы и он отряхнул эти мысли, словно выбравшийся на берег озера пес – воду. Решительно ухватившись за рычаги управления, он бросил «Экстерминатор» вперед, выжав педаль контроля движения.

Почти что бессознательно Андрей маневрировал своей машиной, словно огромный танцор, пляшущий безумный танец среди сталагмитов, состоявших из соли, грязи и неизвестных минералов и чуждо переливавшихся всеми цветами радуги. Геологический феномен, приведший к возникновению этих формаций, повторялся вновь и вновь. После взрыва густой смеси солей, извести и грязи, когда кипящая вода и пар разлетались в разные стороны, всё строение засыхало с захватывающей дух скоростью – результат высочайшей концентрации соли в этой пустынной местности.

Существовала небольшая группа гражданских, поставившая себе целью бороться за сохранение этого уникального ландшафта. Но местность требовала от пилотов максимальной осторожности и высокого мастерства маневрирования, так что она оказалась словно создана для этих тестов. И все, что пришло на ум Николаю, чтобы обставить испытания ещё более головоломно, было также внедрено. *Если бы ты мог, ты бы заставил нас биться друг с другом голыми и вооруженными палками да камнями, не так ли, Никки?*

Разум Андрея сопротивлялся этому едва ли не парализующему дежавю. Около девяти лет назад он оказался достаточно глуп, чтобы выйти на симуляционный бой против четверых своих кадетов – симуляция, которая замечательно показала, как легко я теряю над собой контроль. И одновременно эта симуляция бросила его в объятия другой его студентки – Даны, его нынешней спутницы жизни. *Ты и в самом деле – позор своей профессии, Андрей. Спишь со своей ученицей и отстреливаешь четверых своих учеников.*

На его губах появилась горькая улыбка. Он чувствовал запах своего пота и его настроение становилось все отвратительней. Режущее давление пояса безопасности на плечах ощущалось в хладокомбинезоне, словно смирительная рубашка – рубашка, которую он сам сшил за годы ошибок и сомнений, рубашка, по сравнению с которой любой подобный экземпляр из сумасшедшего дома казался бы выполненным из тончайшего шелка.

Внешний микрофон донес звуки отдаленного грохота. *Огонь из автопушек? Нет. Не совсем...* Андрей поразмыслил над возможными источниками звука, но в это время земля под ним задрожала от страшного напряжения. Андрей понял немедленно. Так быстро, как только смог, он до упора выжал педаль, приводя в действие прыжковые дюзы «Экстерминатора». Перегретая плазма из термоядерного реактора была выброшена из задних сопел и 65-тонная машина взмыла вверх, описывая баллистическую кривую. На месте, где только что находился «Экстерминатор», взорвался фонтан из кипящей грязи, чужих минералов и водяного пара – словно зияющая рана на коже Страны Мечты, из которой появился новый соляной столб. Температура внутри кокпита подскочила ещё на несколько градусов, когда горячая минеральная жижа обрызгала нижнюю часть «Экстерминатора».

Глаза Андрея искали подходящее место для посадки, в то время как руки автоматически корректировали прыжок, чтобы подготовиться к тому, чего, собственно, должен ожидать каждый мехвоин после такого маневра: не слишком мягкой посадке. Он никак не мог оторвать взгляд от бурлящей грязевой массы, которая уже начала застывать по краям. Сверху всё ещё выплескивалась жидкая соль, стекающая по стенам и застывающая уродливыми наростами, делая колонну еще больше.

Если бы Андрей не был так погружен в битву за свою жизнь – или, как минимум, за свое воинское звание – он, наверное, позволил бы себе подольше восхищаться удивительным, чуждым зрелищем. Вместо этого он ещё раз откорректировал траекторию полета своего меха. Он знал, что не сможет вечно оттягивать момент приземления, так что приготовился, насколько это возможно, к удару.

«Экстерминатор» снес верхушку одной из соляных колонн, а пульсирующие прыжковые дюзы превратили в пар её остатки. С умением, полученным в тренировках много лет назад – по крайней мере, так казалось Андрею – он приземлил машину. Как минимум, он смог погасить остаточный импульс, согнув колени.

Предупредительные сирены взвыли, как только ноги «Экстерминатора» коснулись поверхности. Пульт перед глазами Андрея сиял, словно рассветное солнце. *Обстрел? Откуда?*

Андрей двинул рычаг скорости до упора вперед и заложил вираж направо. Машина угрожающе склонилась набок, легко прогнув ноги, и поднялась вправо и выше. Повернутая под слишком острым углом левая нога приняла на себя страшную тяжесть и когда «Экстерминатор» коснулся земли правой ногой, то он уже почти обрел равновесие. Машина рванулась под углом едва ли не в 90 градусов по отношению к курсу, который имела при приземлении.

Несмотря на впечатляющую работу ног, которой могли гордиться лучшие пилоты, в машину Андрея с грохотом вонзился ракетный залп – металлический дождь, несущий хаос и разрушение. Мех дернулся, словно марионетка на ниточках, когда ракеты ударили его в нижнюю часть. Во рту Андрея распространился вкус меди – *кровь!* Похоже, он прикусил нижнюю губу. Напрягая все силы, он бросал «Экстерминатор» из стороны в сторону, уворачиваясь от ракет и маневрируя между сталагмитами, чтобы как можно скорее между ним и его противником оказалось как можно больше преград. При этом он развернул торс меха на 90 градусов, чтобы также выпустить ракетный залп.

Как только индикатор заряжающей системы снова засветился зеленым, он нажал пальцем на спуск и выстрелил новые ракеты в сторону, где, как он подозревал, находился противник. Хотя он едва ли мог надеяться в самом деле попасть в цель, но был уверен в том, что ракеты обрушат несколько известняковых образований. Таким образом, обзор и, может быть, иные наводящие системы врага будут выведены из строя на время, достаточное, чтобы отступить и прийти в себя.

Его внимание привлекла огромная тень и «Сентинел» буквально впрыгнул в промежуток между двумя колоннами справа от «Экстерминатора». Противник Андрея немедленно открыл огонь из ультра-автопушки. Орудие выплюнуло поток раскаленного металла, который вгрызся, подобно голодному зверю, в середину торса «Экстерминатора».

На какой-то момент Андрей остолбенел. Перед его внутренним взором возник образ Томинсона и воспоминания немедленно прибавили к нему рыжего Сэмюэла, за рычагами управления «Тага», обстреливающего Андрея ракетами на расстоянии... *только вот у «Тага» нет ракет дальнего радиуса.*

Он сцепил зубы так, что они заболели и перед глазами заплескали звезды. На его лице появилась сумасшедшая ухмылка. *Может, я сегодня и не смогу победить, но сам себя я проигравшим не сделаю.*

Словно эдемская гадюка, его рука выстрелила вперед и перебросила несколько тумблеров на панели управления, так что теперь все системы оружия были сконцентрированы на одном перекрестии прицела. Его правый указательный палец погладил кнопку спуска.

Даже если «Экстерминатор» был довольно средне вооружен для своей весовой категории, Андрею в данном случае не требовалась слишком большая огневая мощь. Словно ведомый собственной волей – его руки, казалось, не принадлежали больше его телу – крестик прицела блуждал по вражеской машине, когда Андрей разрядил оружие.

С легкостью и смертельной точностью четыре средних лазера и ракетный залп преодолели в долю секунды расстояние до «Сентинела».

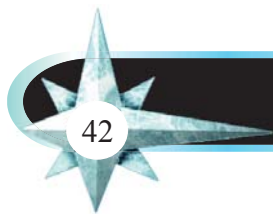
Застыв, словно громом пораженный, Андрей наблюдал, как лазеры вскипятили бронестекло вражеского кокпита. Будто под лупой в руках маленького мальчика, охотящегося на насекомых, прозрачная сталь сияла все ярче и ярче, потом почернела и раскололась на тысячи осколков. Килоджоули энергии ворвались в кокпит «Сентинела». Секунду назад плавно двигавшийся мех опрокинулся, обезглавленный, вперед и растянулся во весь рост. Машина врезалась в гигантскую скалу, развернулась, дважды перекувырнулась в вихре взрывающихся соляных столбов и осталась лежать неподвижно.

Прошло несколько бесконечных секунд, пока мириады кристалликов соли плясали в воздухе, словно до последнего сопротивляясь притяжению. Наконец, облако улеглось настолько, что можно было увидеть почти полностью засыпанный «Сентинел». Глаза Андрея разболелись от сухого воздуха кокпита – все это время он даже ни разу не смигнул – но он заставил себя смотреть. Только бы не отвернуться. Может, все-таки он увидит какое-нибудь движение... Мехвоина, выбирающегося из своего металлического гроба и показывающего Андрею большой палец, одновременно сбивая огонь со своего хладокомбинезона...

В конце концов, когда от боли и горечи по его щекам потекли слезы, Андрей закрыл глаза – как раз в тот момент, когда бортовой компьютер сиреной возвестил о приближении нового вражеского меха. Независимо от возможных последствий, не открывая глаз, Андрей запустил процедуру отключения «Экстерминатора».

Пояс безопасности, казалось, еще сильнее сдавил его – *просто напоминание о том, что я взвалил на себя еще большую вину. Еще одна ошибка, стоившая жизни пилоту. И за что?* Андрей не желал верить, что воплощение в жизнь общества, идею которого он даже не до конца поддерживал, может быть ответом на этот вопрос. *Придется ли мне всегда расплачиваться за твои штучки, Никки? Когда ты, наконец, научишься сам платить по счетам?*

Даже когда погасло последнее освещение в кокпите, он мог видеть ледяной блеск глаз своего брата. Его окутала мёртвая тишина.

*Симон Монс, Новая Терра
Страна Мечты
Скопление Керенского
1 мая 2805 года*

Ветер был беспощаден.

Андрей упорно двигался дальше. Дыхание его толчками вырывалось из легких. Сердце заходило в бешеном стакатто из напряжения и восхищения. В тяжёлые горные ботинки были заправлены подходящие к рубашке и куртке штаны цвета хаки. Каблуки то и дело наступали на мелкую гальку, давили ее, словно ломали молодые кости горы, отброшенные, словно олени рога в период линьки. Это был единственный месяц в году, когда пик горы Симон оказывался свободен от снежного покрова минувшей зимы и ожидал, когда новый снег укроет его белым одеялом.

Все тело Андрея умоляло об отдыхе, но он оставался непреклонен. Он должен был достичь пика. Его взгляд сузился с точностью прибора лазерного наведения, пока высочайшая точка горы не стала единственной целью его теперешнего существования.

И началом нового. Он стеснялся подобных мыслей, потому что осознавал бесполезность своих мечтаний.

И все же, некоторые мечты были близко – рукой подать. Андрей буквально рухнул на колени и стянул со спины рюкзак, без единой мысли о его содержимом. Наконец-то, после долгих минут боли, его дыхание успокоилось, резь в умоляющих о кислороде глазах улеглась, а несколько глотков подслащенной воды из фляги смягчили горло. Андрей ощутил триумф и удивился, как много значило для него это одинокое восхождение.

Почему я достигаю успехов только в одиночестве, а ошибки делаю только при всех? Он снова проигнорировал боль и заставил себя забыть эти мысли, не обращая больше на них никакого внимания. Его глаза обшаривали открывшийся вид.

Гора обрушивалась перед ним вниз, словно обратившийся в камень водопад, с горбами и впадинами замерших потоков. Одновременно ему казалось, словно огромные новые утесы пытаются вознестись ввысь по бокам пика. Тысячи лет непрерывной эрозии, вызванной беспрестанными ударами ветра – из года в год, страшные холода зимних месяцев постепенно обнажали каменный скелет горы. Примерно в километре под его ногами торчало последнее, что можно было с грехом пополам назвать кустом – отмечая невидимую границу между жизнью и смертью. Дальше лишь мох и ползучие вьюны отчаянно цеплялись за камни везде, куда ни кинь взгляд.

Бескрайние просторы по обеим сторонам пика терялись в дымке, словно толстый слой масла, любовно намазанный на скальную горбушку лично Господом Богом.

Почему я сейчас думаю о Боге? Он тихо засмеялся, в его голосе слышался лишь слабый намек на горечь – не более того. *Уиндхэм бы гордился мной. Наверное, при взгляде на эту панораму даже атеист становится верующим.*

Симон Монс не был высочайшим пиком Страны Мечты – но самым высоким, на который человек мог забраться без недоступных в данный момент кибернетических имплантатов или хотя бы дыхательного аппарата. И вид... Да, Сара была права. Этот вид стоил затраченных усилий. Беспощадный свет солнца не давал вырваться восхищенному крику, который вызывала у него расстилающаяся вокруг панорама. Вместо этого столкновение с неукротимой мощью беспощадной природы дало ему возможность понять всю гордыню человеческую, словно взрослый человек, требующий от ребенка послушания.

На этом фоне все личные драмы вдруг показались ему совершенно несущественными. Конец жизни не означал конец всего существования, не так ли?

– Капитан Йоханн Кейс, – он выговорил это имя очень тихо и в голосе его звучала боль, не утихшая в его израненном «я» даже за два года.

Андрей медленно обернулся и поднял рюкзак, который принес с собой сюда, на вершину. Он не обращал внимания на боль в коленях от острых камней и ледяной поверхности – здесь, наверху, почва оставалась мерзлой даже в разгар лета. Он вытащил небольшой, упакованный в поролон сверток. Точными, но осторожными движениями он удалил упаковку с простого, неброского сосуда. Воспоминание о глупой, ненужной смерти ударило его так же свежо и тяжело, как и в тот день, когда он стал её причиной – так, что недостаток кислорода и его внутренние демоны помutilи его разум и ввергли в состояние легкого опьянения. Сквозь пелену боли Андрей глядел вдаль и постепенно приходил в себя. Он неторопливо открыл сосуд, встал и наклонил его сначала влево, потом вправо. Когда неуёмный ветер ухватился жадными пальцами в его содержимое, он, наконец, нашел в себе силы заговорить.

– Этому миру, в который ты последовал за своими предводителями, доверяя им и веря в них... – голос отказал ему, когда смысл того, что он говорил, сжал ему горло. *Чего от нас ждут. От нас!* Он внутренне сжался от осознания собственной ошибки и высокомерия. *Хватит! Речь не обо мне!*... – предаю я твой пепел, капитан Йоханн Кейс. Так как я не нашел никаких родственников, которым смог бы доверить твои останки, и у тебя почти не было друзей, то никто не вспомнит о тебе и о том, какую жертву ты принес ради великой мечты Никки.

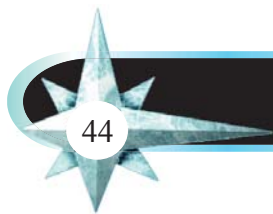
Он полностью перевернул сосуд и пепел развеялся по ветру. На секунду Андрею показалось, что он смог различить в воздухе лицо человека, которого никогда в жизни не встречал – словно танцующие частички пепла сформировали его портрет. *Лицо, которого я никогда не увижу. Что бы я ни делал – этого лица я не увижу никогда.*

Словно успокаивающая ладонь легла на вздымающуюся грудь Андрея. Лучше не стало. Никогда и ничего не станет лучше для Андрея – как минимум, не теперь. Он снова заставил себя отрешиться от этих мыслей. Но нарисовал ли ему что-либо его измученный дух или он в самом деле на мгновение вошел в контакт с душой погибшего капитана – *сгодится для того, чтобы уверовать, а, Уиндхэм?* – что-то коснулось его. Что-то принесло ему уверенность в том, что была еще возможность предотвратить самое плохое... пока он не забудет и станет биться дальше, отдавая все силы.

Невзирая на прошедшие годы, за которые он снова стал учителем, ему было тяжело в это поверить. Очень тяжело.

Он сглотнул пересохшим горлом. Потрескавшие губы растянулись в улыбку. Физическая боль этого двухгодичного паломничества во искупление была спутником и благословением для его «я». *Да. Как всегда, я могу действовать... и помнить.* Он выгравировал еще одно имя на поверхности своей души.

– Я никогда этого не забуду. Никогда.

Тренировочный лагерь «Александр-Бета»

Новая Терра, Страна Мечты

Скопление Керенского

29 января 2807 года

– Нет, не так! Как я объяснял? – головной убор, защищающий Андрея от холода, несколько искажал его голос, но раздражение в нем было слышно совершенно явственно. – Приклад крепко прижать к плечу. Два раза глубоко вздохнуть, на третий раз вдохнуть и задержать дыхание, потом осторожно нажать на спусковой крючок – мягко, плавно и крепко. Если я ещё раз увижу, как ты его дергаешь, следующие тридцать дней ты проведешь, давая подзатыльники сам себе! Ты... меня... понял?!

– Да, сэр! – подтвердил паренек и даже сквозь защитные очки и толстый белый капюшон под фуражкой такого же цвета, закрывающие его лицо от бесконечной тундры, можно было увидеть, как он покраснел.

Когда молодой человек (вообще-то, ещё подросток) вновь вернулся к стрелковым упражнениям, так же, как и другие три десятка парней и девушек, отчаянно старавшихся не опростоволоситься перед *Керенским*, Андрей затопал ногами, пытаясь согреться, и заскрипел зубами от злости на ускоренный курс обучения.

Я-то думал, мы уже ушли от необходимости подвергать опасности детей. Так нет же, Никки требуются всё более и более юные. Им срочно надо учиться всяким убойным штучкам! Могу поклясться, что пацану не больше четырнадцати. Что ты придумаешь в следующий раз, Никки? Сначала боевая подготовка, потом переходный возраст? А почему не с колыбели? А может, получится как-нибудь извернуться и втиснуть им по пушке в ручонки еще в материнской утробе?

Он попытался улыбнуться, но вместо этого скорчил гримасу прежде, чем осознал, что вполне возможно – он не так уж и ошибался. Всё-таки Никки не терпел даже малейшего сопротивления ни в чём, что касалось его великой мечты. Ни малейшего.

– Я слыхала, раньше ты никогда не терял самообладания. Не уверена, что узнаю Андрея.

Изумленный, Андрей повернулся и наткнулся взглядом прямо на мерцающие глаза и небольшой, улыбающийся рот, который, несмотря на теплоту улыбки, над ним явно потешался. Но ему все лучше удавалось не обращать на это внимания. Он улыбнулся в ответ:

– Я тоже не уверен, что его узнаю.

Сара Мак-Эведи легко склонила голову. Она услышала слабый отголосок горечи в его голосе, как он ни старался скрыть ее. Во многих отношениях она была похожа на Дану. И все же, они сильно отличались друг от друга. Тем не менее, в последнее время он находил в её присутствии те самые, нужные слова, которых ему так не хватало в присутствии его любимой. *Может быть, этим объясняется теплота. Может быть.*

Она хотела ещё что-то сказать, но запнулась, словно резко переключившись на другую скорость, и спросила:

– Как идет обучение?

– Ты, наверное, хотела спросить: как мне нравится обучать все новых и новых детишек обращаться с ручным оружием? Сколько времени я торчу в учителях? На Эдеме у меня хотя бы были настоящие студенты, – заметил он и понизил голос – А не дети, как эти вот. Тебе не холодно? – неожиданно сменил он тему, сообразив, что голову её прикрывает лишь легкий капюшон.

Её улыбка стала еще шире:

– Мне холодно только тогда, когда я решаю, что мне холодно.

– И как это срабатывает?

– Я выгляжу замерзшей?

Это было явное приглашение рассмотреть её получше. Её лицо порозовело от холода, щеки горели, а губы были насыщенного бордового цвета и блестели в пронзительном свете раннего утра. Глубокий взгляд в её глаза дал знать Андрею, что она полностью владеет собой, и показал ещё нечто, что заставило его поспешно отвернуться. Он так внимательно уставился на своих кадетов, словно его жизнь вдруг стала зависеть от того, чтобы они научились обращаться с ручным оружием сию секунду – умение, овладение которым большинству из них будет стоить парочки лет, а кое-кому оно и вовсе, похоже, останется недоступным.

– Полагаю, нет, – ответил он, наконец.

– Меня бы удивило, если бы ты ответил иначе.

Прозвучала ли в её голосе насмешка? Он почувствовал, как у него подскочила температура и, несмотря на плотный капюшон, был рад, что успел отвернуться.

– Что же касается твоей работы с детьми – нет, я совершенно не имела это в виду. Ах, Андрей, ты же понимаешь, что мы должны частенько исполнять обязанности, которые нам не слишком-то по душе.

Он снова повернулся к ней:

– И как же, Сара, выглядят те ужасные обязанности, которые он навесил на *тебя*?

– Например, заглянуть сюда и послушать, как ты тут сам себя жалеешь.

Они оба засмеялись.

– А если серьезно?

– Серьезно? Ты уже был на «гражданском дежурстве»?

Он покачал головой:

– Нет, но слухи до меня уже добрались...

– Так вот, что бы ты ни слышал – это всё правда. Причем, подозреваю – сильно приуменьшенная.

Андрей оглянулся через плечо на юного Брайана и с удовольствием констатировал, что парнишка, похоже, наконец-то начал исполнять то, что ему вдалбливали на протяжении бесконечных недель классных занятий и месяца полевых упражнений.

– Настолько паршиво?

– Еще хуже. Гражданские, которые сопровождали нас сюда... с ними проблем нет. Проблема – колонисты. Неважно, сколько раз мы им говорим или сколько миллионов головидов показываем. Они просто не пережили эти бои, как мы. Непосредственно. Близко. А некоторые из изменений, введенных Николаем... Чем дольше это продолжается, тем больше мы убираем всё то, что они знали до сих пор. Это не может восприниматься ими так уж безболезненно, – в её глазах читалось отвращение, а пар, вырвавшийся из рта за время длинного объяснения, на секунду закрыл её лицо, прежде чем развеяться.

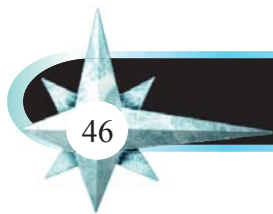
– Ну, это вполне понятно.

Её глаза сфокусировались на нем, словно глаза сокола на добыче:

– Ты одного с ними мнения.

Он отшатнулся от её буравящего взгляда и похлопал в ладоши, словно старался восстановить в них кровообращение. Она не слишком преувеличила.

– Этого я не говорил, – возразил он и вернулся к наблюдению за своими кадетами, чтобы быть уверенным, что они не перестреляют друг друга и сами себя. Конечно, он не привел бы их сюда, если бы не вбил им в головы простейшие правила безопасности, но некоторые из них были попросту слишком юны, чтобы в самом деле понимать, что они делают и какие последствия ждут тех, кто набедокурит. *В конце концов, в их возрасте все мы бессмертны. Но это быстро проходит – за пару лет или после пары заданий в настоящих боевых условиях. По крайней мере, у большинства.* Он невольно вспомнил Сэмюэла Хельмера и задался вопросом: понял ли этот высокомерный кретин когда-нибудь, что он тоже смертен.

– Я просто говорю, что они не могут легко согласиться с тем, что от них требует Ник... Николай, – он смущенно закашлялся. Удивительно, но он едва не использовал их личное прозвище Николая в присутствии Сары.

– А жизнь вообще – штука тяжелая. И речь не только о нас. Я могу понять, что они не доверяют военным – тем более, после того, как мы не смогли остановить гражданскую войну. Но они игнорируют рассказы других гражданских. Можно подумать, что мы привезли десятки тысяч шпионов, которые только и делают, что пытаются уговорить их последовать дьявольскому плану какого-то ненормального.

Андрей предпочел в ответ промолчать – её утверждения были неприятно близки к правде. Вместо этого он взглянул ей в глаза и не отводил взгляд до тех пор, пока она сама не отвернулась. *Ты тоже это чувствуешь? Понимаешь ли ты, как близко мы подошли к краю пропасти? Мы оставили хаос за спиной, но как же быстро мы можем снова погрузиться в него! Теоретически, с Никки можно согласиться, однако на практике? Все может очень легко рухнуть в одночасье.*

Звук, которого он втайне ожидал, отвлек Андрея от размышлений и заставил резко обернуться. Он увидел, как Брайан споткнулся и упал, сжимая плюющуюся огнем винтовку.

Андрей в мгновение ока преодолел пятнадцать метров, отделяющих его от Брайана, и вырвал у него оружие из рук, пока тот пытался снова встать, опираясь на приклад. Андрей буквально кипел и был готов взорваться. Но замечание Сары об Андрее, которого она больше не узнает, помогло ему взять себя в руки. Вместо того, чтобы заорать, он молча, презрительно уставился на паренька.

– Кадет Брайан, – отчеканил он таким громким голосом, что весь класс повернулся к нему – при этом слова его звучали холодно, без малейших эмоций, словно заговорил камень. – Приказываю тебе отправиться под арест, где в следующие пять дней ты имеешь возможность поразмыслить над двадцатью правилами, которые ты нарушил, а также о смерти, которую ты едва не причинил себе и своим друзьям. После этого ты на двадцать пять дней назначаешься в наряд по чистке гальюнов. Затем ты явишься ко мне с письменным отчетом, состоящим из пяти тысяч слов минимум, в котором будет описано то, что здесь произошло и почему это никогда больше не повторится.

Он повернулся к остальным кадетам и еще повысил голос:

– Вернуться к тренировке. Первого, кто сегодня нарушит хоть одно правило, ждут шестьдесят суток ареста и отчисление.

Он развернулся и, не оглядываясь, замаршировал обратно к Саре. Он был так зол, что даже не заметил начавшегося снегопада.

– Ты видишь это, Сара? – спросил он звенящим от напряжения голосом, однако достаточно тихо, чтобы их никто не услышал. – Вот до чего мы докатились. Дети с ружьями. Мы этого хотим? Это и есть наше новое общество?

Она безмолвно смотрела на него. По её лицу можно было явственно прочесть, что она не знает, что ответить.

Однако что еще более злило его, так это то, что он тоже не знал ответа.

*Катюша-сити, Новая Терра
Страна Мечты
Скопление Керенского
10 марта 2807 года*

Раскаты грома сотрясали воздух.

Андрей продолжал начатый в Новом году субботний утренний ритуал – во исполнение данного под Новый год обещания: встать до восхода солнца и гулять по только что построенному городу, пока не призовет служебный долг.

Почему гроза не добралась до Катюша-сити? Он втянул голову, сопротивляясь последним порывам зимнего ветра, засунул окованные руки в карманы легкой куртки и зашагал вдоль по прямой, как стрела, аллее. Пожирая глазами все окружающее, он рассеянно вытащил из сумки шоколадку и стал жевать её, не ощущая вкуса. Сушеные в меду орехи и зёрна интересовали его так же мало, как, собственно, причины этих прогулок – в конце концов, он так или иначе занимается джоггингом через день, так что ему не требовалось бродить каждую субботу по утрам для поддержания формы.

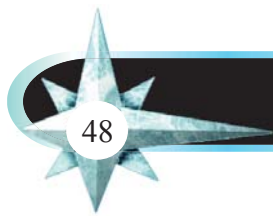
Сорок. Он поперхнулся и закашлялся, неосмотрительно глотнув непрожеванный орех. Вновь зашагав в темноту, он старался игнорировать эту мысль, как игнорировал в последнее время очень многое. Попытался просто гулять и не думать о том, что ему сорок и всю свою жизнь он только и занимался тем, что исполнял приказы других, никогда не делая то, чего сам хотел.

Но как бы он ни старался сохранить мир в душе, постоянные приглушенные раскаты грома он проигнорировать не мог. Это не был сотрясающий душу и тело грохот – просто гул строительных механизмов, от которого мелко дрожал воздух и тряслась почва. *Сколько лет это продолжается? И конца этому не видно. Насколько должен вырасти этот город, Никки? Насколько?*

Тихий, но быстро усиливающийся шум заставил его обернуться туда, где небольшой вагон подвесной канатной дороги двигался в сторону центрального квартала. Лица гражданских и солдат глядели из него наружу и мысли их были так же скрыты, как его собственные.

Кроме них, в вагоне можно было увидеть серьёзные лица нескольких детей. У некоторых от нетерпения блестели глаза, иные были затуманены страхом. *Их везут в первые приемные семьи.* Это было одно из немногих всеобъемлющих новшеств, которые Андрей поддерживал безоговорочно. В рамках созданной еще двадцать лет назад во время Исхода из Внутренней Сферы программы, которую Николай значительно расширил, маленькие дети воспитывались наставниками и приемными родителями – ради лучшей подготовки к будущей профессии. Слишком много дел ожидало их, чтобы позволить им обычное детство. Он никогда не задавался вопросом – а не сформировались ли его убеждения под влиянием собственного детства, проведенного в годы восстания Амариса.

Тем не менее, он заметил, насколько юны были лица детей – и знал, что это был один из ключевых моментов, раздражающих колонистов. Обвинения в том, что Николай желает разрушить семью и обречь её на уничтожение, находили свое отражение в демонстрациях и лозунгах, намалеванных на машинах и домах. Он пожал плечами. Противоречивые чувства, вызванные тем, что, с одной стороны, он поддерживал эти действия своего брата, с другой же – ненавидел необходимость лично преподавать именно этим детям искусство убийства, заставили его расхохотаться над самим собой. *Пытаешься усидеть на двух стульях, Андрей? Или ты поддерживаешь эту программу, или не поддерживаешь. То, что я обучаю их, с какой стороны у*

ружья ствол, не меняет того факта, что парнишка, работающий на побегушках у ученого и желающий когда-нибудь пойти по его стопам – максимум семи лет от роду.

Он пожал плечами вслед удаляющемуся вагону. Еще одна тема, о которой он предпочитал не задумываться. Тем не менее, он заметил расстояние, которое отделяло простых людей от солдат. Как бы он ни старался, он не мог не прийти к выводу, высказанному Сарой ранее: жившие здесь колонисты вовсе не радовались изменениям в их жизни. Совсем не радовались.

И уж тем более – тому, что мы ровняем с землей их город, чтобы на его месте выстроить этого монстра.

Андрей пошел дальше, размеренно переставляя ноги. Небольшие ховеры и солидных размеров грузовые машины все чаще попадались навстречу – город оживал. На горизонте появилось солнце, прогоняя ночную тьму и купая город в ярком, лишенном иллюзий свете.

Добравшись до центральной площади, он немного притормозил рядом с пересечением нескольких, больших и маленьких, улиц. Всего их было четыре – одна из них та, по которой он пришел. Первый луч огромного пятилучевого перекрестка, строящегося здесь. *Или шестилучевого?* Андрей никак не мог вспомнить. Он знал даже, почему: когда бы Никки ни заговаривал о своем видении нового, совершенного города – он всегда обрывался на полуслове.

Вторая великолепная улица поворачивала под идеально прямым углом и продолжалась по направлению к лежащему примерно в двадцати пяти километрах почти полностью построенному новому космопорту. Эта часть монорельсовой дороги была уже завершена. Две другие, не такие широкие, разбегались под тупыми углами к другим лучам и формировали пятистороннюю границу центрального района.

Десять километров в длину. Десять километров, Никки. Десять километров! Андрей грустно кивнул. *Но ты бы свободно сделал из них двадцать или пятьдесят, имей мы на это средства. Но это превышает границы возможного для нас. Даже гражданские, которых мы привезли с собой, скрипят от тяжести, которую мы на них наваливаем.*

Он уставился на практически безжизненные кварталы нового города. Там, где когда-то располагалось старое поселение, не было ничего. Так основательно его не сравняла бы с землей даже орбитальная бомбардировка. *И ты удивляешься тому, что они тебя не любят, Никки. Что они тебя боятся. Ты сваливаешься им на голову невесть откуда, разрушаешь их город, после чего оставляешь его развалины пустыми, ожидающими Бог знает чего...* Его мысли оборвались, когда в самом центре этого запустения он вдруг что-то заметил. Странная, одинокая фигура в середине пустоты.

Словно притягиваемый невидимой цепью, он шаркающими шагами направился в ту сторону.

Чтобы отвлечься, он оглянулся на площадь. Работа над остальными тремя – *или все-таки четырьмя?* – лучами звезды едва началась. Но объявления об их начале были развешены и, несмотря на протесты и ежедневную необходимость убирать граждан, приковывающих себя цепями к предназначенным на снос зданиям, расчистка продолжалась. На свой лад Никки был так же непреодолим, как природный катаклизм.

Солнце поднялось выше на небосводе и, хотя стояла поздняя зима, Андрей вспотел. Шоколадка свинцовой тяжестью давила на желудок и ему пришлось несколько раз сглотнуть – так пересохло у него во рту.

Его мысли продолжали блуждать. Он запутался в почти что паническом состоянии сомнений и поисков извинений, так что ему пришлось насильно брать себя в руки: «К черту, Андрей! Когда это кончится? Приди в себя, наконец!».

Яростные слова, казалось, помогли. Но он слышал их отголоски, разнесшиеся почти на километр над развалинами. Ему казалось, что он в самом деле вступил на ничейную землю – в место, почва которого несла на себе впечатанные мокрыми от крови человеческими костями слова: «Оставь надежду, всяк, сюда входящий!».

Словно прохладная рука легла на его лоб и Андрей едва не споткнулся, когда, остановившись с колотящимся сердцем и гулко бухающей в ушах кровью, взглянул вверх. Он глубоко

вздохнул, войдя в тень и привыкая к резкой перемене освещения.

Внезапно заслезившимися глазами он увидел огромную, двенадцатиметровую скульптуру. Хотя он был уверен, что многие найдут утешение в гордой, задумчивой позе, приданной скульптором статуе – как она глядит на свет звезд, с которых прилетела, на дальнюю точку, где Николай когда-то впервые коснулся грунта Страны Мечты... – ему она казалась неподходящей. Иногда он даже видел, как переживающие бурю эмоций наблюдатели даже проливали слезы от полноты чувств – каких именно, он сказать не мог.

Слезы, которые каждый раз удерживал Андрей, не были слезами гордости. Или восхищения. Или преклонения. Щекотка в глазах имела совершенно иной, более глубокий источник, который питал лишь невидимые слезы.

Страдание.

Внезапное воспоминание захлестнуло его и слезы все-таки пробились наружу. Пустой пьедестал в парке Камерона на Эдеме. *Я знал, что произойдет. Я знал это уже тогда и я просто не мог поверить в то, что это будет на другой планете.* Слезы лились, не переставая – так же, как и каждую субботу. Демоны, с которыми он не мог столкнуться нигде более, кроме этого места, в тени величайшего генерала в истории человечества.

«Мне так жаль... Что они с тобой сделали, отец...».

12

Джунгли Николая, Маккенна

Страна Мечты

Скопление Керенского

18 марта 2807 года

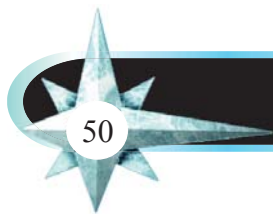
Что-то двигалось сквозь переплетение лиан.

Андрей пытался оставаться неподвижным, однако он как-то неправильно надел защитный костюм и легкая щекотка, начавшаяся полчасика назад, была уже на полпути к настоящему жжению, требовавшему немедленно почесаться. Однако он точно знал: стоит ему пошевелиться – и что бы там ни приближалось, тут же исчезнет, несмотря на привязанного в качестве приманки ягненка. *А это тебе совсем не понравится, Никки, не так ли? В конце концов, это твой спектакль. Что бы это ни было.*

Его лицо вспотело в давящей жаре джунглей, хотя защитные комбинезоны были почти герметично застегнуты, чтобы не пропускать запахи его и Николая.

Вся местность, все эти почти непроходимые джунгли экваториального континента блестели от влаги.

После целого часа полета над Маккенной Андрей был близок к предположению, что Николай спятил. Авиатранспортер «Кобра», принятый на вооружение СОЗЛ более двухсот лет назад, из-за размаха своих крыльев требовал весьма приличной посадочной площадки, ко-

торая на всем бесконечном пространстве покрытого джунглями континента просто не могла существовать.

Однако через три часа прямо по курсу показалась взлетно-посадочная полоса и одно-единственное небольшое здание внизу. А после приземления под гигантской крышей из древесных крон и толстенных лиан обнаружился целый скрытый комплекс построек. Последовал растянувшийся на два с половиной часа пеший марш сквозь джунгли, пока они не достигли этого Богом забытого местечка. Еще через час, когда солнце стало склоняться к горизонту, тени заплясали на небольшом пятнышке пространства, превращая и без того темные джунгли в арену битвы ночных хищников.

Несмотря на пистолет в руке, лазерную винтовку за плечами, защитный комбинезон и отряд солдат, ожидавших поблизости, игра света и теней в той стороне, куда медленным движением указал Николай, напрягла Андрея до такой степени, что ему казалось, будто его нервы сейчас порвутся. Чесаться хотелось просто невыносимо, он несколько раз сглотнул, ощущая жару и недостаток воздуха – словно тонул в мягкой болотной жиже. То, что свобода его передвижения целиком и полностью зависела от Николая, едва не привела его к панике.

Он постарался подавить страх, сощурил глаза и уставился на одно-единственное темное пятно перед собой. Пятно, которое, как он мог поклясться, двигалось. Не *что-то* в темноте, а вся темнота. Он хотел списать это движение на следствие усталости глаз, однако чем дольше он всматривался, тем больше убеждался, что в той стороне нечто находилось. Бесконечная минута растянулась в пять и вдруг два светлых пятна, которые он до сих пор считал прижившимися на древесном стволе биолюминисцентными грибами, медленно мигнули. Оба молочно светящихся пятна на какой-то момент словно без всякой опоры повисли в темноте, а потом мигнули снова. Прошла еще одна длинная минута, за которую Андрей чудом удержал кашель, и наконец, но понял, что видит – когда показался черный нос и щелкающие челюсти под призрачно белыми глазами, вместе с подергивающимися усами и розовым языком.

Андрей затаил дыхание. Он боялся, что на столь коротком расстоянии красавец-хищник мог учуять его даже сквозь защитный комбинезон. Медленно, почти незаметно, зверь буквально вытек из тени, словно вытаскивая её за собой. Можно было подумать, будто темнота ожила, сформировавшись в могучие мускулы и густую шерсть огромной гибкой кошки. Серый пятнистый мех напоминал густой туман. Впечатление было настолько сильным, что Андрей даже задался вопросом, не обладало ли животное способностью подстраиваться под цвет окружающей среды. Стоило ему попасть в тень – и оно буквально исчезало.

Андрей никогда не обладал талантом определять размеры на глаз, но этот хищник показался ему настоящим гигантом – что заставило его нервничать еще больше. Он едва дышал. Он боялся, что вздохни он поглубже – и воздух вырвется из него со свистом, подобным паровозному.

В следующий момент он и в самом деле едва не завопил. Огромная кошка внезапно рванулась вперед и одним прыжком перемахнула несколько метров, заполненных поваленными деревьями и небольшим, болотистым прудом. Всей своей тяжестью она приземлилась на барашка. её челюсти сомкнулись на его голове и мгновенно почти оторвали её от тела. Рычанием, сотрясшим Андрея от головы до пят, кошка объявила о своей победе, после чего в несколько плотков сожрала свою добычу, жадно отрывая здоровенные куски мяса.

Повинуясь знаку Николая, они с величайшей осторожностью отступили. Оба брата вернулись по собственным следам к ожидавшим их солдатам, после чего отправились обратно к летному полю.

Андрей упоенно чесался. Физическое и душевное напряжение покидало его с такой скоростью, что он готов был рухнуть в обморок. Долгий, жаркий день и встреча с дикой, агрессивной местной фауной отобрали у него все силы.

Даже спустя десятилетия, чужеродность миров, колонизированных ими, удивляла его и невообразимые краски, звуки и запахи джунглей заставляли его постоянно притормаживать, так что Николай, далеко опередив его, исчез в переплетении зеленых ветвей.

Только когда ночь окончательно опустилась на землю, Андрею удалось вернуть душевное

равновесие и он ускорил шаг. Темнота скрывала окружающее, так действовавшее ему на нервы, и лишь теперь он мог нормально более-менее двигаться. Прошло совсем немного времени и яркий, холодный свет прорезал тьму, возвещая о том, что поблизости находится нечто, созданное человеком. Джунгли резко оборвались и он вышел на небольшую поляну с несколькими зданиями.

Проводник молча привел его к низкой постройке, расположенной неподалеку от большего здания, и вежливо придержал перед Андреем дверь, словно перед инвалидом, после чего, резко отдав салют, исчез. *И-да, если учесть скорость, с которой я передвигался, меня вполне можно принять за калеку.*

Он прошел за дверь и очутился в небольшом помещении с единственным столом, несколькими компблоками и четырьмя стульями. Николай стоял перед большой грифельной доской, на которой были написаны сотни имен – большинство из них, впрочем, были зачеркнуты. Андрей на момент застыл, пораженный контрастом между высокотехнологичными приборами и скрипящим по доске мелом. Николай прибавил к длинному списку еще одно имя. Затем он медленно отложил мел и стал отряхивать ладони, отступив от доски на шаг.

Поколебавшись, Андрей собрался с силами и подошел поближе. Шагая к своему брату, он читал имена на доске: *огненный мандрил, призрачный медведь, эдемский бобер, нефритовый сокол, ледовой хеллион, стальная гадюка, сфинкс-рэптор, снежный ворон, сурат, буревестник, милан-химера, койот, росомаха, волк, кобальтовый богомол...* Казалось, список составлен без малейшего смысла – калейдоскоп названий животных, обитающих на мирах Пентагона и в скоплении Керенского. Большинство из них Андрей знал, однако некоторые из тех, что бросились в глаза, были ему совершенно неизвестны: *пещерный ползун-баррок? Дух крови?* И последнее, что написал Николай – *дымчатый ягуар?*

– Что, ради всего...? – после нескольких часов вынужденного молчания голос Андрея звучал хрипловато.

Николай повернулся и уставился на брата ледяным взглядом, хотя слегка приподнятые уголки губ придавали его лицу гневное выражение.

Но, может быть, ты всегда гневен или, как минимум, раздражен. Я прав? Ты раздражен тем, что другие не знают, что знаешь ты, не понимают того, что ты видишь... как я? Андрей задрожав, представив себе две стороны монеты: он сам – одна, Николай – другая. Навеки рядом, но навсегда разделены.

– Так, кое-что, над чем я работаю.

Андрей повернулся и вновь стал изучать бесконечный список с названиями животных, радуясь шансу избежать взгляда Николая.

– Ты что, решил построить зоопарк? – Он поднял руку и указал на одно из зачеркнутых названий, – А что, сфинкс-рэптор недостаточно хорош для твоего зоопарка? С другой стороны, не представляю себе, как бы ты держал его в клетке, да и мамы-посетительницы не будут особо обрадованы, если он вдруг вырвется и сожрет их детишек.

Николай также повернулся к доске, никак не отреагировав на вымученную шутку Андрея.

– Ну, зоопарком я бы это не назвал. Хотя, поначалу такое впечатление может сложиться. Ну что, понравился тебе мой ручной зверек? – Николай кивком указал на последнее имя в списке и, как обычно, молниеносно сменил тему.

Не зоопарк? Но поначалу производит такое впечатление?

– Устрашающе, – ответил он, пытаясь понять мысли брата.

– Ведь правда? Генетически изменен.

– Что?! – Андрей резко обернулся, но стальные глаза Николая уже многие годы были более, чем в состоянии отразить любую атаку, которую он только мог из себя выдавить. – Я знаю, что мы уже годами модифицируем терранских животных, но чего-то, подобного этому дымчатому ягуару, я никогда не видел.

– Это от того, что он не модифицирован. Это совершенно новый вид.

Мысли Андрея смешались.

– Я думал, такого вообще не бывает.

– До сих пор и не было.

– Но как тогда ты можешь...

Николай поднял бровь.

– Что я могу? Изображать Господа Бога?

Я не хотел говорить этого вслух.

– Андрей, мы занимаемся генетическими манипуляциями десятки лет – чтобы лучше приспособить к новым планетам. Звёздный уж, волк Страны Мечты, нефритовый сокол. Мы начали с малого и далеко продвинулись по пути, который можно назвать «игрой в Господа Бога». Дальше, чем это когда-либо делала Звёздная Лига. Но, замочив пальцы, не говори, что не мокрый – разве не так? Даже если мокрый у тебя только один палец. Следующий шаг вполне логичен. Мы сами создаем новый вид с нуля. Синтетическая биология, если хочешь, – он прервался и склонил голову набок, как маленький мальчик, которого попросили рассказать о его любимой игрушке.

– Ну, кое-кто говорит, что это не *настоящая* синтетическая биология, потому что мы используем достаточно материала из нашего собственного, естественного генома, но мы подобрались к сути куда ближе, чем кто-либо до нас.

– Но зачем?

– Это тест.

– Тест?

– Конечно. Разве вся жизнь – не тест?

Андрей не знал, что на это ответить. Он снова подумал о монете. *Мы никогда не встретимся, Никки. Никогда. Даже если нас разделяет всего лишь толщина монеты*

– Значит, тест. Просто, чтобы выяснить – получится или нет? Просто так? Ты не мог придумать лучшей причины?

Что-то шевельнулось в глазах Николая и секунду казалось, словно он хочет чем-то поделиться со своим братом, но последние слова Андрея снова закрыли дверь – прежде, чем она успела полностью открыться.

– Я никогда еще ничего не делал «просто так», – ответил он и внезапно его голос стал таким же холодным, как и его взгляд.

Андрей отвел глаза. Его уши горели от стыда, несмотря на отвращение, которое он испытывал при мысли о создании нового животного. *В самом деле, не делал. Даже когда мы были детьми. Но ты играешь в Господа Бога уже со своими людьми, Никки. Теперь тебе понадобился наш геном?*

– Как и все что я делаю, это тоже был тест. И до сих пор, несмотря на некоторые отклонения, он проходит вполне удачно.

– И что это значит? – спросил Андрей, стараясь успокоить брата.

Ответом ему было молчание и в конце концов, когда Андрей вновь взглянул в сторону Николая, то увидел, что тот снова уставился на доску. Андрей понял, что аудиенция закончена. Он поднял руку, словно желая обнять Николая за плечи, но потом снова уронил её и с тяжелым сердцем вышел в ночь.

Похоже, я провалил тот тест, который ты придумал для меня, Никки. Потому что это тоже был тест, без сомнения. Эта мысль потянула за собой другую: ответ на вопрос, на который Николай отказался отвечать. Ответ, который приводил лишь к новым вопросам.

Время для очередного теста.

*Катюша-сити, Новая Терра
Страна Мечты
Скопление Керенского
1 апреля 2807 года*

– Давненько не виделись, Андрей, – прогремел Уиндхэм и его зубы засияли сквозь густую бороду.

– Да уж, слишком давно, – подтвердил Андрей в некотором смущении.

Они обнялись, не обращая внимания на пару прохожих, уставившихся на них – так, как полагается старым друзьям, увидевшимся после долгой разлуки. Уиндхэм высвободился первым, отступил на шаг и, взяв Андрея за руки, уставился ему в лицо так, словно пытался на нем что-то отыскать.

Андрей немного повернулся и попытался избежать этого взгляда. В надежде прервать сосредоточенность Уиндхэма, он спросил:

– Как дела в твоей общине?

Пару секунд Уиндхэм морщил лоб и выражение его глаз дало понять Андрею, что его друг отлично знает, в чем дело. Потом он пожал плечами, еще раз сжал руки Андрея и отпустил их. Он развернулся и первым зашагал к небольшой церквушке.

– Все в порядке.

Уиндхэм оглянулся и жестом пригласил Андрея внутрь, подальше от уличной суеты. Он, казалось, хотел что-то сказать, но решил промолчать, когда мимо загрохотал трамвай. От его дребезжания задрожал весь дом, так что любой разговор оказался бы попросту бессмысленным.

Церковь, построенная добровольными помощниками Уиндхэма неподалеку от того места, где штаб Николая высадился на планету, выглядела на фоне разросшейся столицы, словно реликт прошлого. Одноэтажный деревянный дом заставил Андрея вспомнить Лондон до захвата Терры – с его удивительной смесью по-настоящему древних каменных зданий, свидетелей незамысловатого прошлого, и высоченных башен – храмов высоких технологий, монолитов Звёздной Лиги и ужасающей гигантомании её бюрократии.

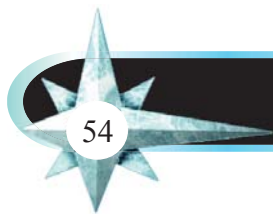
С какой любовью возведено это строение... Несмотря на небольшие размеры, увлеченность прихожан была видна во всем – от прекрасных, ручной работы деревянных панелей на стенах до барельефов в нишах и удивительных, ярких мозаичных окон за алтарем – увлеченность и любовь были основой этого храма.

Невзирая на бесконечные разговоры о Боге и религии, Андрей чувствовал себя неуверенно, касаясь этой темы. Друг ему Уиндхэм или нет, но войти в церковь стоило Андрею усилий. Он тихо и осторожно двигался за Уиндхэмом по центральному проходу. Казалось, он пытается скрыть свои шаги от Бога, в которого не верил... но ведь наверняка-то знать нельзя?

В другом конце помещения – как он его называет, ковчег? – был расположен небольшой офис, куда Уиндхэм и привел Андрея. Вообще-то, он больше походил на стенной шкаф с мебелью внутри – там едва уместился крошечный письменный стол, два стула и импровизированный шкафчик для документов, чьи ящики вспучивались, словно находящиеся там папки были живыми и пытались вырваться на свободу. Андрей почти сразу заметил, что в кабинете не было компьютерного терминала – даже простого компблока.

Уиндхэм указал на один из стульев, а сам обошел стол и упал в кресло, которое протестующе закрипело. Из груди его вырвался глубокий вздох.

– Что, так плохо? – спросил Андрей. Он пытался выглядеть расслабленным, но ему это не удалось.

– Нет, не то, чтобы *так* плохо. Но достаточно скверно.

– И как ты собираешься разбираться с проблемами без компьютера? – Андрей улыбнулся.

Уиндхэм ответил усталой улыбкой:

– Жизнь и без того достаточно сложна. Может, это занимает больше времени, но звук карандаша, царапающего бумагу, всегда меня успокаивал. Кроме того, бумажная война идет к концу. – Он пожал плечами, словно не придавая этому особого значения, но взгляд его говорил об ином.

– Цифры сокращаются?

– Да.

– Почему?

Уиндхэм взглянул ему в глаза, не говоря ни слова. В конце концов, Андрей кивнул. Он знал ответ.

– Николай.

– Конечно, Николай. Конечно.

– Что он придумал на этот раз?

– Ничего. Совершенно ничего. Он никогда ничего не говорит прямо против меня или моей церкви.

– Но?

– Но ему этого и не нужно. Абсолютное большинство моей общины составляли воины. И не-взирая на веру, которую они здесь обрели – те, кто провалили тесты, не могут долго выдержать присутствия рядом тех, кто их выдержал. Даже вера, которую я предлагаю им в утешение, не в состоянии утолить эту боль.

Андрей содрогнулся, вспомнив времена, когда сам провалил испытания. *Достаточно паршиво потерять свой мех даже на время. Но знать, что больше никогда не окажешься в кабине...*

Он снова содрогнулся и Уиндхэм кивнул в ответ – грустно и понимающе.

– К тому же, Эдемскую церковь он приказал снести, чтобы очистить место для своего все еще не законченного Центрального парка. Четкое и недвусмысленное послание.

Андрей покачал головой. Он знал, что речь об этом пойдет непременно.

– Я бы не стал говорить так уверенно.

– Что-что? Он её снес. И он может сколько угодно обещать построить её заново – он никогда этого не сделает. И ты это знаешь.

Андрей отвел глаза. Он мог лишь подтвердить слова Уиндхэма, так что счел за лучшее промолчать.

– Вот мы и сидим тут в ожидании, когда рука Господня нас прихлопнет. А количество прихожан сокращается.

В голосе Уиндхэма прозвучали непривычные нотки. Андрей поднял глаза:

– Ты имел в виду – вас защитит?

– Это была бы рука Божья.

Они смотрели друг на друга целых тридцать секунд, после чего дружно расхохотались над идеей Уиндхэма о том, что Николай возомнил себя Богом. Смех был спасением, даже в такой ситуации.

– А теперь серьезно, Андрей. Ты зачем пришел-то? Принес мне *ту самую* весть?

Андрей покачал головой и постарался развеять озабоченность друга:

– Если ты имеешь в виду визит Николая, собравшегося спалить твою церковь, то нет. Но я чувствую, что в воздухе висит что-то очень серьезное. Только не знаю, что.

Уиндхэм кивнул.

– Я это тоже ощущаю. Какое-то особое напряжение – теперь, когда идут последние испытания. Похоже, он просеял нас так тщательно, как смог.

Андрей дернул плечами, словно его это не интересовало. Но ощущение неудобства, преследовавшее его с последнего странного разговора с Николаем, постоянное напряжение в городах,

его собственные проблемы с Даной – весь этот груз, свалившийся на его плечи, игнорировать было невозможно. Он опустил взгляд, пытаясь собраться с мыслями. Когда он вновь поднял глаза, в них было смущение.

– Церкви строятся для того, чтобы их использовать, Андрей. Почитание – замечательно, но церквями нужно пользоваться.

Андрей кивнул и ответил на предыдущее замечание Уиндхэма:

– Да, он это сделал. Но предстоит что-то еще. Что-то особенное. И, Уиндхэм..., – он запнулся и положил руку на стол, словно стараясь найти опору, – Если ты хочешь защитить свою общину – делай это в пределах системы. Какие бы испытания Николай ни придумал – ты не должен провалиться.

Уиндхэм ухмыльнулся, словно Андрей отмочил остроту, но его улыбка исчезла под пристальным взглядом друга. Он прокашлялся.

– Я стараюсь. Я прошел все испытания, которые Николай для меня приготовил. Так же, как и мои прихожане. Как минимум, те, что еще остались, – горечь была едва слышна в его словах.

– Я знаю. Но испытания никогда не прекратятся, Уиндхэм. И неважно, на каком этапе это произойдет: если ты провалишься – пощады не жди.

Он задумался о тесте, который недавно провалил сам, и понял, что боится неизбежной реакции своего брата. Он нервно облизал губы и продолжил:

– Как только ты потеряешь свою ценность для его великого плана – он тебя вышвырнет. А если это произойдет – больше не будет никакой защиты. Он уберет тебя и твою общину со своего пути так же основательно, как уничтожил «Минотавром» остатки сопротивления нашему Исходу с Эдема.

Уиндхэм уставился на него так, словно у него вдруг выросли рога и копыта, потом кивнул. Его лицо искривила слабая усмешка.

– Ут. Так ведь теперь говорят в такой ситуации? Ут?

Андрей в смущении покачал головой, услышав, как Уиндхэм пытается разрядить обстановку.

– Ну, это меня уже будет до смерти преследовать, нет?

– Конечно, будет. Ты заразил этим всю армию. И, Андрей...

– Да?

– Это особенно заметно, если взглянуть на цифры и посмотреть, кто прошел тесты Николая, а кто провалился.

Андрей упал обратно на стул и сцепил пальцы.

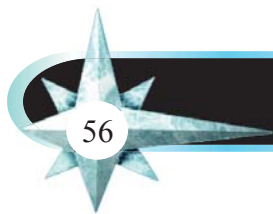
– Я за ними больше не слежу. Для меня это слишком...

– Даже если тебе это неприятно, Андрей – твои кадеты имеют гораздо большие шансы на выживание, чем ученики любого другого инструктора. Нравится тебе или нет, но ты делаешь свое дело хорошо. Даже очень хорошо.

Андрей пристально взглянул на Уиндхэма, а тот, как ни в чем ни бывало, выложил непреклонный вывод из сказанного:

– А это значит, что в новых войсках твоего брата ты будешь слышать свое «ут» на каждом шагу.

Уиндхэм раскатисто расхохотался, так что Андрею ничего не оставалось, как присоединиться к его смеху, хотя мысль эта наполняла его ужасом.

*Неподалеку от Катюша-сити
Новая Терра, Страна Мечты
Скопление Керенского
15 мая 2807 года*

Человек продолжал возиться со своим прибором, хотя вокруг него разверзся ад.

Андрей заворуженно наблюдал за этой сценой через высокочувствительный бинокль, игнорируя едкий привкус пороха во рту. Он просто не мог понять, каким образом этот разведчик еще жив, не говоря уже о том, почему он до сих пор не сдался.

– Невероятно.

– Великолепно, не правда ли? – прокомментировала Сара. Она стояла так близко к нему, что касалась его плечом.

– О, да, – ответил он, не в силах оторвать глаз от этого зрелища. – Ах, как великолепно: он достаточно глуп, чтобы противостоять боевому меху чуть ли не без штанов!

– Но что за мужество!

– Но что за идиотизм!

– В счет идет мужество, Андрей. В этом Николай прав.

Он засопел и покачал бы головой, если бы не побоялся отвлечься от разворачивающейся на поле боя драмы, неважно, чем бы она ни завершилась.

– Конечно, мужество важно. Этого я никогда не отрицал. Однако сколько мертвых, Сара? Не говоря уже о раненых. И за что это все? За что? Ради мечты Николая о новой армии?

– Ты повторяешься, Андрей. Постоянно.

– Потому что меня, похоже, никто не слышит, если я что-то говорю в первый раз. Очевидно, я должен забивать свои мысли людям в глотки, если хочу, чтобы они их прожевали!

Ракетный залп из установок приближающегося «Кинтаро» ударил неподалеку от позиции бойца. Взрывы превратили окрестности в нагромождение кратеров за несколько мгновений до того, как грохот достиг Сары и Андрея. Завеса из взметнувшейся пыли и грязи скрыла сцену от взглядов, когда звено бронетранспортеров отчаянно попыталось противостоять атаке мехов. Канонада автопушек и серебряные вспышки ППЧ осветили это облако изнутри, словно огромную, едва поднимающуюся над поверхностью грозовую тучу. Пылевая завеса приоткрылась и в разрыве стал виден боец, по-прежнему возящийся со своей аппаратурой и не обращающий внимания на то, что происходит вокруг.

– Потрясающе, – вздохнула Сара.

– Идиотизм.

Прошло еще десять секунд. Взгляд Андрея не отрывался от сумасшедшего, который там, вдали, пытался кому-то что-то доказать. В тот момент, когда «Кинтаро» взорвал последний броневик и начал огибать невысокий холм, ненормальный боец, кажется, смог привести свою технику в действие и взял руки в ноги. Он метнулся в сторону зигзагами и спрятался за валунами, как будто один-единственный залп боевого меха не был в состоянии разнести в пыль и его, и валуны, и все остальное в радиусе нескольких метров вокруг.

Андрей едва не пропустил момент, когда прибор начал действовать – так он сконцентрировался на бегущем силуэте. Тем временем, странно выглядящий шар выстрелил в маленьком облачке дыма из ствола похожего на миномет аппарата, после чего мгновенно развернулся в воздухе в своего рода горизонтальную сеть. Она полетела к «Кинтаро», уже почти приблизившегося к аппарату, и опутала его ноги ниже колен.

Фиксаторы – если верить слухам, составленные из почти тридцати самораскрывающихся телескопических труб – закрепили конструкцию на металлических ногах. Модуль, расположенный в центре миомерной сети, выбросил сверкнувшую молнию, прошедшую сквозь каждую её нить.

В мгновение ока миомеры отреагировали на электрический разряд и сеть сжалась так сильно, как только позволили фиксаторы. Её движение со страшной силой стянуло вместе ноги тяжеловесного колосса. И хотя мощь миомеров напрочь оторвала несколько фиксаторов, их осталось на своих местах достаточно, чтобы сервомоторы меха, поврежденные вынужденным движением, громко взвыли.

«Кинтаро» рухнул на землю, словно спиленный дуб. Пятьдесят пять тонн подвижного металла загремели так, что даже там, где стояли Сара и Андрей, задрожала поверхность.

Андрей с приоткрытым ртом воззрился на эту картину, словно пришедшую из забытой детской сказки. *Не верю. Просто не верю.*

– Ах, Джек, ты победил великана!

От неожиданности он выронил бинокль и тот закачался на ремне. Сара улыбалась ему. Её улыбка и глаза сверкали, словно северное сияние Страны Мечты. У него перехватило дыхание. *Как это так получилось, что ты тоже вспомнила про Джека и волшебные бобы?*

– Похоже, он выиграл.

Андрей покачал головой, пытаясь сбросить скованность, охватывавшую его каждый раз, когда он оказывался поблизости от Сары. Он обернулся к полю битвы, где медленно поднимался на ноги «Кинтаро». Ноги меха коротко содрогнулись и порвали сеть. Беспомощность, с которой это было сделано, указывала на повреждение бедренного активатора либо на ранение, полученное пилотом при падении.

– Но он же не уничтожил мех. Он не выдержал испытание.

– Кто сказал, что нужно уничтожить мех, чтобы выдержать испытание? Ты ведь даже не верил, что его аппарат вообще заработает. Так же, как и все не верили. А он заработал.

– Это еще не делает его усилия значимыми.

– Не делает, согласна. Но он доказал, что эта его штука может работать.

– И что?

– Ну давай же, Андрей, пошевели мозгами. Отвлекись от накатанной колеи. Разве это не то, что ты проповедуешь на каждом углу?

Теперь он взглянул в глаза Саре, в самом деле раздраженный тем, что ему никак не удалось достучаться до нее.

– Нет, это любимая песенка Николая. «Освободите ваши мысли от накатанных стереотипов». – Он покачал головой, – Не то, чтобы это было плохо само по себе. Но что делает это плохим, что может сделать это еще хуже – так это представление о том, что если мы покинем накатанную колею, то мы можем делать, что только нам в голову взбредет. – Перед его внутренним оком предстал дымчатый ягуар, атакующий жертву, он даже, казалось, услышал его торжествующее рычание в ночи. *Хочешь быть похожим на него, Никки?*

– И только потому лишь, что хороший разведчик, Сайрус Как-его-там-зовут, продемонстрировал, что при благоприятных условиях даже небоец в состоянии завалить мех, мы теперь все должны стать убийцами? Пожирателями младенцев? Скотоложцами? Кем?

Несмотря на кипящее в нем раздражение, её слова и утешительная улыбка немедленно смирили его.

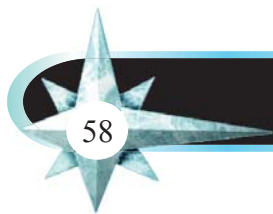
– Сайрус Элам.

– Что?

– Разведчик. Его зовут Сайрус Элам. И я бы не рискнул назвать его небойцом. После той школы, что он прошел, он стал почти таким же отличным стрелком, как я.

– И это должно быть прямо такой уж похвалой?

– Ха, уж конечно же, – теперь он мог окончательно похоронить свою злость и вернуться к почти товарищескому подтруниванию, – Совершенно случайно я являюсь одним из лучших снайперов во всей новой армии Николая, – он выпрямился, словно подчеркивая сказанное.

– Это так, – кивнула она и лицо её осветила широкая улыбка, – И если Сайрус в самом деле почти достиг твоих показателей, то он и в самом деле хорош. Но он все же не более, чем разведчик и то, что он продемонстрировал подобный талант, должно что-нибудь да значить.

– Ты же не полагаешь всерьез, что он может таким образом выдержать испытания? Он провалился. Он не вырубил мех. По крайней мере, нанадолго, – несмотря на разговор с Уиндхэмом, его собственный провал в испытании с Николаем его все еще мучал.

– Это решать Николаю, но его решение предсказать невозможно. Но согласись, это было весьма впечатляющее представление того, что можно сделать из пары трубок и минометного снаряда. И это только последнее и самое яркое его представление, этот тест. Кроме того – лобой мех при падении получает повреждения. И если кто-нибудь имеет возможность завалить мех – он должен её использовать. Может быть, специально обученная пехота? Это может оказаться очень полезным. Достаточно удержать упавший мех на земле.

– Я в этом сомневаюсь. На самом деле, ракетный обстрел должен был стереть его в порошок. Он выжил совершенно случайно. И его прибор действует только на коротких расстояниях.

Она пожала плечами.

– Ну, так он не будет действовать. Не будет никакого практического применения. Останется впечатляющим трюком. Но не забудь о его мужестве. Для Николая оно важнее всего.

Я знаю.

– И ты все еще не объяснил мне, как это все нас превращает в убийц.

У него вырвался глубокий вздох. Просто удивительно, как часто они возвращаются к этому разговору. *С другой стороны, Сара хотя бы готова говорить со мной об этом. Дана от меня попросту отмахивается.*

Он отшатнулся от этих мыслей, словно мотылек, отчаянно пытающийся противостоять желанию лететь на огонь, горящий в темноте.

– Мы не превратимся за одну ночь в чудовищ. Но ценности нашего общества развивались на протяжении многих поколений. Они помогают сохранить это общество и не дают ему утонуть в хаосе и разрушении.

– Мы ведем войны, – прервала она и присела рядом с ним на капот открытого военного ховера. – Войны, которые, скорее всего, обезлюдили уже Внутреннюю Сферу. Ужасные войны Пентагона.

– Конечно же. И мы, полагаю, будем воевать всегда. Но войны – это одно, а геноцид, резня, убийства – совсем другое. Нравится мне это или нет, – нравится нам всем это или нет – война является одним из признанных человечеством способов существования. Геноцид, резня, убийства – не являются.

– И?

– И? – он почесал в затылке в поисках верных слов, встал и зашагал туда-сюда перед машиной. – Если разрушить общество до основания, общество, развивавшееся тысячи лет, а потом попытаться построить новое общество буквально за ночь... можно потерять то, что делает человека... человечным.

– И что же делает человека человечным? – отпарировала она.

Он почувствовал, как она при этих словах усмехнулась – ему совершенно не нужно было поворачиваться к ней, чтобы в этом убедиться.

– Я говорю не об эзотерике. Я не разглагольствую тут о корнях человечества или о духовности. Если ты хочешь выслушать лекцию на эту тему – иди и спроси Уиндхэма. И я не говорю об отдельных людях, а о целом. Николай занимается систематическим демонтажом всей нашей культуры. Понимает он это сам или нет.

– Как он может не осознавать этого после всех изменений, произошедших после нашего прибытия сюда?

– Да, но понимают ли все остальные, какие прочные, сокровеннейшие связи при этом уничтожаются? Я говорю не только об армии, хотя и то, что творится здесь, само по себе достаточно масштабно. Но он уничтожает семью!

Она снова пожала плечами. Похоже, это был её любимый жест на сегодня.

– Ах ты ж Боже ж ты мой. Он просто посылает детей в другие семьи. В приемные. В обучающие. Больше ничего. Это же все – старые, известные традиции.

– Нет, это нечто большее. Гораздо большее. – по его мыслям опять заскакал дымчатый ягуар и он вдруг вспомнил о своем разговоре с Сарой насчет кадетов, становящихся все моложе и моложе. – Я говорю тебе: он на пороге уничтожения семьи.

Даже теперь, в разговоре с Сарой, у него не получалось выразить словами беспокойство о том, как далеко Николай может забраться со своими попытками генетических манипуляций.

– Ну, так он её уничтожит. Мы станем только сильнее.

– Откуда мы можем это знать? Он систематически расчленяет общество, чтобы потом его выстроить заново. Он. Один-единственный человек. Откуда ты знаешь, что мы это переживем? Откуда ты можешь знать, что эта новая, полностью ориентированная на армию жизнь, которую он придумал, не ведет к порабощению гражданских? К геноциду и массовому подавлению?

– Да что ты несешь-то? – она озабоченно нахмурилась. – Он же говорит исключительно о долге.

– Да Господи! Сара, проснись! Ты должна уметь читать между строк, чтобы понять, что творится на самом деле. Долг – да, все правильно. Долг. Но *его* долг. Долг с железным кулаком. Долг «улучшить» жизнь всех гражданских – хотят они этого или нет.

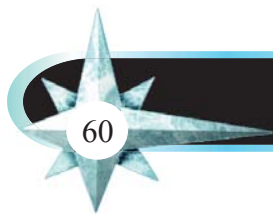
Впервые за все то время, что он вел с ней эти разговоры, он увидел замешательство на её лице. Её явная преданность Мечте Николая – преданность, за которую она заплатила кровью, убивая на Эдеме своих же товарищей – схлестнулась теперь с аргументами Андрея и её собственным разумом.

– Я не знаю, могу ли с тобой согласиться, Андрей. Но это неважно, могу я или нет. Мы должны избрать какое-то из направлений. Разве нет? Если мы не последуем за Николаем – какой путь мы выберем тогда? Ты сердишься, Андрей. Ты сердишься на то, что делает Николай – но какую ты можешь предложить альтернативу?

Она выпятила подбородок, бросая ему невидимую перчатку. Это была попытка вернуть её внутреннее равновесие, её идентичность.

Андрей смешался и остановился. Он чувствовал себя опустошенным. Он пытался ответить на её взгляд, но знал, что не может исполнить её требование.

Это как раз то, что рвет меня на части, Сара. У меня нет никакой альтернативы...

*Катюша-сити, Новая Терра
Страна Мечты
Скопление Керенского
11 июня 2807 года*

– Время настало.

Прошлое – мельничный жернов из боли и воспоминаний, которые мы не позволяем себе забыть. Воспоминания, которые пригибают нас к земле грузом нашей скорби и страданий, грузом прошлых ошибок и неудач.

Потери прошлого.

Мы, все мы – потеряли столько всего, что было важно для нас. Оставившего в наших душах неизгладимые следы. Сделавшего нас тем, чем мы есть, чем мы сможем стать благодаря вашей самоотверженной любви и готовности к самопожертвованию.

Но должны ли мы в самом деле цепляться за эти потери? Будет ли это подходящим выражением скорби по отношению к тем, кого мы вынуждены были оставить позади?

Или будет лучше, если мы посвятим себя будущему – теперь, когда свет солнца прогнал полную ужасов ночную тьму? Не лучше ли поднять лицо к небу и впитать в себя тепло этой надежды? Разве не надежда привела нас так далеко от дома?

Не этого ли пожелали бы для нас наши дорогие, близкие, ушедшие от нас?

Драматические слова гремели с гигантского голопроектора на центральной площади и терялись вдали, пока солнце медленно склонялось к горизонту и, словно нимб, сияло за спиной голограммы.

В глазах Николая не было тепла – конечно же, нет – но его взгляд дарил чувство сопричастности, которое Андрей ощущал только во время таких вот речей. Николай возвышался в трехмерном великолепии над десятками тысяч людей, собравшихся на площади, чтобы послушать его, и его изображение казалось собравшимся таким же огромным, как статуя его отца.

Жаль только, что те, кто внимают этой речи на других планетах скопления Керенского, пропускают это великолепное зрелище. Андрей перевел взгляд от титанической голограммы на крохотную по сравнению с ней сцену, на которой стоял и читал свою речь Николай. Предположительно, на таком расстоянии его брат и сам мог различить его в толпе. *Вероятно, ему хотелось бы, чтобы я стоял рядом с ним.* Ему в голову пришла горькая мысль. *Но я уверен, его дорогая Дженнифер найдет для него оправдание. «Лучше, если Андрей останется среди простого люда. Он – один из них».* От ненависти к Дженнифер он скрипнул зубами, но в этот момент Николай продолжил:

– В первый год Исхода великий генерал по не зависящим от него причинам был вынужден отдать исполнительный приказ 137. Кое-кто считал это бесчеловечным, но твердый, незамутненный взгляд с исторической точки зрения дает нам возможность понять, что его решительность спасла нашу Звездную Лигу в изгнании.

Так же, как и жесткие меры, принятые нами ради того, чтобы наладить жизнь на мирах Пентагона.

Так же, как и жесткие меры, к которым мы прибегли, чтобы выжить в войне, начатой теми, кто забыли великую Мечту генерала, нашу Мечту. Эта война опустошила не только наши тела и души – она уничтожила тот фундамент, который мы возвели, вверив себя в руки великого генерала.

Андрей видел, как множество голов повернулось вправо – туда, где стояла огромная статуя его отца, причем многие бессознательно кивнули. Казалось, что в тени великого генерала они

просто потеряли способность возражать.

Ах, Никки, в этой речи чувствуется рука Нагасавы. Ты, братец, тоже умеешь обращаться со словами, но твоя карманная журналистка обладает чуть ли не сверхъестественной способностью плетения словесных кружев. Неожиданно в его голову пришла мысль, заставившая его улыбнуться, несмотря на отвратительное настроение: *Джен должна была лопнуть от злости. Я уверен, она пыталась написать тебе эту речь самостоятельно.*

– Сейчас пришло время для *нашего* будущего.

Время дать новый расцвет надеждам тех, кто погиб, защищая нас, сражаясь с нами плечом к плечу. Надеждам тех, кого мы не забудем никогда, кого мы должны чтить и наслаждаться каждым днем, подаренным нам их жертвой.

Мой отец говорил о доктрине сокрытой надежды, появившейся из его исполнительного приказа 137. Вы все слышали эти слова достаточно часто, тем не менее, я хочу процитировать их сегодня еще раз. Именно сегодня.

Николай опустил взгляд и сделал паузу, словно освежая в памяти слова. Когда он вновь поднял глаза, толпа всколыхнулась. Несмотря на явное неприятие Николая и его режима многими на этой площади, его голос и выражение лица тронуло их. Можно было подумать, что это умерший генерал возродился к новой жизни. Повсюду в толпе люди украдкой бросали взгляды на памятник.

Ты так легко надеваешь теперь эту мантию, Никки. Неужели не больно ни капельки?

Николай заговорил снова и на мгновение увлек даже Андрея – настолько точно он воспроизвел звуки голоса их отца.

– Возвращение во Внутреннюю Сферу для нас более невозможно. Наше наследие и наши убеждения – иные, нежели у тех, кого мы оставили позади. Алчность пяти Великих Домов и лордов-советников – это чума, которой потребуются десятилетия, если не столетия, чтобы уничтожить себя самое. И даже если сражения ослабнут либо вообще прекратятся, они будут начинаться снова и снова, пока существуют могущественные удельные князья, завидующие богатству друг друга. Мы будем жить вдали от них, мы будем хранить все лучшее, что есть в Звездной Лиге, мы избавимся от всего злого, чтобы однажды вернуться. А когда мы вернемся – наш пример, наша добродетель станут для нас защитой не худшей, чем боевые мехи и истребители.

Слова гремели так, словно исчезли все прошедшие годы. Слова, запавшие глубоко в сознание, слова, звучавшие в бесконечных коридорах тысяч кораблей в пустоте космоса. Николай опустил голову и, казалось, снял воображаемую мантию.

Андрей поёжился.

Ты исключил меня, Никки, но я чувствую, что надвигается на нас. Куда ты нас ведешь.

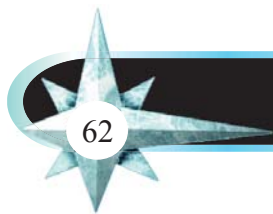
Николай снова поднял взгляд и глаза его были прежними. И хотя чувство сопричастности осталось, Андрей увидел, что вечная мерзлота залегает теперь очень близко к поверхности – железный кулак, только и ждущий возможности стянуть бархатную перчатку.

– Хотя прошло почти двадцать лет с тех пор, как великий генерал произнес эти судьбоносные слова, сегодня они еще важнее, чем прежде. Потому что они говорят не только о далеком будущем, ожидающем внуков наших внуков, но и о гораздо более близком будущем, которое потребует всех наших усилий.

Пожар коррупции и алчности загорелся и для того, чтобы он погас, как предсказал великий генерал, нужно время. Чтобы выгорел последний след того зла, что бушует на мирах Пентагона – нужно ли для этого год, десять или двадцать лет. А пока идет этот процесс, мы должны готовиться к возвращению. Потому что так же, как мы все являемся сокрытой надеждой Внутренней Сферы, которая вернется, чтобы спасти её от самой себя, так же вернемся и мы.

Мы вернемся и спасем миры Пентагона.

Пока Николай говорил, подтверждая ожидания Андрея, взгляд последнего блуждал по сцене. С такого расстояния он не мог различить деталей – голопроектор показывал одного Николая, без заднего плана – но вызывающую позу Дженнифер нельзя было спутать ни с чем,

так же, как и исполненного величия присутствия генералов Траскотта, Залмана и Маккенны. Он заметил также пару новых лиц – людей, которых он раньше никогда не видел, среди них, рядом с Антониусом Залманом – молодую женщину, чьи черты лица выражали непривычное нетерпение.

Он склонился в сторону и прошептал:

– Кто эта девушка справа? Рядом с Залманом.

Дана пронзила его сердитым взглядом, словно он нарушил торжественную церемонию, но прошептала в ответ:

– Элли Киннисон.

Она вновь повернулась в сторону Николая, осуждающе покачав головой.

Это показало Андрею, что в случае, если он посмеет вновь нарушить её сосредоточенность – его не ждет ничего хорошего.

И вновь, несмотря на сопротивление, ревность кольнула его в сердце. *Если я – твоя родственная душа, Дана, твой возлюбленный – почему же твои глаза сияют ярче для Николая, чем для меня?* Это был вопрос, который мучил его годами и который медленно, но верно делал единственного человека, который его в самом деле понимал, чужим. Да так, что никакие «она любит тебя, но преданно следует его видению» уже не могли утолить боль.

Он отвернулся от сцены. Его больше не интересовало, кто на ней стоял и почему Николай оказал им честь присутствовать там во время его речи. Он медленно потер руки и неприятное ощущение от сухой кожи было отражением его мыслей.

Почти что нехотя он снова стал слушать, что говорил его брат.

– Но мы не можем вернуться такими, какие мы есть. Великий генерал верил в каждого из нас. Верил, что в каждом из нас сокрыт потенциал, дающий возможность забыть наши различия и старые предрассудки, возвести новую, цветущую Звёздную Лигу в изгнании.

Однако возьмите железную болванку. Она несет в себе потенциал стать сияющим клинком, который возденет мужественный боец, защищая Звёздную Лигу. Но чтобы достичь этой благородной цели, болванку нужно бить молотами и раскалять в огне. Остужать. Снова раскалять и снова бить молотами.

Её... нужно... отковать.

Её латентный потенциал должен быть сформирован в пригодное для боя оружие – многими испытаниями. И с нами все то же самое. Так же, как и великий генерал, я вижу во всех нас скрытый потенциал. Возможность достичь великих целей. Но это потенциал, который должен быть проявлен.

«Единственная цель армии заключена в том, чтобы нерушимо стоять на страже интересов народа». Это древнее изречение сегодня несет в себе ещё больше правды, чем полтысячи лет назад на нашей родной планете.

Андрей скорчил гримасу и автоматически постарался скрыть её от Даны. Быстрый взгляд в её сторону заставил его облегченно вздохнуть – она ничего не заметила. Усилившийся запах толпы людей, скученных на небольшом пространстве, становился для него невыносимым.

Только вот цитата-то неполная, не так ли, Николай? Это совсем не то, что ты цитировал мне: «Единственная цель армии заключена в том, чтобы нерушимо стоять на страже интересов народа, который за это будет поддерживать её от всего сердца». И что еще важнее – даже это не является первоначальной цитатой: «Единственная цель армии заключена в том, чтобы нерушимо стоять на страже интересов КИТАЙСКОГО народа, который за это будет поддерживать её от всего сердца». Как обычно, братец, в некоторых обстоятельствах ты стараешься достичь верной цели, но я не могу приветствовать того, что ты творишь на пути к этой цели.

Ты оскверняешь любовь нашего отца к древней литературе и мудрости. Он гордился тем, что всегда приводил точные цитаты. Он считал едва ли не грехом, случайно процитировать что-либо неверно, не говоря уже о том, что делаешь ты: подсознательно подделываешь цитату для достижения собственных целей.

Андрей рассержено скрестил руки и стал слушать дальше. Он знал: то, что происходит, он не в состоянии остановить.

– Почти с того самого момента, как наши ноги коснулись Страны Мечты, я отковывал армию под своей командой, зная, что она укажет путь остальным. Каждым ударом молота мы куем более сильное будущее. Будущее, которое позволит нам осуществить надежды, которые оставили нам в наследство погибшие за нас. И сегодня пришло время для следующего шага.

Время остудить металл.

Силы Оборона Звёздной Лиги сыграли в жизни каждого из нас благородную и решающую роль. Так же, как и для тех, кто погиб, для них никогда не найдется замены. Но так же, как и для тех, кого мы потеряли, для них пришло время закрыть эту страницу прошлого и вступить на путь, который позволит нам вновь возжечь свет Золотого Века Звёздной Лиги.

Четыре долгих года мужчины и женщины в наших войсках сокращали свои ряды, выявляя между собой элитные кадры мехвоинов. Тех, кто не только в состоянии исполнить свой долг, но и тех, кого мы с нашими нынешними возможностями в состоянии содержать. И что еще важнее – благодаря этой кузнице кадров мы сможем в конце концов отобрать миры Пентагона у тех, кто захватил их.

Впервые за несколько минут Николай сделал паузу и его привычное суровое выражение появилось на лице, словно акулий плавник в тропических водах. Его вид вызвал содрогание и страх у всех, кто это заметил. Волнение людей достигло высшей точки.

Андрей наблюдал за толпой в поисках отращения к этой внезапной метаморфозе, но ничего подобного не увидел. Только внимательные взгляды, впитывающие этот спектакль. Он покачал головой, осторожно посмотрел на Дану и поспешно вновь отвел глаза, увидев на её лице то же восхищение, что и у большинства присутствовавших гражданских. *Как это возможно, Никки?*

Когда Николай заговорил дальше, в его голосе звучали сила, которая едва ли не физически отодвинула толпу, словно он открыл врата в неизмеримо огромную печь и впервые открыто продемонстрировал людям жар своей страсти. Страсти, которую он, пусть и на малую долю, открывал тем, кто должен был вместе с ним над новой интерпретацией истории.

– Восемьсот воинов.

Они станут моими кланами. Они станут *вашими* кланами. Двадцать кланов, как представители двадцати освоенных миров скопления Керенского. Потому что если даже Страна Мечты – сердце, то остальные миры – тело. Будущее принадлежит нам всем. Мы все имеем право на частицу сияющего будущего, мы все будем вместе ради него работать.

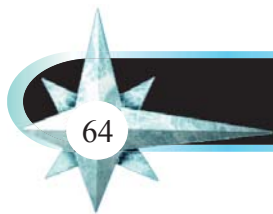
Столь многие из нас впали в отчаяние, когда великий генерал покинул нас в трудный час. Но воспоминание о нем живет в нас. И *сегодня*, в годовщину того дня, когда те, кто попирали ногами нашу общую Мечту, украли её у нас, мы должны взглянуть в глаза будущему в осознании своей готовности к нему. Мы готовы и хотим сделать то, что должно быть сделано для основания нового общества. Использовать для этого каждый день.

Сейла!

Ответом на окончание речи было изумленное молчание, в котором огромная голограмма погасла в воздухе, словно проглоченная этим молчанием. Потом толпа взорвалась криками и спорами, будто кто-то повернул невидимый рубильник. Николай и все, кто стояли на сцене, спокойно и уверенно стали спускаться с нее под неусыпной охраной двух установленных на краю площади боевых мехов. Для Андрея присутствие этих мехов было недвусмысленным указанием на то, что Николай готов был добиваться осуществления своей Мечты силой, если бы слова не действовали.

Когда симфония из возбужденных, озабоченных, раздраженных голосов окутала его, а Дана схватила его за руку, увлекая прочь и лихорадочно рассказывая об одном из видений, посетивших ее, когда пришел момент, когда Николай добился своей цели, Андрей мог думать только о своей матери.

Сейла.

Этим словом мать всегда заканчивала свои молитвы, когда они были еще маленькими детьми. Еще до гражданской войны Амариса. До того, как Катюша прекратила молиться со своими сыновьями. *Что за сигнал ты хочешь дать этим, Николай? Что ты хотел этим сказать? Это было для меня? Для людей? Или лично для тебя? Молитва, обращенная к матери и отцу о том, чтобы ты оказался прав.*

Он шел, увлекаемый крепкой хваткой Даны, не обращая внимания на её болтовню, и мысли его блуждали. Как обычно, он не мог найти ни ответа, ни покоя.

16

*Катюша-сити, Новая Терра
Страна Мечты
Скопление Керенского
13 июня 2807 года*

Как Андрей ни старался, он не мог её игнорировать точно так же, как и прорывающиеся сквозь тучи солнечные лучи. Но он, как минимум, пытался это сделать, пока восемь сотен солдат новой армии Николая медленно собирались к командному центру. Далеко не все лица были ему знакомы. Спартански обставленное помещение, в котором, кроме необъятного голостола, находились лишь несколько терминалов и ковровое покрытие из полиимиомерных волокон – настолько заряженных, что они стали тверже металла – напоминало ему, скорее, загон для скота, чем военный штаб. *Стадо? Нет, это неправильная ассоциация. Зоопарк. Я должен был это предвидеть. Должен... В этом списке было так много всего...*

– Что ты сказал?

Мысли отскочили от него, словно аэрокосмический истребитель, под неправильным углом вошедший в атмосферу.

Он попытался ни о чем не думать, но её голос разбивал любую концентрацию. Она была сияющим солнцем, уничтожающим бесконечную серую облачную муть, пока беспощадно синее небо не оставит места для тени. Он напоминал сам себе инфузорию под микроскопом.

– То же, что и всегда, – ответил он, не оборачиваясь.

– Здесь? – это прозвучало возмущенно. Словно он пригрозил справить малую нужду прямо на алтарь самой большой из церквей Эдема.

Ах, да, конечно же... Церковь Эдема была снесена. В конце концов, она ведь мешала постройке центральной площади легендарной Катюша-сити, не правда ли, Никки? Сарказм этой мысли угрожал бросить его в пучину горечи, из которой он с таким трудом пытался выбраться.

И ты обещал выстроить новую церковь, прекраснее, чем какая-либо другая, как мне сказал Уиндхэм, не правда ли? Хотя погоди, не так. Ты этого не обещал. Это обещала Дженнифер. А я, скорее, добровольно проведу остаток жизни на каменоломне, чем поверю какому-либо из её обещаний. Значит, ты и дальше будешь затягивать это дело. В конце концов, средств

не хватает, а у тебя и так полно работы с постройкой жилья для всех беженцев, правда? Я имею в виду – ты ведь располагаешь лишь ограниченным количеством материалов и людей, а в данный момент инфраструктура обладает абсолютным приоритетом... и, конечно же, защита против возможных нападений с миров Пентагона. Об этом тоже нельзя забывать.

Ты никогда не построишь церковь, Никки. Потому что в твоём обществе нет места для религии. Никакого места. У нас должен быть лишь один Бог. И этот Бог – ты, ведь так, Никки? О, конечно же, если задать тебе прямой вопрос, ты ответишь, что наш Бог вытесан теперь из камня, имеет двенадцать метров высоты и стоит на центральной площади. При нужде ты зайдешь даже так далеко, что станешь утверждать, что сам ты – не более, чем рупор, пусть другие и называют тебя пророком. Но разве может пророк не слушать, когда его Бог говорит с ним? Ты не принимаешь ничьих советов. Старые боги нашего отца мертвы и ты хочешь создать человечество по своему образу и подобию.

Но что ты взял за пример, Никки? Что это еще за кланы такие?

– Андрей.

Звук этого голоса нанес ему почти физический удар, вырвал его из бесконечной, постоянно вращающейся мысленной спирали.

Он сжался, повернулся и наткнулся на взгляд Даны. Эти огромные зеркала души... в которых он сейчас видел тень. Дело было не в том, что она могла сказать. Скорее всего, она этого вообще не осознавала. Но эти глаза, так полно отражающие его душу, были подернуты туманом. Легкое, влажное облако, лишаящее его образ полноты.

Отражение нашей связи.

Он подавил глубокий вздох, провел пальцами по волосам, которые, как ему казалось, в последнее время поредели – результат нервного напряжения или он это себе только напридумывал? – и пошевелил мускулами лица, разгоняя кровь в застывших губах.

– Что?

– Я как раз об этом и говорю, Андрей. Ты меня больше не слушаешь.

А ты меня не слушала вообще никогда. Ты не хотела со мной разговаривать даже тогда, когда Никки держал свою великую речь.

– Я просто устал. Долгие часы занятий и маневров. Все ускоряющаяся подготовка кадетов к первым испытаниям. Это все утомляет.

Она смерила его скептическим взглядом.

– Мы все утомлены. Какое ты имеешь право так говорить, да еще здесь, в его присутствии?

Он отвел взгляд и стал оглядывать толпу, мускулы его живота напряглись. *Ты не могла произнести «его» ещё подобострастнее, Дана? Мы дали себя увлечь мечте Никки, но я никогда не подумал бы, что ты станешь следовать ему так слепо. Так верноподданно.*

– Андрей, – сказала она.

На некотором расстоянии от них он заметил Карсона и они коротко кивнули друг другу. Потом его друг вернулся к разговору с одним из своих командиров полков, который стоял рядом. Андрей использовал этот момент, чтобы опять отгородиться от голоса Даны. Его звук напоминал мягкие обертоны её речи той ночью, когда они соединились впервые. Этого тембра он не слышал уже очень давно.

Он стал искать другие знакомые лица. Кое-кого он не видел уже многие месяцы. Уиндхэм и Сайнце. Сандра Цзэн и Ханс Йоргенссон – как обычно, они стояли рядом. Его взгляд прошелся по ним и устремился дальше. Они постоянно напоминали ему о «Принце Евгении».

Карен Нагасава. Джон Флетчер общался со Стивеном Маккенной. Сэмюэл Хельмер, когда-то, давным-давно – его ученик, теперь уже совсем взрослый, стоял рядом с Элизабет Хазен. Его взгляд опять отпрыгнул от них и поспешил далее – Андрей страшился воспоминаний, стремившихся овладеть его сознанием.

В тот самый момент, когда он уже вынужденно собирался вновь повернуться, чтобы не спровоцировать очередной конфликт, с которым, возможно, не сумел бы справиться, неожиданное волнение у входа спасло его от этой необходимости. Большинство присутствующих столпи-

лись возле одного из последних вошедших.

В помещении появился генерал Абсалом Трэскотт. Неважно, насколько сильно Никки перестроил свои войска – Трэскотт оставался *генералом*. Тяжелый взгляд и строгое лицо озирали собравшихся, срывая со всех маски и заглядывая в самое нутро.

Он наблюдал, как генерал Трэскотт промаршировал на середину командного центра. Он миновал Карсона едва ли не с презрительной миной. Андрей застыл, увидев, как Карсон отвел взгляд и уставился в пол. Хотя Николай и произвел Трэскотта в ранг командующего генерала всех сил Второго Исхода, последний не захотел отказаться от своих притязаний на командование дивизией имени Эрвина Роммеля. При этом Карсон командовал 149-м дивизионом уже много лет. Андрей понимал, что это значит для его друга. Хотя ему иногда и удавалось при случае противостоять брату, после пары-тройки разговоров с Трэскоттом он чувствовал себя выжатым и выброшенным на обочину, словно отслужившая свое половая тряпка. Трэскотт был человеком, изучившим свое ремесло у ног великого генерала.

Тебе недостаточно своих забот, Андрей? Тебе обязательно нужно везде сунуть свой нос? Карсон доволен. Меньше всего он желает устраивать провокации. Тем более – сейчас, когда чихнуть не успеешь – окажешься на свалке. Такое давление... такое сильное давление...

Трэскотт достиг внешней стены помещения и застыл по стойке «вольно». Напряжение расло. Воины короткими фразами и скупыми жестами обменивались соображениями о том, что могли означать объявления, сделанные Николаем. Андрей попытался успокоиться, но молчание Даны было громче тысячи голосов.

Наконец, появился Николай, один. Все взгляды устремились к нему. Часть присутствующих воинов пошли даже на то, чтобы снять свои знаки различия, но все они еще носили оливковую униформу Сил Оборона Звёздной Лиги.

Николай был одет в простой белый комбинезон, на воротнике которого была укреплена почему-то окрашенная красным Звезда Камерона – символ Звёздной Лиги. С того места, где стоял Андрей, было сложно разглядеть подробности, но ему показалось, что длинный луч был повернут не направо, как обычно, а вниз. Николай выглядел, как ледяная статуя в летнем лесу. Андрей с трудом оторвался от него и попытался оценить реакцию присутствующих. Он замер, увидев, что глаза всех, кто стоял вокруг, словно прикованные, взирали на их предводителя.

Нет, не на предводителя. На гуру. Он вытер вспотевшие ладони о форменные брюки, не задумываясь о возможных пятнах. Он знал: сняв эту униформу сегодня вечером, он не наденет её больше никогда. В нем волной поднималось сожаление.

Отец был субъектом культа личности, Николай. Но он никогда этого не хотел и не поддерживал. Ты его целенаправленно построил сам. Ты манипулировал событиями, пока не осталось никакой иной возможности. Но что теперь, Никки? Что произойдет, когда ты умрешь? Ни один культ не переживает смерти своего пророка.

Николай прошел сквозь толпу к цоколю, не отвечая ни на одно из многочисленных воинских приветствий, сопровождавших его по пути. Он кивнул Дженнифер Уинсон, потом повернулся и оглядел каждого воина, прежде, чем взять слово.

– Воины, – начал он тихим голосом, добываясь полной тишины. – Я собрал вас сегодня здесь, чтобы сделать следующий шаг. Лучше, чем любые войска в истории, вы выдержали испытания, выделившие из массы эти элитные кадры. С этого момента вам больше не нужны никакие тесты, чтобы доказать право называться воинами.

Вы есть моя армия.

Он медленно прошелся по помещению, оглядывая каждого из присутствующих с дикой гордостью отца, глядящего на своих возмужавших потомков.

– Однако, – продолжил он, завершив круг, – теперь для вас также пришло время окончательно отбросить внешность Сил Оборона Звёздной Лиги и принять новый образ. Но делаем мы это не по злобе и не из желания очернить доброе имя СОЗЛ. Мы делаем это потому, что больше нет никакой Звёздной Лиги. Мы делаем это потому, что без новой Звёздной Лиги, в рамках которой только и могут существовать СОЗЛ, мы принимаем новое имя и определяем новую цель.

Мы, воины, станем теперь кланами. Задачей СОЗЛ была защита Звёздной Лиги. Наша задача – вернуться на миры Пентагона и начать оттуда строительство нового общества, которое получит возможность и будет готово использовать всю свою волю, всю силу для осуществления Мечты великого генерала: в нужный момент вернуться во Внутреннюю Сферу и воссоздать Звёздную Лигу, которую *они* разрушили.

Энергия, сконцентрированная в помещении, буквально потрескивала в воздухе. Сила. Самоотверженность.

Даже Андрей ощутил мощь этого послания. Оно было усилено знанием о его брате и о том, что произойдет, если мечта Николая рассыплется в прах. Собравшиеся воины требовали от него сделать эту цель его собственной. Принять этот образ. Эту готовность следовать за их предводителем, куда бы он их ни повел.

– Мои кланы, – в конце концов, продолжал Николай, усиливая нажим, – пришло время для серии новых испытаний. Мы не будем больше проверять ваши воинские умения – их вы продемонстрировали уже сотни раз. Нет, теперь пришел час доказать вашу готовность к этой метаморфозе.

Он указал на голостол, который засветился, в то время как все остальное помещение накрыла тьма, так что Николая окутал мистический свет.

Я чувствую соблазн, Никки. Я слишком хорошо знаю, что все это срежиссировано до мельчайшей детали. Может быть, ты и веришь во все, что говоришь, но ты ничего не делаешь без планирования. Разве ты не говорил это сам? Разве ты не говоришь этого всегда? Каждое действие, каждое движение – возможность манипуляции – так же, как ты годами манипулируешь мной. Черт подери, я должен был бы давно уже к этому привыкнуть... но не привыкну никак.

– Двадцать кланов по сорок воинов в каждом. Я прослеживал ваш путь через все тесты и решил, кто из вас какому клану будет принадлежать. Каждый клан получит участок земли севернее Катюша-сити – это пространство отныне будет называться Земля Свободы. Там, на этой новой территории, вы начнете все с начала. Вы примете животное, давшее имя вашему клану, в качестве тотема, вы свыкнитесь с ним. В процессе работы над возведением ваших клановых построек вы сделаете ваш клан единым, новым целым. И мы, все вместе, возведем центральный большой Зал ханов. Когда мы закончим, двадцать кланов станут новым единством, большим, чем сумма его составляющих.

Он указал открытыми ладонями на голостол и отступил в сторону.

– Подойдите и взгляните в глаза своей судьбе.

Толпа непроизвольно качнулась вперед. Дана ухватила Андрея за руку и потащила за собой, лихорадочно торопясь отыскать свое имя.

Отвратительный, повизгивающий страх вполз в его сознание и охватил его с головы до пят. Он опять услышал рык этой проклятой кошки, осознал, что провалился. Он чувствовал, как этот провал окутывает его стыдом и знал, что это увидят все. Хуже того – это поймет Дана.

Голопроекция сияла перед ними, словно огромная белая скала, сотканная из бесконечных возможностей, распространялась во все стороны, в то время как сотни глаз обшаривали её и сотни голосов взбудораженно обсуждали общее будущее.

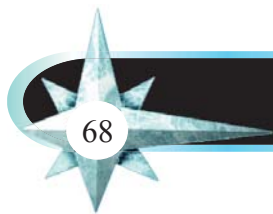
Рядом с ним закашлялась Дана. Он медленно обернулся, взглянул на её возбужденное лицо и протянутую руку, указывающую на её имя. Он попытался сконцентрироваться на том, что она говорит, но ничего не понял. Он смог лишь проследить за её пальцем, вытянутым в направлении доски.

Клан Койота. Хан Дана Куфалл.

Эти странные слова, как ему показалось, были чем-то вроде выжженного клейма. Он почувствовал страшное жжение, ощутил запах вонь паленого мяса. Он был словно парализован.

Наконец, ему удалось отвести глаза от голопроекции. Он увидел своего брата у цокольной стены, рядом с Джен. Несмотря на приличное расстояние и блики от голостола, из-за которых лицо Николая оказалось в тени, он мог читать в этих глазах и знал это.

– Андрей, твоего имени нет в списке.

Нет. Конечно же, нет.

– Андрей, почему твое имя не стоит в списке? Ты же здесь? – её замешательство и беспощадный голос, так же, как и дергающая его рука, отвлекали от Николая, однако это не удалось бы сейчас никому.

Что-то ты нашел во мне такое, чем можешь гордиться, Николай. Что-то ты во мне обнаружил. И всё-таки – теперь ты отбрасываешь меня? Ты не можешь отстранить меня и замарать наше имя, но я не прошел твое испытание. Испытание, которое Джен явно прошла.

– Почему, Андрей? Почему тебя... – её голос резко оборвался, прежде чем она продолжила. Её замешательство оказалось вытеснено новым почтением.

– В этом списке также нет и Николая. Конечно. У Керенских – особое место. Теперь я понимаю...

Это было для Андрея тяжелее всего. Ему хотелось заорать во весь голос. Он уставился на своего брата полным ненависти взглядом, надеясь, что тот в конце концов поймет, чего достиг своими манипуляциями. Что он причинил Андрею – тот должен был стоять и слушать, как Дана произносит его *имя*. Что он сделал с нею – очередную интригу в этой бесконечной череде она объяснила милостивым жестом. Он закрыл глаза.

В помещении, полном восхищения и неприкрытого радостного ожидания нового будущего, Андрей Керенский стоял в полном одиночестве и скорбел о разбитом прошлом, о котором, похоже, тосковал лишь он один.

17

*Земля Свободы, Новая Терра
Страна Мечты
Скопление Керенского
15 июня 2807 года*

Андрей брел сквозь сгущающуюся темноту.

Когда солнце зашло за горизонт, стало настолько темно, что он мог взглянуть вперед разве что на полдюжины шагов. И все же, он не остановился. За последние два дня он прошел сквозь такую тьму, что сравнения с ней не выдерживала ни одна планетарная ночь.

Тьма распространялась все дальше и дальше по земле, а Андрей и оба его сопровождающих шли сквозь прерию, расстилавшуюся примерно в тридцати километрах севернее Катюша-сити. Где-то шелестели кусты от легкого ветерка, за его штанины, словно мягкие кошачьи коготки, цеплялись травинки чужого мира. Цикады или их местный эквивалент уже начали свой концерт – печальное песнопение, оплакивающее потерянный свет. Ночные ароматы щебетали нёбо и нос.

Андрей это все попросту игнорировал. Он был слишком погружен в себя, чтобы замечать красоту, предлагаемую его чувствам Природой.

Он сжался, когда металлический щелчок оборвал тихие звуки прерии и в темноте загорелся яркий свет. Один из сопровождающих коротко осветил окружающее карманным фонарем, словно пытаясь сориентироваться, и они двинулись дальше.

Он брел по едва видимой тропе, а дух его барахтался словно в густом клею, из которого не мог освободиться. Его спутник снова помахал лампой, заставив Андрея на мгновение повернуться к нему, после чего он, словно зомби, опять заковылял вперед. Он не обменялся с обоими ни словом с того момента, как они разбудили его и засунули в машину, которая немедленно стартовала в сторону заката.

Теперь Андрей, несмотря на охватившую его апатию, заметил мерцающий впереди свет, быстро распавшийся на несколько источников – факелы, чьи огни танцевали вокруг горящей кучи хвороста. Огромный костер заставил его потерять последние остатки задумчивости. Ему пришлось поднять руку к глазам, привыкая к яркому свету. Дойдя до круга факелов, он увидел еще один, меньший круг – его составляли солдаты. Он понял, что размахивание фонарем было сигналом, на который они получили ответ и были пропущены стражей. Он заметил, что сопровождавшие его остановились и заняли свои места в кругу воинов.

Неожиданно мягкая трава кончилась – он вступил на жесткую, нагую землю, оступись и остановился. Смущенно оглядываясь, он увидел вытоптаный пятачок диаметром примерно в десять метров. Вокруг него из земли торчали двадцать длинных шестов, на верхушках которых горели факелы. Внутри пламя огромного костра жадно пожирало заготовленные для него дрова, а перед ним на расстоянии вытянутой руки друг от друга стояли двое – ближе к огню, чем им этого, быть может, хотелось бы. Дрожащий от жара воздух в первый момент не позволил ему узнать их, но в его голове стучало одно-единственное имя, вползшее туда с того момента, как два воина подняли его с постели.

Никки. Что теперь? Ты еще недостаточно наломал дров? Ты не можешь мне дать и двух дней, чтобы справиться с моей болью? Он часто мигал глазами в ярком свете. Слезы на его щеках стали теплыми.

Когда он, наконец, смог что-то различить на фоне гудящего пламени, он увидел Николая и Дженнифер в белоснежных комбинезонах, на которые танцующий огонь бросал разноцветные отблески.

– Андрей. Подойди. – голос Николая, едва слышный в реве огня, притягивал его к себе, вопреки нежеланию и жалости к себе.

Жар мощно и грубо ударил ему навстречу, подавляя всяческое сопротивление.

– Иди сюда, Андрей, – голос Дженнифер смешался с призывом Николая и впервые за долгое время в нем не звучало даже намек на презрение. Однако, разглядев её лицо, он изменил свое мнение.

Может быть, это и не презрение, но оно тебе больше и не нужно, не так ли? Ты победила. Ты направила Николая на этот путь. Клань родилась – и ты стала их матерью, которая позаботится о том, чтобы они развивались так, как ты этого хочешь.

Ее глаза блеснули, словно она смогла прочесть его мысли. Её взгляд, казалось, отвечал на них.

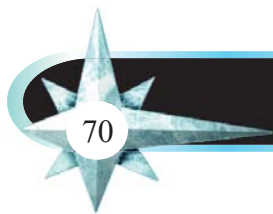
Но как? Я знаю своего брата с рождения, а ты смогла за столь краткое время войти в его жизнь? Он никогда и никого к себе не подпускал. Что в тебе такого особенного?

Его разум тяжело ворочался в ворохе вопросов, на которые не было ответа. Мысль о нем и Дане и о том, что его брат может быть влюблен, не появилась даже на краю его сознания. Ему это казалось слишком... человечным для Николая. Конечно же, он до сих пор был поражен той скоростью, с которой его брат создал кланы.

– Андрей, уже время.

Он посмотрел на Дженнифер, потом на Николая... и что-то заметил.

Несмотря на страшный жар, от которого кожа едва не получала ожог, глаза Николая были холодны, словно лед. Однако в их глубине блуждало некое чувство – он буквально наслаждался той свободой, которую его брат так редко дарил ему.

– Время для чего? – спросил, наконец, Андрей, втягивая воздух – он был столь горяч, что жег его грудь изнутри. Огромный костер выбрасывал клубы дыма и искры прямо над их головами, давая удивительное ощущение свободы дыхания – пока они были готовы выдерживать потрясывание собственных волос, скручивающихся от жара.

– Мы породили кланы, Андрей. Теперь пришло время, чтобы породить нечто иное. Нечто, давно уже назревшее.

Андрей удивился странному выбору слов Николая, однако прежде, чем он смог это обдумать, следующая фраза вызвала в нем настоящий ураган чувств:

– Пришло время нам с Николаем пожениться, Андрей, – Дженнифер взорвала эту бомбу столь будничным тоном, будто заказывала пару сотен канцелярских скрепок.

Челюсть Андрея медленно отвисла. Краткий миг спокойствия был сметен водоворотом эмоций. Он несколько раз перевел взгляд в Николая на Дженнифер и обратно и, наконец, понял выражение глаз Николая – и ощущение собственной силы, которое буквально излучала Дженнифер.

– Когда? – он чувствовал себя круглым идиотом, но большего из себя выдавить не смог.

Дженнифер улыбнулась и сбереженное специально для него презрение засияло на её лице в полную силу.

– А как ты думаешь, зачем мы вытащили тебя из постели? И почему ты, единственный, тут стоишь?

– Сейчас?

– Ты что, головкой ударился? – её улыбка чуть изменилась – словно танцующие блики придали ей иное выражение. Теперь она не веселилась, а гневалась. Впрочем, Андрей ни секунды не предполагал, что виной тому свет костра. *За что же ты меня так ненавидишь?*

– Джен... – сказал Николай тихим, но явно предупреждающим тоном.

Андрей едва не втянул голову в плечи.

Он впервые услышал, как Николай называет её иначе, чем Дженнифер – но более всего его задело то, что они оба использовали для нее одно и то же сокращение. Мысль о том, что он использовал имя, которое является для этой пары уменьшительно-ласкательным и кто знает, каким еще, была для него невыносима... Он благодарил всех, быть может, глядящих на эту сцену богов за то, что его кожа уже и так была красной, как вареная свинина.

– Мы женимся сегодня ночью, Андрей.

– Почему сегодня ночью?

– Почему нет?

Он открыл рот, чтобы выпалить целую кучу возражений, но не придумал ни одного. Потому что ни одного просто не было. Если он правильно посчитал, они были парой вот уже пять лет. Этого было достаточно хотя бы для брака по привычке. Они были взрослыми людьми, имеющими возможность самостоятельно распоряжаться своей жизнью.

Почему же это событие отозвалось какофонией тревожных сигналов в его сознании?

– А где священник? – спросил он лишь потому, что больше ничего толкового не придумал.

Николай бросил на него вопросительный взгляд, но Дженнифер опередила его возражения:

– Священник, Андрей? Пастор? Я и не знала, что ты ударился в религию. Это твой дружок Хаттиб на тебя так повлиял?

Он медленно покачал головой.

– Нет. Просто... просто... – он пожал плечами, не найдя подходящего ответа.

– Просто все так делают, правильно? Ут, – теперь презрение слышалось и в её голосе.

– Да.

– Уж кто-кто, а ты-то должен знать, как мало это значит. И как мало мы придаем этому значения.

– Андрей, – Николай кивнул Дженнифер.

– Андрей, если Бог существует, то он примет клятву верности, которую мы принесем друг другу, причем неважно, будет ли нашим свидетелем священник или её вообще никто, кроме

нас, не услышит. Если Бог есть – для него имеет значение лишь то, что в наших сердцах – так учила нас мать. Мы уже так давно посвятили себя друг другу, что в наших собственных глазах мы уже давно женаты. Но так же, как пришло время формально объявить миру об основании кланов, Андрей – и совершенно неважно, как долго они уже существуют в моей голове – так же пришло время объявить миру о нашем браке.

Андрей заглянул глубоко в глаза своему брату. Он искал... он сам не знал, что искал. Однако что бы это ни было – он вынырнул назад из ледяных глубин на поверхность, не найдя ничего. Так что он ответил первое, что пришло в голову:

– Тогда почему здесь? Почему не на центральной площади, где это увидят все?

Лицо Николая, если это вообще было возможно, замкнулось еще больше и танцующие блики костра затенили его.

– Потому что это наше личное дело, Андрей. Священный момент для меня и Джен. И для тебя.

Последнюю фразу он добавил холодно и отстраненно, словно исполнил обязанность. Напоминание, что присутствие младшего брата, вообще-то, не обязательно.

Тогда зачем эти воины, Николай? Для чего они тебе нужны? Просто, как часть твоей священной церемонии? Или тебе нужна их защита от тех, кто желает тебе зла? Ты в самом деле хочешь так жить?! Наконец-то ему удалось сбросить путы, сковывавшие его дух последние два дня – и он неожиданно задался вопросом, кем были эти воины. *У тебя есть восемь сотен фанатично преданных тебе бойцов. Кто из них предан тебе настолько, что заслужил это?* Его шейные мускулы затекли от напряжения – он справился с желанием оглядеться вокруг, вознося благодарность своей счастливой звезде за то, что не задал этих вопросов. Он удержал взгляд на своем брате. Есть время задавать вопросы и время держать рот на замке, включаясь в разворачивающееся действие – и какое именно время настало сейчас, сомнений не вызывало.

– Тогда это честь для меня. Николай, Дженнифер... – он повернулся и кивнул ей тоже. Он попытался избежать её взгляда, но он горел ещё горячее, чем костер.

– Да, Андрей, это честь для тебя.

Он снова кивнул, опасаясь любой другой реакцией лишь ухудшить ситуацию. Он закрыл глаза и мог поклясться, что веки заскрипели о пересохшие глазные яблоки. Свет от костра проникал даже сквозь закрытые веки, не оставляя ему путей для отступления. Он вдруг сообразил, чего они ждали, и сделал два широких шага назад. Даже такое малое расстояние принесло желанную прохладу.

Николай и Дженнифер подошли ближе друг к другу и взяли за руки. Они переплели пальцы и подняли руки на уровень плеч. Потом они взглянули друг на друга. Сначала заговорил Николай, потом Дженнифер. Рев пламени проглотил слова и Андрей немного наклонился вперед.

Однако тут же резко выпрямился, сообразив, что был приглашен увидеть этот момент, однако то, что они говорили, касалось только их двоих.

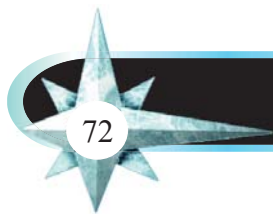
Он смотрел на две одетые в белое фигуры, стоящие едва ли не в самом пламени, близкие к тому, чтобы быть проглоченными огнем, и воспоминания о мистических созданиях проплывали перед его внутренним взором, словно страницы потерянного десятилетия назад учебника.

Неожиданное понимание охватило его, и Андрей осторожно взглянул направо и налево от себя – на стражей, казавшихся не более, чем смутными тенями за пределами огненного круга, однако каждый – воплощение внимания, полностью прикованного к разворачивающемуся перед ними спектаклю.

И когда он вновь повернулся к новобрачным, он уже точно знал, зачем эти воины были здесь. Он знал: их было как минимум по двое от каждого клана. Двое свидетелей этого события.

Два голоса, которые станут говорить о величии этой свадьбы в огне, сами того не желая, превращая действительность в миф, который привяжет кланы к Николаю и его супруге, Дженнифер.

Слезы Андрея испарились задолго до того, как они смогли оставить след на его покрасневших щеках.

*Катюша-сити, Новая Терра
Страна Мечты
Скопление Керенского
29 декабря 2807 года*

– А ЧЕГО ТЫ ОЖИДАЛ?!! – Разозленный и разочарованный своим братом, Андрей отвернулся.

– Я ожидал, что они выполняют приказ, – голос Николая напоминал ледник, овеваемый колючим полярным ветром.

Андрей продолжал буравить взглядом стену. Он вонзил ногти в собственные ладони, чтобы не разразиться потоком ругани. *Вечно эта злость!*

– Николай, речь идет не о повиновении приказам. Мы говорим о требованиях, которые далеко превышают распорядок военной службы.

Он на секунду запнулся. На языке вертелось: «Далеко выходят за рамки службы тебе», но он пересилил себя и промолчал.

– Мы говорим о их частной жизни. Они женаты. Счастливы женаты. А ты пытаешься вмешаться?

– Можем ли мы разлучить их более основательно?

Андрей непроизвольно сжал кулаки и его ногти вонзились в ладони еще глубже. Он судорожно сглотнул. Обычно голос Джен оказывал на него такое воздействие.

Он медленно повернулся и увидел её, стоящую в дверном проеме офиса. Она была одной из немногих, кому позволялось входить без стука. *Даже я нарываюсь порой на ледяной взгляд. Но не Джен. О нет, Джен – никогда. Почему? После всего, что было, я всё ещё не понимаю, каким образом она добилась подобного влияния на моего брата.*

– Что ты имеешь в виду? – спросил он, хотя отлично знал, что она подразумевает. Она это подразумевала многие годы. *Но была ли это только твоя идея, Джен, или Никки сам до такого додумался, чтобы довести наших людей до белого каления? Чтобы довести меня до белого каления? Хотя Андрею пришлось долго бороться за тот минимум уважения, который проявлял по отношению к нему Николай, бесконечные годы манипуляций все еще тяжелым грузом лежали на его плечах и представление о невидимых ниточках марионетки, легкими подергиваниями вызывающих у него нужную реакцию, всё не уходило из его сознания.*

– Именно то, что я сказала, Андрей. Можем ли мы разлучить их более основательно?

– Конечно, можем.

– Правда? – она склонила голову присущим лишь ей одной издевательским жестом, излучавшим презрение к каждому слову, произнесенному им, – А что, Мечта великого генерала умерла на мирах Пентагона?

Он перевел взгляд на Николая, чувствуя подвох, однако не видя его, и обнаружил, что его брат копается в лежащих на письменном столе листах бумаги. Складывалось впечатление, что он предоставил поле боя своей возлюбленной.

Это отношение настолько оскорбило Андрея, что он едва ли не пропустил, с каким почтением Николай вчитывается в строки старой книги, лежащей перед ним.

Он взгляделся внимательней и обнаружил, что это была за книга. Он сам пролистал её в своем комплоке и установил, что она являет собой не более, чем смешение непотных, помпезных цитат и таких же дурацких, преувеличенных самовосхвалений. *Маленькая красная книжица Мао Цзе Дуна, а, Никки? Это что, теперь твоя настольная книга? Ты так часто приводишь*

цитаты оттуда. И конечно же, ты их перевираешь до основания, как ты это делаешь постоянно. Даже узурпатор порой говорил правду, но это ничего не меняет в том факте, что он был опасным сумасшедшим.

– Андрей?

Он снова повернулся к Дженнифер, которая разглядывала его, как слабоумного.

– Что?

Она подняла бровь и в глазах её отражалась явная насмешка – выражение, постоянно вызывавшее у него кошмары, о которых он с удовольствием бы позабыл.

Он вспомнил о заданном вопросе и ответил быстро и смущенно:

– Да.

– Тогда мы должны найти другой путь. Разве мы не занимаемся именно этим?

– Разве мы не обговаривали уже один раз эту тему?

– Очевидно, недостаточно основательно, Андрей. Мы разрушили армию и создаем её заново. Неужели ты полагаешь, что этого достаточно? Ты и в самом деле считаешь, что от прошлого, которое нас почти уничтожило, должны очиститься только военные?

Вот теперь он увидел ловушку. Увидел и понял, что избежать её не в состоянии. Он пожал плечами в попытке признать её аргументы, но не объявить себя побежденным.

– Ты так считаешь, Андрей? – её голос не стал громче, однако тон, которым она это произнесла, колот его, словно его собственные ногти в ладонях.

– Нет.

– Нет. Армия идет по предначертанному нами пути и гражданские должны последовать за ней. Чтобы сделать это возможным, мы все должны разрушить старые связи.

Андрей вздохнул. Он ощущал, как его связи одна за другой рвутся от совместных атак Николая и Дженнифер. Он видел себя в роли обветренного каменного болвана, пародии на когда-то величественный памятник, изъеденный ветрами настолько, что теперь ветер мог просто сорвать его с пьедестала. Он уцепился за соломинку.

– И что вы придумали для Сандры и Хэнса?

– Ты вернешь их назад, – произнес Николай и поднял глаза от книги.

– Что? – ошарашенно отреагировал Андрей.

– Они исчезли почти две недели назад. Я знаю, что они сбежали далеко на север, но совершенно не представляю, куда именно. Ты разыщешь их и вернешь обратно.

– А что, если они не захотят вернуться?

– О, они захотят.

– Почему ты в этом так уверен?

Его брат взглянул на Джен. Неожиданно все помещение наполнилось напряжением.

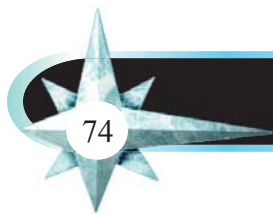
Краем глаза Андрей заметил, что выражение лица Дженнифер немного изменилось, прежде чем она ответила на его взгляд и кивнула. Он едва не повернулся к ней, но вовремя сообразил, что она заставит его платить за это до конца жизни. Даже столь незаметная, мимолетная сцена того, как Николай осадил её, была большим, чем то, что она позволила бы увидеть любому другому человеку. Он подавил радость от её унижения, а Николай снова повернулся к нему и ответил:

– Потому что я сделаю им предложение, от которого они не смогут отказаться.

На границе полярного круга

5 января 2808 года

Ландшафт расстилался под ними, словно бесконечная, незапятнанная белая скатерть, застывшая в волнообразном движении. Солнце низко висело над горизонтом и транспортный самолет гнался за собственной тенью над безграничной ледяной пустыней, которую разнообразил лишь один-единственный скальный гребень – одинокий страж вечного круговорота смерти и возрождения.

Холод вгрызался стальными клыками в Андрея, несмотря на то, что он был одет в меховый комбинезон. Его дыхание капельками конденсировалось на стекле кабины «Кобры». Хотя у него никогда не было тесного контакта с обоими беглецами, на след которых его навели, с первого же момента, когда он увидел их на «Принце Евгении», он испытывал к ним глубочайшее уважение. То, что они были единственными из сотен воинов, кто решился противостоять Николаю, лишь утверждало его в этом чувстве. А теперь еще и это. Побег в глубину вечной зимы... это требовало железной воли.

Ничего удивительного, что Никки хочет заполучить вас обратно, даже если это помешает его планам.

– Есть хоть малейший шанс на то, что в этой проклятой кабине заработает, наконец, отопление? – проворчал он в шлемофон.

– Ут. Как только Центр позволит нам брать с собой дополнительное топливо для этого – сразу все и заработает, сэр. Но в данный момент у нас его как раз столько, чтобы отыскать этих дезертиров. На отопление ничего не осталось.

Андрей скорчил гримасу, услышав свое детское выражение, ставшее теперь самостоятельным, и кивнул. Этот человек, скорее всего, даже не знал, откуда оно взялось.

– Понимаю.

– Сэр, – прервал второй пилот, – радар показывает две тепловые отметки под нами.

– Только не опять призрачные медведи. Сколько их вообще тут водится?

– Нет, сэр, эти отметки выглядят иначе. Разворот, Карл. Я думаю, это люди.

– Здесь? Прямо под открытым небом? – так громко воскликнул Андрей, что остальные передернулись.

– Извините, – пробормотал он, но сообщение его просто поразило. Такого он не ожидал. *На таком холоде любой предпочтет забраться в какую-нибудь нору поглубже.*

Транспортный самолет тяжело развернулся, словно кит, пытающийся заложить вираж, не погасив инерции от движения прямо. При втором подлете на инфракрасном экране радара недвусмысленно обозначился желтым цветом человеческий силуэт.

– Они холодные, капитан. Очень холодные.

Кивнув, пилот «Кобры» сделал еще один разворот и посадил машину примерно в сотне метров от двоих беглецов. Хотя Андрей готовился к выходу, он все-таки содрогнулся, когда трап опустился и полярная зима Страны Мечты ударила в него невыносимым морозным дыханием.

Он сделал несколько судорожных вдохов – его легкие отказывались принимать эту ледяную смесь в качестве воздуха. В конце концов, ему пришлось повернуться, чтобы выровнять дыхание. С выражением презрения к собственному страху перед морозом он начал надевать снегоступы, после чего беспомощно вывалился наружу.

Несмотря ни на какие тренировки, он все время боялся оступиться этими до смешного огромными ботинками, пока ковылял к поджидавшей его паре. Ханс и Сандра были тепло одеты, но все-таки было видно, что они еле держатся на ногах. Нельзя было не заметить, что прямо стоять им позволяет исключительно сила воли. Тем не менее, Сандра нашла в себе силы отпустить руку Ханса и первой сделать шаг навстречу Андрею, с хрустом расправляя уставшие, замерзшие члены. Она же первой сняла с лица повязку и Андрей испуганно втянул воздух сквозь зубы, взглянув на её истощенные, исхудавшие черты. Наперекор или, скорее, именно из-за этого шокирующего превращения его уважение к ним достигло в одно мгновение небывалых высот, когда она расправила плечи и заговорила с ним вызывающим голосом.

– Мы возвращаемся. Но мы возвращаемся для того, чтобы опротестовать решение Николая приписать нас к разным кланам. В этой ледяной пустыне мы поняли настоящую природу силы, поняли, как мы можем послужить его видению. Эта сила – в единстве. В *нашем* единстве.

Эта короткая речь, казалось, отобрала у нее последние силы. Она пошатнулась. её кожа была бледной до прозрачности, губы – призраки двух красных пятен.

Андрей медленно поднял руку. Он дрожал от страха, но ему было понятно, что оба заслужили, как минимум, это. Так что он также снял с лица маску.

– Андрей! – в замешательстве вскрикнула Сандра. Она не ждала, что в поисковой группе прилетит брат Николая.

Он, в свою очередь, расправил плечи, однако салютовать не стал – это было бы некстати. Вместо этого он глубоко поклонился им обоим, чтобы выразить свое уважение, после чего продекламировал заученное от корки до корки послание Николая:

– Сандра Цзэн и Ханс Оле Йоргенссон. Николай Керенский решил, что ваша абсолютная верность клятве, связывающей вас обоих, является примером, которому должны следовать все клановцы. Поэтому вы не будете разлучены.

Сандра уставилась на него так, словно он прямо у них на глазах превратился в призрака. Потом она посмотрела на Ханса, который в этот момент также снимал с лица платок – на его угловатом лице также застыло изумление. Её взгляд снова вернулся к Андрею.

С криком радости она упала в обморок.

19

*Катюша-сити, Новая Терра
Страна Мечты
Скопление Керенского
15 марта 2808 года*

Мир кровоточил и кровь его была черна.

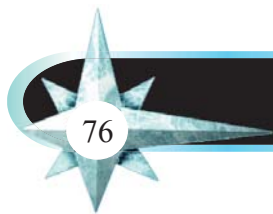
На одном экране бушевал огонь, в то время как второй показывал, как вязкая жидкость стекает по корпусу проламывающегося сквозь подлесок «Блэк Найта».

Андрей едва ли не ощущал сотрясение от шагов меха собственным позвоночником, чувствовал давление ремня безопасности, который удерживал его в пилотском кресле. Его страх перед огнем и воспоминания о последнем, самом страшном бое на Эдеме навалились на него, однако он боролся с ними с железной решимостью, заставляя себя смотреть на исход сражения.

Пережить исход сражения.

Наперекор бесконечным протестам и проблемам, он остался воином. Он закрыл глаза в предвкушении впечатлений. Он жаждал битвы – да хоть бы маневров! Его руки искали рычаги управления. Он сглотнул и провел языком по пересохшим губам, открыл глаза и стал снова просматривать запись боя, снятый частично орудийными камерами «Блэк Найта», а частично – стационарными голокамерами, расположенными на полигоне.

«Блэк Найт» неожиданно ускорил движение, словно пилот вдруг обнаружила что-то, что не было зафиксировано голокамерой, и Андрей поймал себя на том, что он, в такт движению меха по неровной поверхности, легонько покачивается туда-сюда, нажимая ногами на воображаемые педали. Из чащи вынырнул «Краб». Похоже, быстрое приближение и шум «Блэк Найта» Даны его напугали. Замерцали сдвоенные лазеры, нацеливаясь на уже поврежденные участки брони. Один попал и прожег в металле еще одну оплавленную дорожку, другой промахнулся.

Андрей непроизвольно сжался. Хотя лазеры работали на пониженной мощности, потому что даже Николаю было ясно: не стоит бездумно распалать его восемь сотен свежееотобранных воинов – тем не менее, это все еще было смертельное оружие и при неудачном стечении обстоятельств оно вполне могло убить. Они все это осознавали. В конце концов, они были воинами.

Его взгляд автоматически перешел на несуществующий второй монитор, показывающий повреждения меха. Его ноги дернулись, чтобы подогнать движения машины под показатели вектографа и по возможности подставить противнику неповрежденные участки брони. Мысленно он коротким движением ускорил машину, двинув вперед рычаг, одновременно приводя в готовность высокоточный ППЧ. Голубой разряд сорвал броню с меха противника. Он дернул средним пальцем и вспомогательное перекрестие прицела навело кроваво-красные лучи энергии на цель – заднюю часть корпуса «Краба». Лазеры расплавили небольшую, похожую на ключ комм-антену и вонзились в уже имевшийся шрам на бронепокрове.

Пилот «Краба» осознал, что «Блэк Найт», несмотря на полученные повреждения, явно превосходит его, и поспешно попытался снова спрятаться в горящие кусты. Однако Дана, словно вцепившийся в добычу питбуль, не отпустила противника. Еще один удар ППЧ сорвало броню с корпуса и запустил подрагивающие смертельные щупальца во все более расширяющуюся щель над сердцем меха. Не успев скрыться в клубках дыма и языках огня, «Кrab» содрогнулся и медленно повалился назад под влиянием остаточного импульса начатого возвратного движения, который и вывел машину из равновесия.

Дыхание Андрея стало прерывистым, словно он сидел в горячем кокпите, через который волнами шел жар от раскаленных орудий и близкого лесного пожара – горячий воздух, безжалостными когтями царапающий слизистую оболочку легких. Кресло, казалось, содрогнулось от столкновения пятидесяти пяти тонн миомеров и стали с землей. Дрожащими руками он провел по волосам, потер пылающие глаза и щеки.

– Впечатляюще, – прокряхтел он. *Что за битва. Что за драка. Что за последствия. И опять это все происходит без меня.*

Из-за его спины отозвалась Дана:

– Спасибо.

Он повернулся.

Она ещё была явно возбуждена поединком, хотя её почти нагое тело уже покрывал комбинезон. Её кожа блестела от пота – не только от жары внутри кабины «Блэк Найта», но и от близости пылающего ада, все еще бушующего в лесах к северу от тренировочного полигона «Александр-Бета» – несмотря на все усилия пожарных команд, направленные на тушение огня.

Их глаза встретились и в них одновременно мелькнула искра, какой он не помнил вот уже два года.

– Ещё два боя.

– Ут.

– Ты-то хоть не повторяй это...

– Именно я, Андрей.

Хоть ему это и не нравилось, но он не мог найти ни единой ошибки в её аргументах и капитулировал перед её улыбкой.

– Я все еще не могу поверить, что ты решила подвергнуться Испытанию Положения, – Встав, он почувствовал легкое головокружение от прилива адреналина, вызванного изображениями, записанными орудийными камерами. Ему пришлось на секунду закрыть глаза и опереться на головид, – Николай назначает тебя ханом, а ты, тем не менее, считаешь, что должна доказать свое право на это место?

– Конечно.

– Кому? Николаю?

– Моим людям.

Моим людям? Конечно же. Её клану.

– Другие ханы поступили точно так же.

– Не все.

– Нет, не все. Но это не имело бы значения, даже если бы я была одна такая. Потому что это исключительно мое решение. Николай может считать, что я заслужила это место, мои люди тоже должны в это верить. *Я* должна в это верить.

Он как раз хотел открыть глаза, однако оставил их закрытыми, услышав, как она выговорила имя его брата. Неважно, сколько раз он называл себя за это идиотом – легче ему не становилось.

Неожиданно он почувствовал на своей груди мягкие ладони и, открыв глаза, заглянул в такие глубины страсти и возбуждения, которые можно было сравнить лишь с его собственными после просмотра записи боя. Адреналин. Игра со смертью – пусть и с ослабленным оружием. Восторг победы. В этом смысле не изменилось ничего. Она медленно поднялась на цыпочки и поцеловала его. Её губы, как всегда, были чистым шелком на его вечно пересохших губах. Мнимый жар голографического огня сменился реальным – в его теле. *Как давно это было?*

– *Я* должна знать, что достойна этой чести. Что я в состоянии использовать эту власть так, чтобы мое видение слилось с его, – закончила она и снова поцеловала его. её руки потянулись к пуговицам и застёжкам.

Без всякого вмешательства сознания, его руки начали путешествие по её одежде, в то время как его разум трепетал, словно лист на жарком ветру страсти. *Как давно это было? Ты едва можешь с ней говорить, но в этом ты ей не можешь отказать, не так ли, Андрей?*

Его руки отыскивали «молнию» её комбинезона. Он расстегнул её и потянул одежду с её плеч, пока она не опустилась к её ногам. Его дыхание участилось и он стал покрывать поцелуями всё её тело. Пропитанная потом футболка приклеивалась к её коже, когда он снимал её через голову – на какое-то мгновение это едва не сбilo их и не уничтожило момент... он едва не нашел в себе достаточно сил остановиться, оторваться от той, к которой его тянуло с такой силой все это время...

– И когда же ты поймешь, что заслуживаешь этого звания? – ухитрился он спросить у нее, хотя её язык в его рту делал любые разговоры невозможными.

– У меня было видение, – простонала она, – Сломанное Море зовет меня.

Так же, как я зову тебя? Зову, а ты не слышишь?

Последние обрывки одежды оказались на полу и в его голове осталась одна лишь звенящая пустота. Не получив ответа на свой вопрос, он забыл его, отдавшись страсти. Однако где-то в глубине сознания засела мысль о том, что между ними воздвигнется еще одна стена – как только она примет звание хана, как только уйдет со своими воинами в пустыню, чтобы осуществить свое видение. И эта мысль столкнула его в бездонные глубины. На его ослепшие глаза навернулись слезы, в то время как он слился с нею в единое целое. Последний ужин перед казнью.

Он провалился в бездну.

*Земля Свободы, Новая Терра
Страна Мечты
Скопление Керенского
17 марта 2808 года*

– Сурат за твои мысли?

– Что? – Андрей встрепнулся. Он обернулся и увидел рядом с собой Сару. – Сурат? Чего?

Она пожала плечами и её смех, несмотря на облачную погоду, залил пространство вокруг солнечными лучами.

– Ты меня не услышал в первый раз. Что-то же я должна была сделать, чтобы привлечь твое внимание.

Он на мгновение опустил взгляд и провел подошвой ботинка по поверхности стройплощадки.

– В самом деле? Извини, Сара. Я просто... – он также пожал плечами и кивком указал на круг воинов неподалеку.

– Я знаю. Но это не так опасно, как бой мехов, не так ли?

– Так-то оно так, но для морали может оказаться куда разрушительнее.

– И для тебя это важно.

– Что?

– Тебя в самом деле интересует, какова их мораль? Наша мораль? – ей удалось отстранить его от всех остальных, не меняя тона и не подчеркивая ни единого слова.

Он собрался было ответить, однако промолчал, когда она подняла бровь.

– Так я и думала.

– Не то чтобы я...

Она прервала его:

– Андрей, меня это не интересует. Я могу лишь догадываться, как это все выглядит для тебя. В конце концов, у каждого из нас есть свой клан.

Он внутренне сжался, несмотря на собственную решимость преодолеть это чувство. На пару мгновений его захлестнуло раздражение той бесцеремонностью, с которой она его разглядывала, пока он не сообразил, что она никогда не гладила его по головке и никогда, никоим образом его не возвышала. *Иными словами, она никогда не обращается с тобой, как с Керенским. Разве это не то, на что ты постоянно жалуешься? Даже Дана, несмотря на ту ночь...* От этих мыслей он спрятался, словно кролик, увидевший взмывающего в небо ястреба.

– У меня нет. – По какой-то причине это было не так больно, как если бы он услышал то же самое от Даны.

– В самом деле. У тебя – нет. Но это всего лишь вопрос времени. – она передернула плечами.

– Правда? Я в этом вовсе не уверен.

– Почему?

Пару секунд он выдерживал её пристальный взгляд, потом вернулся к созерцанию Круга Равных у подножия холма, возвышающегося в центре стройплощадки в этом секторе. Тридцать восемь воинов в белых комбинезонах с голубыми повязками на рукавах образовали широкий круг, в центре которого стояли двое их товарищей. Хотя он знал, как хорошо Дана владеет собой в ближнем бою, второй воин казался ему настоящим великаном по сравнению с её худощавой фигурой. Он был выше её на целый метр и достаточно широк в плечах, чтобы

обнять ногу меха. Оба отвесили глубокий поклон и начали кружить друг против друга. Андрей опустил голову. *Я думал, Якоб нападет сразу.*

– Почему нет?

Он сделал вид, что не услышал вопроса.

Утреннее солнце из всех сил старалось нагреть его лоб, но зима все еще цеплялась за окружающее своими ледяными когтями и отказывалась сдаваться весне. Андрей втянул в себя запах свежевырытой земли и подался вперед, словно хотел ворваться в Круг как раз в тот момент, когда Дана перешла в наступление. Она атаковала своего противника градом ударов обоих кулаков и ног, которые он без труда парировал.

– Ты не можешь присоединиться к ним.

– Ты думаешь, я этого не знаю? – сердито прошипел он. Потом он тяжело вздохнул и снова обернулся к Саре, стараясь не упустить взглядом Испытание. – Извини.

– Опять этот взрывной темперамент. Мы об этом, кажется, уже говорили.

– Конечно, говорили. Я все равно больше ничего другого теперь не делаю – только разговариваю.

– Так. Теперь мы перешли границу между раздражением и жалостью к себе, Андрей.

Он попытался отыскать в её лице признаки шутивого настроения, однако увидел лишь трезвый, оценивающий взгляд. И, может быть, что-то еще.

Иногда он, развлечения ради, пытался представить себе, что это за «что-то» могло бы быть, однако после встречи с Даной это оказалось для него особенно тяжело. *Встреча, более похожая на прощание.*

И как это ему удавалось чувствовать себя одновременно таким грязным и таким покинутым?

– Ах, в самом деле?

– Да, Андрей, в самом деле. Сотри это все с лица. Это тебе не подходит. Раздражение – одно дело. Но вот эта жалость к себе... она тебе не годится.

Да что ты там можешь знать? Ты думаешь, что знаешь меня, но по-настоящему меня знает только Дана. Знала... Он ощутил такую боль, какой не знал долгие годы. С Эдема. Отец. Он передернулся, словно хотел в самом деле стряхнуть это все с себя.

– Добро.

Она раздраженно хмыкнула, однако решила не продолжать.

– Ты не ответил на мой вопрос.

– Совершенно верно, я не ответил.

– Должна я вытягивать из тебя ответ?

– Ничего ты не должна.

Она снова зарычала, на этот раз громче, явно злясь.

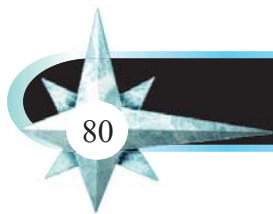
– Черт тебя побери, Андрей, что с тобой творится? Мне нравится твоё общество, потому что с тобой я могу общаться лучше, чем с кем-либо еще из тех, кого я знаю. Дьявол, да иногда даже лучше, чем с моими собственными воинами. И все же, – он почти услышал треск её сдвинутых вместе лопаток, – я знала, что тут происходит и думала, тебе может понадобиться моя поддержка.

– Ты здесь ничего не забыла, – холодно ответил он голосом, лишенным малейших интонаций.

– Ты тоже.

– Я тоже. В конце концов, это внутреннее дело клана Койота. Но мне Николай это простит. – *Я для него все равно – одно сплошное разочарование, ниже пасть уже невозможно,* – Но с тобой дело другое. Он может в самом деле засомневаться, было ли правильным провозгласить тебя ханом клана Росомахи, – этот титул и это имя ему все еще было тяжело выговорить.

Он повернулся к ней спиной, словно подчеркивая этим движением свои слова. Этот поворот оказался настолько полным, что он даже пропустил очередную серию финтов и ударов в Круге Равных, где мало-помалу первые атаки достигали цели, так как противники устали и их защитные маневры замедлились.

Вместо этого его взгляд окинул весь регион, который Николай нарек Землей Свободы. Он выглядел, словно микрокосм планеты. *Страна Мечты... Как это похоже на тебя: ты используешь родной язык нашего отца, чтобы привязать этот мир к себе, Николай. Как жаль, что в русском нет более сильной формы выражения собственности. В конце концов, ты сделал из этой планеты не столько Страну Мечты, сколько Страну **твоей** Мечты.*

Необъятная величественность этой местности поражала воображение, однако ни в коем случае не была чем-то, самым собой разумеющимся. Территория начиналась примерно в двадцати километрах от городской черты Катюши и тянулась на сотни квадратных километров. На меньшее Николай никогда бы и не согласился. Зелёная, почти полностью плоская равнина с многочисленными небольшими перелесками. Регион буквально лучился жизненной силой и природной красотой. Идеальное место для идеальной цели.

Сейчас однако, вокруг появились полчища построек, разбросанные повсюду на местности, которая едва успела сбросить белый снежный покров и надеть салатовое весеннее одеяние. Он не мог со своего места видеть их все, однако его имя позволяло ему осмотреть, пусть даже лишь издали, каждое из двадцати одного здания, которые находились на разных этапах строительства.

Двадцать Залов кланов окружали центр огромной площади с её последней постройкой – Зала ханов. В то время, как некоторые клановые Залы были уже почти полностью готовы – особенно Ледовые Хеллионы, казалось, приняли близко к сердцу стремительную природу своего тотема и, буквально как сумасшедшие, торопились завершить свой небольшой, спартанского вида холл – иные кланы, вроде Нефритовых Соколов, заложили настолько огромные здания, что едва-едва успели довести до ума их фундаменты. *Типично для Элизабет Хазен, считать себя пупом Вселенной.* Другие же, как Койоты, были слишком заняты внутренними разборками, чтобы уделять строительству слишком уж много времени.

И всё же, все они тренировались, все были заняты доведением себя до состояния супербойцов, так что Николай позволял им поступать, как им вздумается. Что, возможно, было еще более важным – кланы, которые приняли решение подвергнуть Испытаниям Положения назначенных Николаем ханов, доказали особое рвение в построении основанного на тестах военного сообщества, которое придумал Николай. Как мог он предпринять что-либо против такого проявления преданности своим целям?

И, конечно же, в центре постепенно поднималось здание Зала ханов, в пять раз большее, чем даже гигантский Зал Нефритовых Соколов. До сих пор можно было различить лишь слабый намек на будущие стены.

В отличие от Залов кланов, которые строились почти из всех материалов, доступных на планете и являли собой скопище архитектурных стилей от строгих до роскошных, Зал ханов казался постройкой, рассчитанной на тысячелетия существования. Гигантские гранитные блоки, которые могли быть сдвинуты с места лишь совместными усилиями нескольких рабочих мехов, торчали тут и там, в то время как их едва ли меньшие собратья уже были сформированы в зачатки огромных внешних стен. Величественные горизонтальные плиты также были заготовлены и ждали лишь своего часа, когда для них будут возведены опоры.

Посещая это строительство, Андрей постоянно сравнивал его с монументальными кафедральными соборами терранского Средневековья. Конечно, эти церкви не могли выдержать сравнения с возможностями современного строительного искусства, однако они были возведены вручную – работа, вызывавшая ощущение невероятной человеческой преданности идее. Вера, заключенная в дерево и камень, пережившая множество поколений.

Переживет ли твоя вера поколения, Никки? Выживут ли кланы? Вот эта гигантская постройка – это и есть твой Храм? И если это так – что тогда должно стоять в центре Катюша-сити? Или это будет твоим дворцом, Император Никки, а на центральной площади ещё возведут твой собор?

Громкие возгласы оторвали его от саркастических размышлений. Он повернулся и увидел, как толпа воинов почтительно окружила Дану – море их восторгов, казалось, докатилось до его ног.

Горькая тоска по тому, в чем ему было навсегда отказано, приносила физически ощутимую боль. Неожиданно он понял, что на свете есть человек, который понимал и принимал его всегда таким, каков он есть. И вместо того, чтобы ухватиться за протянутую руку, он в неё плюнул. Он повернулся, подняв руки, готовый извиниться за свою грубость.

Всё, что он увидел – пустое пространство и полупостроенный зал клана Койота. Боль усилилась до такой степени, что у него перехватило дыхание.

Вот почему я никогда не найду для себя клан, Сара. Даже если Николай когда-нибудь припишет меня к какому-нибудь клану – а я не поручусь, что он это сделает – меня никто и никогда не примет.

Почему нет? Потому что я – это я.

21

Космопорт Бета, Катюша-сити

Новая Терра, Страна Мечты

Скопление Керенского

20 марта 2808 года

Одетые в униформу цвета морской волны воины маршировали по трапу, загружаясь в выглядящий массивным и основательным посадочный корабль. Солнце, вставшее из-за горизонта каких-нибудь полчаса назад, припекало необычно сильно для этого времени года – воздух над асфальтом огромного посадочного поля заметно дрожал. Недавно прошел дождь и теперь влага туманом застилала окрестности, испаряясь на солнце. Все это придавало окружающему некий оттенок сюрреалистичности – воины исчезали в дрожащем воздухе и клоках тумана, появлялись вновь и вступали на трап посадочного корабля класса «Вампир». Несмотря на сорокадвухметровую длину и двадцативосьмиметровую высоту, он выглядел на этом фоне едва ли не воздушным замком, словно некая фата-моргана.

Наперекор всему, Андрей смог выдавить из себя улыбку. *Как это похоже на Дану: именно она кладет начало первому явному изменению в клане: отменяет белые комбинезоны с повязками и полностью переходит на цвет, который Николай дал клану Койота. Желал ли Николай этого? Как далеко он позволит ей зайти в её прожсектах?*

Неожиданно Андрей чихнул, так что сразу несколько воинов обернулись к нему, окатив его сумрачными, угрожающими взглядами. Один из них хмурился больше других – так что лоб его совершенно исчез под морщинами и кустистыми бровями, а острый, почти горящий взгляд едва можно было различить.

Мне здесь нечего делать. Он содрогнулся.

– Не обращай внимания на моих воинов, Андрей, – заметила Дана, стоящая рядом. – У них попросту развился слишком сильный инстинкт опеки по отношению ко мне.

Андрей попытался спокойно кивнуть хмурому воину, однако не получил в ответ даже коро-

того взгляда.

– А этот? – спросил он, указывая на воина, который успел исчезнуть за створками шлюза.

– А, Герек Черновков... Он, похоже, желает взять меня под крыло больше остальных. Думает, что я слишком молода, чтобы знать, что делаю.

Краем глаза он заметил кокетливую улыбку, которой сопровождался её нарочито веселый ответ, и стена, отделяющая его от мира, в котором теперь обреталась Дана, разом выросла еще на пару метров. Он отшатнулся.

– Андрей, что с тобой? – сокрушенно спросила она и лицо её подтвердило её озабоченность.

Он взглянул мимо нее на посадочный корабль и удивился, как легко краснеет, несмотря на годы, проведенные под палящим солнцем. Еще одно доказательство его слабости.

– Ничего. Наверное, слишком слабо позавтракал.

Какой-то частью сознания он отметил, что она к нему не прикоснулась. Его разум начал лихорадочный поиск другой темы, на которую можно было бы переключиться.

– Почему ты не взяла «Кобру»? «Вампир» кажется мне слишком большим для такого короткого прыжка на Маккенну.

Его вопрос был встречен продолжительным молчанием. Андрей инстинктивно понял, что Дана его раскусила, тем не менее, она ответила.

– Я не знаю, сколько времени мы там проведем. Если тамошняя местность окажется неподходящей для того, что я задумала – нам понадобится оборудование и временные бараки.

– И что же ты задумала? – он взглянул на нее и увидел бесстрастную мину. Стена снова поднялась перед его внутренним взором. – Извини, – едва ли не умоляющим жестом он поднял руки.

Она грустно улыбнулась и посмотрела на него огромными, всё понимающими глазами.

– Можешь не извиняться. Просто это внутреннее дело Койотов.

– Ты считаешь, в джунглях Николая будет так трудно? – спросил он, снова меняя тему, пусть и не так резко. – Почему бы вам попросту не использовать один из тренировочных полигонов? Я уверен, он готов предоставить вам место и оборудование.

– Я лечу не в джунгли.

– Эээ... Мне казалось, вчера, после твоей победы, ты сказала, что должна взять своих воинов в... эээ... племенной отпуск... По-моему, ты выразилась именно так. На Маккенну.

– Да, я именно так и сказала. Но не в джунгли.

– Тогда куда же?

– В Сломанное Море.

Андрей закашлялся, словно она ударила ему поддых.

– Ты шутишь.

Она нахмурилась.

– Стала бы я шутить по такому поводу?

– Нет. Точно нет. О чем ты только думаешь? Эта пустыня – настоящий ад. Неудивительно, что тебе понадобился «Вампир». Тебе не мешало бы взять их два или три. Как минимум один с гарантией разрушит пустыня – и тогда вы застрянете.

– Ты говоришь о моем доме.

Это остановило его.

– Я забыл. Американский юго-запад...

– Именно. Ты вырос на покинутой Терре на северо-западе Америки, но я выросла в пустыне.

– Но, Дана... Сломанное Море не похоже ни на одну из пустынь юго-запада Америки, о которых я когда-либо слышал. Перепады дневных и ночных температур просто непредставимы, не говоря уже о едких песчаных потоках, кроме того, не стоит забывать...

– Андрей! – она оборвала его, – Я все это знаю. Но это мой клан. Мое племя. Мое решение. Мы хорошо тренировались и далеко продвинулись в строительстве нашего кланового Зала, но теперь пришло время последовать *моим* путем. Этот путь сделает нас единым целым.

Её глаза просили о понимании, и хотя ему было тяжело, он ответил, как он надеялся, обнадеживающим взглядом и легкой улыбкой.

– Тогда будь хотя бы осторожна, – «любимая» повисло в воздухе невысказанным, отсутствие этого слова лишь укрепляло стену, отделявшую его от нее с её кланом, с её возрастающим отчуждением.

Прежде, чем ответить, она взглянула ему в глаза.

– Конечно.

Он отвернулся, больше не глядя на неё.

Катюша-сити, Новая Терра

Страна Мечты

Скопление Керенского

16 июня 2808 года

Закашлявшись, Андрей проснулся.

– Андрей, – снова послышался голос и чей-то силуэт темным пятном прорисовался на фоне пробивающегося из коридора света. Тяжелые, грубые воспоминания о Джес, о его брате и о том испуге, который он пережил, когда они разбудили его среди ночи, проснулись в нем.

– Андрей, твой брат просит тебя присутствовать.

Он несколько раз смигнул и силуэт немного прояснился. Он сообразил, что эта фигура совершенно не похожа ни на Николая, ни на женщину, воспоминания о которой мучали его столько лет.

– Который час? – пробормотал он. Его язык прошелся по нечищенным зубам и он скривился.

– Два часа.

– Спасибо. Иду.

Солдат молча поклонился и удалился. Андрей стряхнул одуряющую усталость, висевшую на нем после долгих дней работы среди гражданских в городе – и после долгих бессонных ночей, которые превращали всё дневное напряжение, служащее, собственно, лишь тому, чтобы забыть и не думать, в ничто. Он оделся, побрызгал в лицо холодной водой, провел пальцами по волосам и отправился на квартиру к своему брату.

Зевая так, что заложило уши, он постучал в дверь и стал ждать. Через мгновение её открыла совершенно не заспанная, полностью одетая Дженнифер – она впустила его с каменным лицом. Войдя, он застыл на пороге: вид знакомой фигуры захлестнул его, словно наводнение – пересохшую землю. Он шагнул было к Дане, чтобы приветствовать ее, однако на его предплечье, словно стальное кольцо, сомкнулись чьи-то пальцы.

Оглянувшись, он увидел Дженнифер, которая уставилась на него блестящими глазами, отрицательно качая головой. Впрочем, остановил его не её взгляд, а её прикосновение. Он был уверен, что до сих пор она не касалась его ни разу. Постепенно он проникся атмосферой помещения и радость от возвращения Даны остыла, так что он смог понять происходящее.

– Продолжай, – сказал Николай.

– Это было так, как я сказала, Николай. Во время ритуала очищения весь мой клан видел знамение, которое показало, что наша вылазка завершена и потребовало немедленно вернуться назад, чтобы я смогла тебе обо всем доложить.

Николай серьезно кивнул. Во взгляде, который он устремил на Дану, ощущалась вся сила его личности. Иные при виде этой мощи пугались или растворялись в ней, теряя себя, но Дана, казалось, впитывала её в себя и расла. Она приняла вызов.

В голове Андрея роились мрачные мысли.

– Мы видели, как стая волков и стая койотов преследовали стадо из пятерых талласи, – рассказывала Дана, – антилопы были явно испуганы и пытались спастись бегством. Но они слиш-

ком далеко ушли от едких потоков, которые их обычно защищают, и хищники загнали их в ловушку.

– Ты все еще не объяснила, что подвигло тебя прервать поход и почему ты считаешь, что должна мне об этом доложить, – с нажимом произнес Николай.

Дана кивнула, соглашаясь с ним в этом.

– Что-то заставило нас последовать за ними. Вдруг мы заметили, что волчья стаи куда-то пропала, а койоты загоняют таласси в русло пересохшей реки. Когда таласси достигли его, из засады появились пропавшие волки и обе стаи напали на таласси.

– Ты так и не пояснила, к чему ты ведешь.

Голос Николая не стал громче, однако Дана несколько смешалась.

В то же время Андрей заметил кое-что, что уже некоторое время не давало ему покоя. Он и раньше заметил определенные изменения в манере Николая выражаться, но теперь они стали совершенно явными. Словно Николай приобрел какой-то иной акцент... Нет, не так. Это был совершенно иной выбор слов, заставлявший его фразы звучать сухо и формально. Наблюдая за собеседниками, Андрей почувствовал, что Николай копирует манеру Даны выражаться. Точные формулировки, непривычный набор выражений... *Что ты задумал, Николай? Это не случайность.* В его голову снова стали заползать мрачные мысли и он попытался незаметно бросить взгляд на Дженнифер.

Что здесь происходит? Он не мог поверить, что это было оно. Он знал, что его брат способен на многое, но ничто из этого не подходило к данному случаю. Не потому, что его брат был на это неспособен – просто Андрей не мог увидеть в этом никакой выгоды для Николая. Стань подобный адюльтер когда-нибудь достоянием гласности – это привело бы лишь к волнениям. Нет. Неважно, как на эту сцену реагирует Дженнифер – Андрей не был готов всерьез думать о такой возможности. Хотя бы из-за эха его собственных чувств к Саре Мак-Эведи.

– Николай, они сотрудничали, Николай, – заговорила Дана и благоговение, звучавшее в её голосе, невозможно было не услышать. – Более того, они вели себя, как единый организм. Словно они были не волками и койотами, а просто хищниками на общей охоте. А когда мы подошли ближе – мы увидели, как они делятся друг с другом добычей, – она закончила свой доклад почти шепотом.

Наконец-то Николай кивнул, полуприкрыв глаза, словно погруженный в размышления.

– Это знамение, Николай. Знак о том, как должно быть между двумя кланами.

Он снова кивнул и после долгой паузы ответил:

– Это так.

Андрей устало потер лицо. Он вдруг ощутил острую потребность оказаться где-нибудь еще, только не здесь, где он вынужден был наблюдать, как его родственная душа общается с его братом на таком уровне понимания, которого он никогда с ней не сможет достичь.

Ты в самом деле веришь ей, Никки? Я живу с Даной долгие годы и очень редко мне удавалось понимать её видения. Как насчет тебя? Веришь ли ты ей вправду? Или ты только подыгрываешь? Как минимум, я всегда был честен с Даной. А ты – ты тоже?

Почему-то он в этом сомневался.

*Земля Свободы, Новая Терра
Страна Мечты
Скопление Керенского
29 сентября 2810 года*

- Ещё один камень в фундамент твоего здания, – заметил Андрей.
- Хммм? – рассеяно отреагировал Николай.

Конечно, ты отвлекаешься, Никки. Он вздохнул и раздраженно почесал старую рану. Он знал, что этот жест – простая привычка, и все-таки делал это.

- Да, еще один камень в фундамент. Ты имеешь что-нибудь против, Андрей? Он взглянул Дженнифер в глаза.

- Конечно, нет. Это было простое утверждение.

– Хмм... – она поджала губы и смерила его взглядом. Чем дальше, тем больше демонстрировала она, какого она о нем низкого мнения.

Чтобы избежать её взгляда, он стал смотреть на только что законченный Зал клана Волка. В отличие от массивного сооружения Нефритовых Соколов, работа над которым ещё не была завершена, или едва не игрушечным, давно построенным Залом Ледовых Хеллионов, Волки, казалось, нашли точку равновесия. Строение было достаточно небольшим, чтобы подчеркивать господство Зала ханов в центре парка Земли Свободы, но при этом внушительным настолько, чтобы отринуть все сомнения в уверенности клана Волка в том, что ему отведено важное место в новом обществе Николая. В то время, как боковые и задние внешние стены были по-спартански обнажены, фасад превращал эту скромность в ничто.

С обеих сторон от входа вздымались по десять колонн, нависающих над мирной пешеходной дорожкой, обтекающей строение, а также над широкой, прерываемой несколькими пролетами лестницей, сделанной из очень грубо отесанных скальных плит – она вела к portalу.

Станным образом, эти колонны не были увенчаны крышей – однако не придавали строению впечатления незавершенности. Фрески и барельефы, выполненные с искусством, которого Андрей никогда не видел у воинов, покрывали нижнюю часть фасада Зала и изображали гористую местность с хвойными лесами и горными пиками. Панорама была изображена настолько ясно, что подсознание в любую секунду ожидало, что ветви деревьев заколышутся от ветра, неся запахи горного леса, просыпающегося к жизни ранней весной, обозначающего свое присутствие первой зеленью долин и тюльпанами на заснеженных склонах. И все это художественное великолепие вело к простой двери, напоминающей вход в ад.

При виде этого почти идеального сочетания красоты, силы и простоты Андрей кивнул. *Идеальный дом для идеального Волка. Идеальные воины? Не удивительно, что Николай уделяет этому клану особое внимание.*

- Ты меня игнорируешь?

– Конечно, нет, – ответил он, коротко прокашлявшись, – я просто восхищаюсь тем, чего добился клан Волка.

- Ты имеешь в виду – чего добился Николай.

Андрей едва ли не улыбнулся, заметив, как она понизила голос. *Ты неплохо продвигаешься вперед, Джен, но вам всё ещё приходится оглядываться по сторонам, тебе и Никки.*

– Я признаю, что толчок был дан Николаем, но честь и хвала за этот Зал принадлежат воинам клана Волка. Твоему брату – их хану. Этот день должен принадлежать ему и его воинам.

- Конечно, конечно. Джером был всегда... верен мне.

Странная пауза, словно сначала она хотела сказать что-то другое, удивила его. Он собрался переспросить, однако внезапно раздалось рычание: мощное, древнее и звучное выражение дикости и силы. Даже ветер, казалось, застыл в испуге, и волосы на затылке у Андрея встали дыбом, когда в нем проснулся доисторический инстинкт, едва не толкнувший его к бегству. Он бросил взгляд на дальние ряды собравшихся и увидел за пределами пешеходной тропы источник звука.

Ему показалось, что он спит и во сне опять стал маленьким. Воспоминания о детстве и о множестве случаев, когда он прятался в североамериканских лесах, всколыхнулись в нем. Тот самый, давно забытый запах страха заставил его сердце колотиться с сумасшедшей частотой. Он закашлялся и лоб его покрылся потом.

Волк Страны Мечты.

Это был не североамериканский волк из его детства. Этот зверь обладал почти девяноста сантиметрами в холке и весил верных полтора килограмма. Волк, похожий на какого-то вынырнувшего из древних легенд варга-оборотня, стоял рядом с Джеромом Уинсоном и был почти вдвое больше своего предка – как бы рьяно ни отрицал этого Николай – часть его генной структуры *должна была* быть волчьей.

Несмотря на свою неприязнь к Дженнифер – он снова задался вопросом, каким образом брат и сестра могут быть столь непохожи друг на друга – Андрей не испытывал к высокому, широкоплечему и темноволосому Джерому ничего, кроме восхищения. Увидев, как Джером стоит рядом с этим ужасающим хищником и буквально светится от гордости и уверенности, он зауважал его еще больше.

– Ах, Уинсон, ты никогда не проигрываешь, – улыбнулся Николай.

– Никогда, – подтвердила Дженнифер.

Андрей взглянул на них обоих и задал неизбежный вопрос:

– Это что, его домашний зверек?

Ледяные голубые глаза уставились на него.

– Определение «домашний зверь» в данном случае не подходит. Домашний зверь потому так и называется, что он одомашнен. Название подразумевает, что всякий, кому вздумается, может почесать его за ухом и рассчитывать на ответное помахивание хвостом. Я не думаю, что ты испытываешь желание почесать за ухом *этого* «домашнего зверя»?

– Эээ... нет.

– В самом деле. Нет. Это, скорее... спутник Джерома. Возможность привести клан Волка к новой ступени убежденности. И не только клан Волка. Победить страх и чувство ужасной опасности, подружиться с волком Страны Мечты настолько, чтобы привести его сюда и не дать ему разорвать каждого, кто окажется поблизости... это я называю мастерством.

Андрей кивнул и попытался проникнуться возбуждением Николая при виде этой важной вехи на пути становления клана Волка.

Из тебя бы получился отличный заклинатель змей, Никки. Просто замечательный.

Николай направился к одетым в ржаво-желтую форму воинам клана Волка и его белый комбинезон выглядел, словно снежный сугроб на фоне окрашенной в цвета заката пустыни. Он строго по уставу приветствовал каждого, обменивался с каждым парой слов, потом серьезно кивал и следовал дальше. За собой он оставлял шлейф сияющих глаз и гордых лиц. Андрея охватило чувство дежа-вю: он вспомнил те бесчисленные разы, когда таким вот образом маршировал вдоль строя их отец. *Ты, конечно, идешь своим собственным путем, Никки, но твой учитель был лучшим из лучших.*

Наконец, Николай остановился перед Джеромом Уинсоном. Оба довольно долго разговаривали друг с другом, после чего Николай склонился вперед. Их разговор сопровождался постоянным негромким рычанием. Волк стоял, пригнувшись, шерсть на загривке чуть приподнялась, клыки чуть оскалены.

С бровей Андрея срывались капли пота, попадая прямо в широко открытые глаза, когда Николай повернулся и еще ниже склонился над волком. Потом он опустил на колени и спокойно

протянул зверю руку. Волк отреагировал тем, что припал к земле еще ниже. Его пасть раскрылась шире и из глотки за огромными челюстями вырвался громкий, глубокий рык, вызывавший отзвук в примитивнейших, потаенных глубинах мозга, где были погребены воспоминания о начале человеческой эволюции. Время застыло и сорок два человека затаили дыхание, не в силах сделать даже вдох. Неуловимый момент растянулся на целую вечность. Позыв бежать, куда глаза глядят, едва можно было сдержать. Протянутая рука Николая казалась безжизненной скалой на фоне ярости, которую он вызвал этим жестом.

Общий вздох был подобен взрыву, когда волк, наконец, скользнул вперед и лизнул Николаю руку. Он пару раз ткнулся мокрым носом ему в ладонь, склонил голову так, что нижняя челюсть улеглась на пол – жест, который можно было интерпретировать только как поклон. Наконец, волк уселся рядом с Джеромом.

Андрей понимал, что вся сцена была инсценирована от начала до конца, однако волшебство момента захватила и его. Смесь адреналина и эндорфинов, которую успело произвести его тело, привела к тому, что теперь он смотрел на своего брата такими же глазами, как и все присутствующие – впрочем, он быстро пришел в себя.

Идеальный заклинатель змей.

Андрей отер мокрые от пота ладони о брюки, в то время как Николай встал с колен и прошел к месту, с которого мог заглянуть каждому из присутствующих в глаза.

– Почти три года назад я основал кланы как единое целое, однако это лишь естественно, что каждый клан нашел свой путь по тому маршруту, который я проложил для нас. Ибо несмотря на то, что мы все едины духом, на самом деле нас много и это дает нам возможность вместе быть чем-то большим, чем простой суммой нас всех. И хотя каждый клан принял собственное решение, когда и как он обоснуется, мне кажется весьма кстати – и это не простые слова – что клан Волка не объявил о своем основании простой постройкой Зала. Я ощущаю глубочайшее удовлетворение, зная, что все вы в самом деле осознали то видение, которое я хотел передать вам. Потому что вы выбрали датой своего основания этот день, двадцать девятое сентября. День, когда великий генерал победил зло и вырвал Гегемонию Терры из когтей узурпатора. Точно так же мы освободим миры Пентагона и очистим однажды Внутреннюю Сферу от скверны Великих Домов.

Он поднял обе руки. Одной он указал на волка, другой, казалось, благословлял собравшихся клановцев. Сходства его поведения с тем, которое Андрей привык наблюдать на церемониях, проводимых Уиндхэмом, невозможно было не заметить. Андрей содрогнулся, видя, как его брат продолжает работать над собственным возвеличиванием.

Он закончил свое благословение жестким голосом, с горящим взглядом.

– В этом волке Страны Мечты мы видим образ, к которому должны стремиться воины: мудрость в сочетании с инстинктом и чувством Родины, всегда готовый к решающему и беспощадному нападению. Я даю вам имя этого могучего создания. Вы есть клан Волка!

*Бар «Нью-Нойбл-Даунс», Катюша-сити
Новая Терра, Страна Мечты
Скопление Керенского
15 апреля 2811 года*

Андрей вошел в дверь и застыл, словно пораженный громом.

Годы обрушились на него потоком запахов и звуков, из подсознания поднимались сотни воспоминаний, вызванных непередаваемыми ароматами свежее испеченного хлеба, курящегося паром супа, жареного мяса и дюжин сортов отличного пива, смешанных с живой беседой, вездесущим звоном посуды и, конечно же, щёлканьем бильярдных шаров.

– Андрей, – приветствовал его маленький, лысеющий официант и двинулся сквозь толпу, словно рыба сквозь водную толщу. Андрей кивнул в ответ, чувствуя себя куда более уютно, чем когда-либо в том, оставленном на Эдеме, баре.

Он стал продвигаться вглубь зала. Запахи и атмосфера бара были настолько привычны, что он невольно задавался вопросом – а кухонный персонал остался тем же, что и двадцать лет назад на Эдеме? Впрочем, планировка отличалась в достаточной степени, чтобы дать ему верное представление об изменениях. *Нет, вряд ли. Сюда добрались лишь немногие. Может быть, один из поваров, который смог вспомнить рецепты. Владелец, который хорошо помнит, что получалось тогда и что нет. Это единственное объяснение тому, что здешняя еда настолько похожа на ту, что я помню.*

На мгновение его охватила меланхолия – как всегда, когда ему приходилось задумываться о людях, погибших в ужасах миров Пентагона, однако он опять мягко отодвинул эти воспоминания туда, где им было место – в глубину своей памяти.

– Андрей, сыграем? – позвала Карла, красавица с томным взглядом и роскошным телом.

Он прошел мимо, лишь помахав ей в ответ рукой.

– Не сегодня, Карла. У меня нет денег для тебя.

– Кое-что для меня у тебя есть всегда, Андрей, – она громко расхохоталась, взмахнула в ответ и повернулась к бильярду, по которому в данный момент гоняла шары в полном одиночестве.

– Ну и акула, – заявил голос слева от Андрея, заставив его дернуться. Он повернулся и увидел Раймонда Сайнце, выходившего из туалета.

– Господи, Рэй, ты меня чуть до инфаркта не довел.

Драконовское наследие Раймонда на секунду всплыло на поверхность, когда он в качестве извинения легко поклонился, однако он тут же совершенно не по-драконовски расплылся в широкой улыбке:

– И все равно, она – акула.

Андрей вновь взглянул на Карлу и последовал за Раймондом к дальней стене, где располагался их постоянный столик.

– Да, Рэй, она такая. Но неважно, кто она – как минимум, она не обращается со мной, как с Керенским, – последнюю фразу он произнес, несколько понизив голос и нервно одергивая комбинезон.

Раймонд непривычным сочувственным жестом положил ему руку на плечо.

– Я знаю, Андрей. Я знаю.

– Андрей, Рэй. Я уж думал, вы вообще не придете, – пророкотал примерно с метровой дистанции Уиндхэм.

– Нельзя ли потише, – спросил Стивен, сидевший на другом конце стола.

– Конечно, нет. Он должен рычать, чтобы его можно было услышать из-под медведя, который уселся на его лицо, – ответил Карсон и все дружно засмеялись.

Андрей протиснулся к своему месту, чувствуя, как его душу охватывает паутина воспоминаний, когда он бросил взгляд на униформы своих товарищей – на самом деле, это были однотонные комбинезоны, к которым он после стольких лет так и не смог привыкнуть. Темно-голубой у Стивена, оранжевый – у Рэя, светло-фиолетовый – у Уиндхэма, черно-желтый – у Карсона... эта радуга подходила к цветовой калейдоскопу бара и на этом фоне белый цвет Андреева комбинезона не заметил бы лишь слепой.

Даже в одном из последних мест на Стране Мечты, где ты пока что позволяешь воинам встречаться друг с другом без проблем, ты позаботился о том, чтобы я выглядел белой вороной, а, Никки? Вообще-то, это был вопрос, но в голове Андрея он прозвучал, как утверждение, словно он точно знал, чего добивается его брат.

Все внезапно замолчали, словно кто-то за столом отключил звук: сначала Раймонд, потом остальные тихо подняли свои кружки, опустив головы в память о первом погибшем из их компании. Наконец, когда молчание затянулось и они стали исподтишка оглядывать друг друга, Андрей прокашлялся – ему срочно понадобился глоток, чтобы увлажнить пересохшее горло.

– Джейсон Торринсон. Пусть ты и провалил последнее испытание – ты останешься в нашей памяти до тех пор, пока хоть один из нас жив, – все, кто сидел за столом, на разные лады стали выражать свои эмоции. Андрей подавил свои, осознавая, что это приведет лишь к ощущению неизбывной горечи и сожаления о запоздавшем бунте и бессмысленной гибели Джейсона от рук самозванной милиции повстанцев.

– Подозреваю, с последним дыханием он отмочил какую-нибудь хохму. Феноменальный тип, – заявил Карсон, – на мгновение все смешались и больше всех – Андрей, потом улыбки и смех прогнали пустоту и холод смерти. Добрые воспоминания. Воспоминания о том, кто испил жизнь до дна. Сам Джейсон всегда умел уничтожать подобные грустные моменты.

– Что будете заказывать? – прервал их разговор голос.

Андрей поднял глаза и посмотрел на официантку средних лет с несколько полноватой фигурой и настолько туго заплетенными сзади волосами, что от этого напряглась кожа её лица.

Заказ не занял много времени: хор голосов ответил «как обычно». И, как всегда, Андрей постарался избежать взгляда её аквамариновых глаз – *почему у всех женицин, которых я встречаю, обязательно зеленые глаза?* – полностью сконцентрировавшись на беседе, которую вели Раймонд и Уиндхэм.

– Не верю, – заявил Уиндхэм.

– Почему? – спросил Раймонд.

– Потому что бунт был отдельным происшествием. Каким бы он ни был ужасным – прошло уже почти два месяца и никаких подобных волнений больше не было.

– Уиндхэм, мы все участвовали в событиях на Эдеме. Мы знаем нашу историю вплоть до Внутренней Сферы и даже дальше – до культур и наций старой Земли. Будет хуже.

Все еще стараясь избежать этих глаз, преследовавших его все эти годы, Андрей вмешался в спор, не до конца понимая, что хочет сказать.

– Прежде, чем станет лучше.

– Что? – Раймонд повернулся к нему.

– Будет хуже, прежде чем станет лучше.

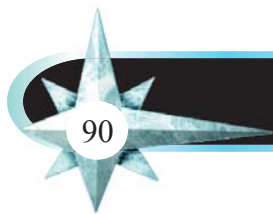
Раймонд уставился на него и, казалось, не знал, что ответить.

Андрей кивнул. *Я понимаю. Как бы грустно это ни было – я тебя понимаю.*

– Но бунт-то произошел из-за права на землю. Это слишком задевало их. После того, как им пришлось смотреть, как весь их город просто сравнивали с землей, чтобы освободить место для нашей новой столицы кланов. Почти все остальное они терпели. Почему с этим получилось иначе?

– Это совсем другое дело.

– Почему? – спросил Андрей. Краем глаза он заметил, что официантка, наконец, ушла, в то время как Карсон и Стивен затеяли собственный спор.

– Потому что Николай давит.

– Николай давит всегда.

– Не так. Расширение программы опеки. И ты же знаешь слухи о том, что произойдет дальше.

Раймонд понизил голос и отпил глоток воды.

– Господи, только не это опять, – замахал руками Уиндхэм. – Даже Николай не сможет уничтожить семью. Зачем ему это?

Раймонд пожал плечами, словно хотел сказать: «Откуда мне знать, чего желает великий Николай?», что заставило Уиндхэма скорчить сочувственную мину.

Андрей также ухватился за свой стакан, скрывая нервозность. Вернувшаяся официантка водрузила на стол деревянный поднос с горячим черным хлебом. Аромат свежей выпечки заставил всех сглотнуть слюну.

Все остальные уже вовсю отрезали себе толстые куски, а Андрей бездумно водил пальцами по деревянной крышке стола – его душа вернулась назад во времени, к замаскированному бункеру, дымчатому ягуару, триумфальному выражению лица его брата и его пророчествам.

– Говори, что хочешь, Уиндхэм. Эти слухи появились не на пустом месте, – заявил Раймонд, прожевав кусок и прополоскав рот.

– Конечно, не на пустом. Их придумали те, кому нечего делать, – выпалил в ответ Уиндхэм, выплюнув целый залп крошек – он отвечал с набитым ртом. – Казалось бы, для подобных идиотизмов у них нет времени, но это скоро изменится, бьюсь об заклад.

– Ну, так, господа мои, хватит на эту тему, ладно? – прервал Карсон.

– Карсон, – парировал Уиндхэм с влажным блеском в глазах, – ты забыл, что ты больше не можешь нами командовать – неважно, сколько времени прошло. Ты теперь просто воин клана, как и все мы.

Карсон нахмурился, но сквозь бороду Уиндхэма пробилась широкая улыбка и оба расхохотались. За ними засмеялись все остальные.

– А я уж думал, я уже отвык командовать.

– Да уж – ничто иное, как только банда клановцев, – голос Стивена звучал так, словно это название все еще было чуждо ему.

Кроме меня. Андрей опустил голову. Как всегда – кроме меня. Ты позволил им всем вступить в кланы, но мне ты отказал в этом праве. Почему меня должно интересовать то, что ты и Джен тоже не принадлежите ни к какому клану? Хочешь стоять над всеми? Пожалуйста! Это, может, и хорошо для основателя и его жены, но не для его младшего брата. Я опять остался ни с чем.

– Понадобится некоторое время, пока мы окончательно привыкнем – и неважно, что прошли уже годы, – подытожил Раймонд.

Андрей поднял глаза и наткнулся на понимающий взгляд – дружелюбный и протягивающий руку помощи. Он безмолвно оглядел стол и увидел своих добрых друзей, готовых поддержать его в радости и в горе – прежде всего, в горе. Его настроение поднялось.

– Да, – заявил он в конце концов, сглотнув ком в горле. Его друзья вокруг стола кивнули ему.

*Катюша-сити, Новая Терра
Страна Мечты
Скопление Керенского
2 ноября 2814 года*

Стул, на котором сидел Андрей, больше походил на пыточный инструмент, чем на сиденье.
– Воин Керенский, – обратилась к нему генеральная градоправительница Карлотта.

– Воин Андрей, – поправил он. *Вот уже целый год никто не применяет скрытно поддерживаемую Никки отмену фамилий к Керенским, но я – такой же, как и все.* Конечно, он понимал, что это всего лишь иллюзия. Он был пленником своего имени.

Женщина медленно мигнула.

Несмотря на тихий голос, Карлотта напоминала Андрею заснеженный горный пик: резкие черты, внезапные обрывы и ледяной взгляд, который без труда смог бы потягаться со взглядом Николая.

– Конечно. Воин Андрей. Спасибо, что пришли на эту встречу.

– Конечно, генеральная градоправительница, – ответил он и кивнул сидящим перед ним шестерым людям, испытывая радость от того, что ему удалось выговорить непривычный титул, не запнувшись. Тем не менее, вся сцена больше напоминала ему судебное заседание, нежели собрание гражданских должностных лиц, – Но, говоря откровенно, я задаюсь вопросом – почему вы не попросили поприсутствовать Николая. Если у вас есть какие-то жалобы, вы должны адресовать их Николаю. *Мы же не хотим слишком долго бродить вокруг да около, а?*

Андрей был уверен, что его собеседнице хотелось обернуться к пяти остальным присутствующим, несмотря на то, что она ни на секунду не оторвала от него взгляд. Вместо этого она немного запнулась, отвечая:

– Я решила... мы решили, что в нашем случае нам будет лучше обратиться к вам.

Андрей готов был поклясться, что из его стула, стоящего посреди голой комнаты (за исключением разве что дешевенькой репродукции «Подсолнухов» на стене слева), вдруг выросли шипы. Слабый солнечный свет едва пробивался сквозь слой грязи, покрывавшем единственное окно и падал на пустые, сдвинутые перед ним столы, деревянный пол был усеян пятнами. Типичный спертый воздух указывал на то, что помещение давно не использовалось.

– Она хочет этим сказать, – пояснил другой голос и Андрей повернул голову влево, к господину с едва начинающей расти лысиной и нервным тиком в левом, матово-карем глазу, чья кожа свисала так, словно он внезапно резко похудел, – что вы уже оказали нам, гражд... нашей общине большие услуги, – человек дернул плечами, однако под грязным, мятым пиджаком это движение оказалось почти незаметным.

Ты хотел сказать – гражданским. Не-воинам. Но от этого названия ты предпочел откреститься.

– А ты кто такой? – парировал Андрей и попытался вжиться в роль собеседника этих чинуш – роль, которую, невзирая ни на какие протесты, навязал ему его брат.

– Торговый фактор Доусон, – человек пытался излучать достоинство, однако ему это плохо удавалось. *Под взглядом Никки ты бы уже концы отдал со страху, правда? Вы поэтому попросили о встрече меня? И ЭТО – руководители гражданского сектора Катюши?* Его отвращение усиливалось с каждой секундой. *Я знал, что дела обстоят паршиво, но чтоб такое?*

Он вспомнил слова Сары. Даже под все нарастающим давлением он не забывал её постоянных нареканий на проблемы с «руководством гражданских служб»... К тому же, все эти бес-

численные разговоры с Уиндхэмом и другими... Как бы там ни было – ему удавалось скрыть реальность под плащом иных обязанностей – он работал день и ночь. Но теперь, сидя на жестком, как базальтовая плита, стуле, от которого его спина уже начала болеть, он вынужден был, невзирая на все усилия, взглянуть правде в глаза.

– Извините, воин Андрей. Я должна была сразу представить вам всех, – заявила Карлотта без малейшего намека на сожаление в голосе. Она указала направо:

– Это – мастер-тех Джефферсон, – призрачно-бледный мужчина кивнул. Его челюсть напоминала белый полумесяц в густой, спутанной бороде.

– Старший рабочий Джастин, – невзирая на свой титул, этот человек был крупнее всех остальных в комнате и кислое выражение совершенно не подходило его индюшачьему лицу.

– Старший тех Жюльет, – хрупкая женщина также кивнула ему. На фоне темной кожи и длинных черных волос подчеркнуто выделялись голубые глаза.

– И, наконец, мастер-наставник Пол, – высокий лоб и ширококостные руки, однако при этом – первая искренняя улыбка и самый честный взгляд из всей компании.

Андрей кивнул каждому из них, про себя подметив весьма красноречивое отсутствие ученых. *Их ты взял под свое крылышко, не правда ли, Никки? О них ты заботишься лично и создаешь им самые комфортные условия, предлагаешь все возможности Катюши – в то время как все остальные гражданские остаются там, где ты им прикажешь.* Его мысли крутились вокруг вопроса: почему его брат так возится с учеными? Живые воспоминания о кошмарной хищной кошке из джунглей заставили его испуганно сглотнуть и убедили в том, что было бы лучше сконцентрироваться на текущих проблемах.

Короткий взгляд на собравшихся гражданских лидеров – и в голову Андрея закралась совершенно противоположная мысль: *Вообще-то, вы в этом сами виноваты. Это было вашим решением – встретиться со мной здесь, в этих руинах за чертой Катюши. Словно вы хотите этим что-то такое выразить – только вот что?* Из-за прозрачности этого маневра он едва не расхохотался.

– Теперь, когда мы покончили с представлениями – может, перейдем к делу? – спросил Джастин.

– Джастин, пожалуйста, – ответил Пол, – у тебя нет причины быть невежливым. Мы все знаем, как много воин Андрей сделал для общины. И он пришел сюда по первой нашей просьбе. Мы должны дать ему возможность спокойно выслушать наши проблемы и не затевать с ним склоку еще до того, как мы вообще смогли хоть что-то сказать, – эти слова совершенно не подходили к окружающему и, что касается Пола, Андрей откорректировал свое первое впечатление.

Джастин презрительно поджал мясистые губы, однако, к радости Андрея, отказался от ответа.

– Мы позвали вас сюда, чтобы выразить нашу озабоченность некоторыми... последними... директивами Николая.

На этот раз, несмотря на серьезность ситуации, Андрей не смог скрыть улыбку. *Тебе пришлось сильно потрудиться, чтобы не ляпнуть слово «приказы», а? А еще лучше – декреты. Королевские?*

Выражение, застывшее в её глазах, подтвердило Андрею, что своими предположениями он попал в яблочко.

– О'кэй, – он беспечно оглядел их. *Если уж вы втиснули меня в это пыточное кресло – вам, как минимум, придется хорошенько потрудиться.*

– Воин Андрей, – взяла слово Жюльет. её голос был светлым и мелодичным, а акцент Андрею не удалось распознать, – Мы далеки от намерения вас допрашивать. Но мы обеспокоены. Люди приходят к нам со своими страхами. И мы считаем своим долгом обратиться с этим к вам.

– А почему вы не подождали с этим делом до следующего Совета кланов? Для подобных вещей там самое место.

Она бросила на Карлотту испуганный взгляд, после чего расправила плечи, словно приняла решение, и ответила:

– Потому что там мы чувствуем себя запуганными и подчиненными.

– Жюльет! – вскочил бледный Джефферсон и страх в его голосе отразился от стен маленькой пустой комнатенки.

– Что? – упрямо парировала она, – У него есть право услышать правду. Без прикрас. Если мы хотим, чтобы он был честен с нами – мы должны быть честными с ним.

В его глазах Жюльет поднялась вверх на две ступеньки. Его взгляд скользнул по остальным и он спросил себя, не придется ли ему пересматривать все первые впечатления. Джастин жевал свою нижнюю губу и выглядел, словно огромный, упрямый ребенок. *Нет, не все.*

– И я это ценю, – заявил он прежде, чем Джастин успел снова вмешаться. – Я могу понять, что новые Залы воинов и кланы вас пугают, – он тщательно выбирал слова, – своими усилиями доказать, что ответственность, которую вы передали воинам – в надежных руках.

– Мы благодарны, что вы понимаете нашу... точку зрения, – заявила Карлотта.

Он уважительно кивнул.

– И?

– Речь идет не об одном-единственном пункте, воин Керенский.

– Воин Андрей, – прервал он её вежливым тоном.

Она снова медленно мигнула и, казалось, была выведена из равновесия. Тем не менее, четко, словно лазерный прицел, она вернулась к своей теме.

– Речь идет не об одном пункте, воин Андрей. Мы имеем в виду целый ряд директив, изданных одна за другой за столь короткое время, что мы попросту не успеваем перевести дух. У нас появилось чувство... мы все ощущаем... что мы теряем самих себя.

Он кивнул, однако ничего не сказал. *Давайте-давайте, работайте.*

– Воин Андрей, – взял слово Пол и перегнулся через стол, словно умоляя о понимании, – Объявления вашего брата сыплются, как из ведра. Как уже сказала генеральная градоначальница, речь не идет о какой-то отдельной директиве. Но эта усиливающаяся нагрузка просто изматывает. Только за последние шесть месяцев в жизнь были проведены основополагающие изменения в работе и связях гражданского сектора с кланами. Новые зоны ответственности. Новое трудовое право. Даже программа развлечений, которую он ввел за последний год, несет на себе печать... организованного уничтожения института брака.

Давайте уже, наконец, переходите к сути. Речь идет о вчерашнем объявлении. Так что так и скажите. Он сам удивился, как быстро потерял терпение, хотя и мог себе представить, что им пришлось выдержать.

– Мы все, – подчеркнул Пол и сделал широкий жест, охватывая остальных присутствующих, – понимаем и принимаем видение Николая.

Краем глаза Андрей заметил, как нахмурился Джастин. *Ой, почему-то вот не верится мне...* Но он ничего не сказал.

– Однако мы хотели бы попросить вашего брата... может быть... он мог бы действовать... помедленнее.

– Помедленнее? – спросил Андрей, – Помедленнее? С тех пор, как Николай основал кланы, прошло почти семь лет. Насколько еще медленнее это должно происходить?

Пол неуверенно заерзал на стуле.

– Ну хорошо, может быть, Николай не смог продвигаться так быстро, как хотел.

Андрей хмыкнул и Пол кивнул.

– Но, воин Андрей, вы должны также понять и гражданский сектор. Армия – дело другое. Вы привыкли исполнять приказы...

– Какими бы они ни были... странными, – прервала Карлотта.

– Именно, – кивнул Пол.

– Я понимаю, – сказал Андрей. *Ну, давайте уже. Вперед. Изложите подлинную проблему.*

– Но гражданские, – продолжил Пол, – не... – он прокашлялся и, казалось, чувствовал себя

совсем неудобно. И все-таки, он заговорил опять: – У них нет подобной выучки. Поэтому им кажется, что эти изменения их попросту захлестывают. Одно за другим. Им пришлось покинуть свои дома, привыкнуть к новым связям, к новому, странному порядку подчинения Си... войскам. Новые звания... и программа опеки... а теперь... – он замолк.

Андрей мог невооруженным глазом видеть, как Пол покрывался потом. Неожиданный поиск нужных слов и дурацкая оговорка, едва не заставившая его назвать кланы Силами Обороны Звёздной Лиги – потенциально тяжкая ошибка – все это были гораздо более явные признаки волнения, чем простые слова.

– Что теперь? – спросил он в конце концов. Несмотря на быстро исчезающие остатки терпения – может быть, он просто провел слишком много времени в обществе Джен с её абсолютным отсутствием всяческого сочувствия к гражданским – он почувствовал, что должен помочь учителю сформулировать его неясные страхи.

– Теперь это заявление, что все дети должны быть переведены в приемные семьи.

Ну, наконец-то.

– Эта программа существует с самого Исхода.

– Это так, – признала Карлотта, – но это нечто иное.

– Почему? За последние годы программа опеки была существенно расширена. Могу предположить, что сейчас нет больше ни единой семьи, из которой в ней не принимал бы участия в ней хоть один ребенок.

Она кивнула.

– Это правда. Но до сих пор это не было обязанностью. И даже если структура нашего вновь возникшего общества почти что предусматривает, что наши дети попадают в другие семьи – если они должны найти в них свое постоянное место, это подразумевает весьма сложную проблему. Кое-что, чего другие не видят, работая над воплощением этого... видения. Но сейчас стала оказалась более не прикрыта бархатом. Вчерашняя директива... она...

– Николай уничтожает семью, – громко прервал Джастин, злым и одновременно испуганным голосом, словно пытался заглушить свой собственный страх, – Он делает это специально, чтобы разрушить гражданскую жизнь и перекроить её по своим представлениям.

– Джастин! – отчаянно выкрикнул Джефферсон.

– Что? Жюльет же сказала – мы должны говорить с ним открыто. Или я ослышался? – Он вызывающе встретил их осуждающие взгляды, – Вот я и говорю открыто. Мы все так думаем, но я единственный, кто это говорит вслух.

Он снова обернулся к Андрею – взгляд его бегал туда-сюда, словно ему не хватало смелости заговорить дальше. *Ничего удивительного, что вы не хотите выступить перед Советом кланов. Их совокупные ярость и презрение были бы твоим смертным приговором, Джастин... а для всех остальных – крахом. И чем же это я заслужил такое народное доверие, что не возьму да и не прогоню вас всех, скопом, с ваших постов?*

– Николай пытается уничтожить наши семьи... и... и... мы этого не позволим.

Мертвая тишина оказалась громче любых криков – Андрей пытался выкарабкаться из потока мыслей о доверии и о своей роли в глазах гражданских обратно в реальный мир, не будучи уверенным, в самом ли деле услышал то, что услышал. Он склонил голову набок и неосознанно склонился вперед, подсознательно копируя своего брата.

– Что ты сказал? – не теряя из поля зрения Джастина, он краем глаза наблюдал за шокированными и полными отвращения лицами остальных. Однако более беспокоило его то, что в глазах некоторых он видел, что за словами Джастина скрывалась правда.

Джастин побледнел, услышав этот спокойный вопрос. Его челюсть отвисла, как у коровы, задумавшейся о том, какой клочок травы ухватить следующим, а щеки тряслись в такт сердцу, колотящемуся так громко, что Андрей едва ли не слышал этот стук.

– Я сказал, я сказал – мы не можем просто тут сидеть и позволять это делать.

– Я понимаю, – он в самом деле понял и от этого его затошнило. Его голова переполнилась воспоминаниями, так что он не мог вздохнуть. Огромная толпа в трюме «Принца Евгения»

сдавливала его со всех сторон и готовила бунт. Николай и Джес Коул добились, что он подстегнул события, чтобы удержать восстание под контролем. Шипы в стуле превратились в стальные острия, вонзившиеся в его тело с ужасающей болью.

Только не опять. Только не еще раз. Только не это. Я – искра. Ты поэтому позволил нарастать давлению, Никки? Потому что ты знал – воплощение твоего видения не может пройти без проблем. Кто-то взбунтуется. Если ты дашь им такую возможность – вожаки поднимут восстание и тогда ты сможешь отсечь у змеи голову и выпустить восстанию пар? То что на этот раз он, в отличие от прошлого, настолько точно понял, что им манипулируют, не сделало боль легче.

Он почувствовал, как к горлу подкатывается желчь и вынужден был склониться вперед, подавившись. Дыхание его вдруг затруднилось. Вонь от пота, который в страхе источал не Джастин, не кто-то еще, а он сам, проникла в его ноздри, пытающиеся уловить хоть толику свежего воздуха. С дикой решимостью он вскочил на ноги и гражданские лидеры в ужасе подались назад.

– Не делайте этого!

– Что? – спросила Карлотта, заставляя себя выглядеть спокойной и непричастной.

Он забегал перед ними взад-вперед.

– Не делайте этого. Не провоцируйте конфронтацию. Я знаю, это тяжело. Может, вы считаете, для воинов это было легко – это ошибка. Это было дико тяжело, для нас всех. Но разве не было тяжело высадиться на мирах Пентагона? Разве вот это все не было тоже тяжелым? И мы, тем не менее, выдержали. И что нам это дало? На пару лет мы обрели наш рай. И теперь может произойти то же самое.

Он оглядывался, искал их взгляды, умолял. Остановился почти потерянно.

– Пожалуйста, не идите по этому пути дальше.

Он увидел глаза, обращенные в себя и понял, что хотя бы одного умеренного, выдержанного человека, похоже, смог убедить. Но, несмотря на страх, в глазах Джастина горели искры, как у человека, увидевшего свой шанс достичь власти и не желающего его упустить.

Это все, чего ты хочешь, не так ли, Джастин? Власти... Он был Андрею отвратителен.

– Тогда попытайтесь убедить вашего брата, чтобы он сбавил обороты. Это его решение, что все дети с пяти лет должны переходить к опекунам. С пяти лет! – голос Джастина стал громче, когда Андрей не прервал его и все остальные также промолчали.

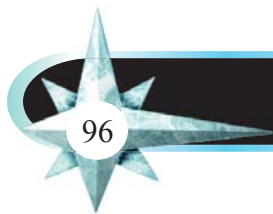
– Я поговорю с Николаем, – пообещал он, наверняка зная, что его слова не возымеют ни малейшего действия. И все же, он надеялся, что бунта не будет – несмотря на то, что осознавал нечто совершенно иное. Только не это. Только не это, пока он жив. Пока он торчит посреди всего этого и проводит долгие бессонные ночи, исхлестанный взглядами мертвых глаз.

– Только прошу вас – не делайте ничего необдуманного.

– Конечно, нет, – ответил Джастин.

Андрею едва удалось не передернуться. Если бы этот ответ он услышал от кого-нибудь другого – в особенности, от Карлотты – может быть, он бы и поверил. Но не от Джастина. *Вот так. Все сначала.*

Он поспешно покинул помещение, молясь в душе. Едва он успел выбраться наружу, как его вырвало.

*Катюша-сити, Новая Терра
Страна Мечты
Скопление Керенского
27 декабря 2814 года*

Потоки красок бурлили и танцевали, так что Андрею казалось, что он смотрит в калейдоскоп. Парад двигался мерным шагом по главному бульвару военного квартала Катюша-сити, направляясь к центральной площади. Каким-то образом холод и густо падающий снег казались вполне вписывающимися в обстановку. *Как будто весь мир скорбит с нами вместе.*

Андрей поднял руку ко рту, скрывая зевок. Меховая оторочка перчатки защекотала его ноздри и он чихнул. Хотя он закрылся обеими руками, звук разнесся по трибуне, на которой он стоял вместе со своим братом и его женой, принимая парад – Николай на полшага впереди и справа, Джен – еще правее, на том же уровне, что и Андрей. Она бросила на него презрительный взгляд и снова повернулась к разворачивающемуся перед трибуной спектаклю.

Лишь с большим трудом он смог подавить свое смущение, сконцентрировавшись на марширующих воинах и толпе гражданских, собравшейся по обеим сторонам бульвара, сжатая, словно сардины в банке.

Словно оживший лоскутный ковер, воины ровными линиями печатали шаг по широкой улице от центра военного квартала к центру города и эхо от грохота сапог по брусчатке бежало впереди. Только что мимо трибуны Николая прошел клан Облачной Кобры, предводительствуемый Уиндхэмом, который в виде исключения ни разу не улыбнулся. Небесно-голубые комбинезоны казались стеной сконцентрированной энергии. *Вода. Словно безудержная волна, катящаяся мимо неподвижных гражданских. Природная сила.*

Они маршировали мимо, сопровождаемые небольшой процессией гражданских в одеждах того же цвета: добровольцы из числа гражданского населения, примкнувшие к клану Облачной Кобры. Андрей не мог поверить, что это будет так просто, но Николай лишь посмеивался над его сомнениями, когда два года назад он издал соответствующий указ – и теперь у каждого клана были верные гражданские последователи: рабочие, техи – кто угодно. Следующими показались почти вычурно сияющие зеленые униформы Гигантских Скорпионов, возглавляемых Сайрусом Эламом. Они также промаршировали мимо в идеальном строю. *Это почти... внушает страх. Да, это правильное обозначение.*

Взгляд Андрея затуманился. Он попытался сконцентрироваться на спектакле, который Николай организовал для народа, но он слишком устал. За последние недели он провел слишком много часов в попытке отразить грозящую беду. Почти каждую ночь он вскакивал с кровати, потому что отчаяние грызло его так, что он хватал ртом воздух, стараясь не упасть в обморок... и все равно... ничего. Неделя проходила за неделей, а он не мог отыскать ни малейших следов сопротивления, выходящего за пределы пары выражений недовольства.

Несмотря на усталость, тяжким жерновом повисшей у него на шее, он снова сосредоточился на параде, когда у трибуны показалась Элизабет Хазен и её Нефритовые Соколы. Он поискал глазами своего бывшего ученика Сэмюэла Хельмера и нашел его прямо за спиной Элизабет, с высоко поднятой головой и колючим взглядом, похожим на взгляд его кланового тотема. *Ты многого добился, Сэмюэл.* Несмотря на антипатию, которую он до сих пор испытывал к Сэмюэлу, доставившему ему немало неприятностей в прошлом, Андрей кивнул. *Молодец.*

В его затуманенной усталостью, то и дело выпадающей из реальности голове возникла новая мысль. А куда подевались мехи? Машины? Он знал, что весь этот спектакль был ничем

иным, как демонстрацией силы кланов, даже если он официально был приурочен к годовщине со дня убийства Первого Лорда Ричарда Камерона в 2766 году. Лишний повод напугать гражданских, подготавливая очередные цепи, которые предстояло наложить на них. Разве было для этого лучшее средства, чем парад мехов и боевых машин? *Ничто не впечатляет так, как грохот сотен тонн стали и миомеров прямо перед глазами – любой гражданский перепугается до полусмерти и с ним можно будет делать, что угодно.*

Темно-желтые униформы клана Звёздного Ужа промаршировали мимо трибуны вслед за своим ханом Абсаломом Трэскоттом, за ними – желто-черные Мангусты. Андрей на секунду стал задумчив, увидев между воинами Карсона... хотя нет, теперь его зовут Джеймс. Он знал, что Николай добивается создания идеально действующего общества, но годы, которые Трэскотт потратил на то, чтобы не дать другу Андрея командовать своим дивизионом... Он невольно задался вопросом – а не постарался ли Трэскотт и на этот раз, чтобы Карсон растворился в толпе?

С этими мыслями он перевел взгляд с Мангустов на Дану и её Койотов. Даже с такого расстояния он видел, как её глаза сияют энтузиазмом. Видел, как она искала Николая, когда все сорок воинов одновременно вскинули руки в салюте. На то, чтобы взглянуть на Андрея, она не потратила и доли секунды.

Пошатываясь от истощения, вызванного многосуточным недосыпанием, он едва расслышал несколько тихих, похожих на подавленный кашель звуков, которые донес до него ветер – и увидел краем глаза, как несколько воинов клана Мангуста споткнулись. Он удивленно огляделся вокруг – это было слишком непривычно – и в этот момент Николай опрокинулся на спину, словно кто-то ухватил его сзади за одежду и дернул на себя. В лицо Андрея брызнула кровь. Её тепло было словно искуплением за зимний холод. Его собственная кровь, казалось, пыталась прорвать вены – настолько яростно стучала она во всем теле. Его глаза мигнули, не зная, куда глядеть, не будучи в состоянии проясниться. Усталость и шок соединились, делая невозможной любую попытку сознательных действий.

Сумасшествие. Хаос. Ужас. Истерика.

Но все это, казалось, осталось где-то очень далеко, как будто он стоял рядом с самим собой. Словно он безучастно парил над происходящим и с интересом наблюдал за суетой.

Андрей... Андрей... Андрей... Андрей!

Наконец-то крик проник сквозь его блокаду. Шум и суета взорвались в его сознании, толпа ревела так громко, что он едва мог слышать крик Дженнифер. Металлический запах крови на его лице проник в его ноздри и его замутило. От капель крови на его коже поднимался пар и ему казалось, словно это его душа расстаётся с телом.

Николай.

Может быть, это впечатление и не было таким уж неверным.

Николай. *Николай!*

Кровь покрывала грудь и лицо его брата неким отвратительным красным цветком, будто кто-то швырнул в него ведром с краской. Красный цвет отчетливо выделялся на белой ткани костюма, словно подчеркивая мысль о том, что никто не бессмертен. Даже Николай.

– Андрей!

Голос вырвал его из ступора, пылающие глаза напомнили нечто, но повелительный голос не позволял отвлечься.

– Андрей! – заорала Дженнифер, возвышаясь над толпой панически мечущихся гражданских, – Ты знаешь, кто это сделал?

Он хотел отрицательно покачать головой.

– Ты знаешь это!

– Нет, не знаю!

– Боги! – её голос резал его на части. Каким-то образом она, похоже, осталась единственным дееспособным человеком – вернее, могущественной богиней мести, принявшей человеческий облик.

– HEEEEEEEEEEEEEEEEEEEEEEEEET!

*Военный лазарет, Катюша-сити
Новая Терра, Страна Мечты
Скопление Керенского
18 марта 2815 года*

– Опять манипуляции!

– Естественно, – подтвердил Николай.

Андрей глубоко вдохнул, чтобы успокоиться. Воздух в больничной палате оказался удивительным образом свободен от запахов дезинфекционных средств. Его глаза горели, словно пылающие угли – так мало спал он за последние месяцы. Его руки дрожали и он не особо разглядывал окружающее, зная, что именно увидит. Ему отчаянно хотелось спать, но каждый раз, когда он засыпал, кровавые когти тащили его в ад. Ему казалось, что он тонет и все, что он видел во сне – это отрезанные головы, кровь и плавающий в луже крови, исколотый труп Джастина, которого убили другие гражданские лидеры, оставив его для ищек Андрея. И тогда он с криком просыпался, исполненный ненависти к самому себе.

Труп Джастина... оставленный в качестве мирного предложения... Андрей подавил в себе хихиканье, которое вызвала эта мысль.

Но это уже кончилось... Он знал, что мысль еще не додумана до конца. Однако то, что навигалось на него, наполняло его страхом. *Прежде всего...*

Он оглядел палату, в поисках возможности успокоиться. Оставляя в стороне гудение пары приборов, встроенных в стены, на чье предназначение ему было наплевать, помещение, скорее, напоминало жилую комнату или личный кабинет. Казалось, в любую секунду войдет хозяин в халате, с бокалом вина в одной руке, трубкой в другой и книгой подмышкой, чтобы вытянуть ноги у камина и позволить себе ненадолго расслабиться. *И именно это ты получил – мгновение спокойствия. Немного времени, чтобы расслабиться. Пока я там, снаружи, в крови плавал!*

Он спрятал руки. Ему хотелось наорать на брата, но он сдержался. Удержал свой голос под контролем. Пока не сообразил, что воины, стоящие на часах в коридоре, скорее всего, были одними из тех, кто непосредственно помогал Николаю во всей этой истории. Так что сдерживаться не было причин.

– Ты должен называться принцем, Николай. Я уверен – Макиавелли гордился бы таким способным учеником.

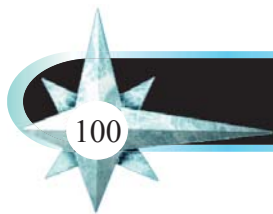
Глаза его брата сузились и температура в комнате резко понизилась, но он не поддался на замечание Андрея.

– Почему? – спросил Андрей, которому казалось, что он – эдакий дрессированный пудель, отлично изучивший кольца, через которые должен прыгать, но делающий это из чистой привычки, хотя и плетъ, и лакомства стали для него уже далеким прошлым.

– Я что, в самом деле должен тебе это разжевать? Если да – значит, я сильно переоценил тебя, братец.

– Да, тебе бы это очень понравилось, правда?

– Андрей, пожалуйста. Это ты тут пытаешься прыгать в мешке, не я. Кроме того, нами всеми манипулируют. С момента нашего рождения до момента нашей смерти всегда есть кто-нибудь, кто нами манипулирует. Даже если он уверен, что это делается лишь для нашей пользы – все равно это манипуляция. Школа. Правила поведения. Привычки. Все это не врожденное, не зафиксированное на генетическом уровне. Это приобретается. Ничего, кроме кондиционирования и манипуляции, названной безобидными словами «воспитание» и «образование». Слова,

которые являются ничем иным, как ширмой.

– Брось.

– Что бросить? – Николай завозился в своем удобном кресле.

Кровать, которую можно было ожидать увидеть в комнате вроде этой, отсутствовала – так же, как и бинты, которые Николай, предположительно тяжело раненный в грудь, должен был бы носить до сих пор.

– Прекрати обезьянничать с Даны.

Николай улыбнулся.

– Ты что, только сейчас заметил?

– Я заметил это уже давно. Просто не до того было.

– Конечно.

Андрей сделал глубокий вдох и выдох и заставил себя успокоиться. Такое удавалось только Николаю – согласиться с собеседником и одновременно отбросить его слова в сторону.

– А что, если бы стрелок сработал чуть получше? Ладно, ты напаял на себя под одеждой самый лучший бронежилет, какой мы только умеем производить, но что, если бы он целился тебе между глаз?

Эта мысль все еще злила его. Сильнее даже, чем мысль о том, что Николай снова манипулировал его поступками – к этому он уже привык – но думать о том, на какой риск пошел его брат...

Если бы он погиб – его смерть означала бы конец для них для всех.

Вот почему на параде не было ни одного меха, ни одного танка. Они бы отпугнули террориста. Он должен был быть уверен, что противники его политики проглотят наживку. А наживкой был он сам.

– Бывают моменты, когда приходится попросту надеяться на лучшее. Если все, что можно предпринять, зависит от одного-единственного решающего момента, нужно просто достаточно сильно верить в свое дело, чтобы поставить на кон все. В том числе – собственную жизнь.

Андрей схватился за горло и тяжело повернул голову влево и вправо, слыша, как трещат позвонки.

Он так мечтал о кровати и большой пачке снотворного, которое хоть ненадолго введет его в кому. Свободную от воспоминаний о том, что он сделал, и от крови на его руках. Он в самом деле боялся, что какие бы то ни было воспоминания о Суркаи освободят его от этого презрения к самому себе.

– Почему? – спросил он опять, еле ворочая языком от подавленных чувств.

– Манера говорить так же важна, как и одежда, рабочие навыки и социальное общение. Я экспериментирую с возможными образцами речи для моего нового общества... и Дана с таким рвением помогает мне... Мне это кажется... подходящим. Конечно, введение этого новшества в обиход продлится дольше, чем другие программы, но... я не должен ничего оставлять на волю случая.

– Я не об этом!

– Нет? Ты разве не интересовался моей манерой разговаривать?

Андрей забежал по комнате, резко огибая своего брата, чтобы не натолкнуться на него.

– Почему?

Он выстрелил вопросом, словно шрапнелью – резко, так, что проигнорировать его было невозможно. Голос Николая приблизился к его обычной жесткости:

– Ещё раз: я что, в самом деле должен это все по буквам объяснять?

– Нет. Нет, этого ты не должен. Так же, как и при любом бунте, который ты спровоцировал, прежде всего ты хотел предотвратить еще больший бунт. Предупредить события, спустить пар, использовать сопротивление себе на пользу. Каждый раз одно и то же, Николай. Вечная история. Ты направляешь озлобленность через парочку избранных лидеров, позволяешь им взбунтоваться, после чего нападаешь, отрубаешь восстанию голову и все остальные оказываются еще покорнее, чем были когда-либо раньше. Это отлично удавалось и раньше – почему бы и не сейчас? Только... почему... я?

– Ты?

Андрей зарычал и отвернулся, не желая видеть довольную улыбку, в которой, без сомнения, расплылся его брат, и его сияющих глаз. *Тебе почти пятьдесят лет, Андрей – и все равно ты остаешься его младшим братом, которым он манипулирует, которого он использует – как бы ты ни старался.*

Но ведь не только ты один, а, братец? Нет. Как минимум, этому меня годы твоих манипуляций научили, Никки. У тебя всегда припрятан туз в рукаве. Только на этот раз я знаю, какой именно. Он хмыкнул. Не то, чтобы мне это пошло на пользу. Но теперь я хотя бы знаю, что раскусил тебя – неважно, стал я опять прыгать через твое кольцо или нет.

Но для этого можно было найти время и попозже.

Он остановился и прижался лбом к деревянной обивке стены. Втянул носом запах сосны и лака.

– Николай, – за двадцать лет он не говорил ничего, более похожего на мольбу.

Молчание затянулось, пропасть между ними никогда не была шире, чем теперь, несмотря на кровные узы, притягивающие их друг к другу – а может быть, именно из-за них. После всего, что причинил ему его брат, он все еще ощущал эти узы.

Заставишь ли ты меня когда-нибудь навсегда отречься от тебя, Николай? После всего, что ты сделал – придет ли момент, когда я порву с тобой окончательно?

Ответа он не знал и молчание становилось могильным.

– Для меня это был лучший способ стать тем, кем я должен стать, – заявил Николай. Его голос посреди кладбищенской тишины был, словно ледяной ветер, словно дыхание смерти. – И лучшим путем для этого был тот, где инструментом кары стал мой кровный родственник – словно меч, направляемый моей собственной рукой... и всё же, без моего участия. Так это делается.

Андрей хотел повернуться к своему брату, но отказался от этого намерения. Может, позже, когда предательство его брата и кровь, прикипевшая к его рукам в результате этого заговора, не будут приносить такой боли. Он засмеялся, когда понял, что боль утихнет, как она обычно утихает.

И как обычно, он будет делать то, чего желает его брат.

– Андрей.

– Стать тем, кем ты должен стать. Раньше ты в этом никогда не признавался. Я все время это знал. Боялся этого. Но теперь, когда ты это высказал... я почему-то больше не боюсь. Мне только жаль, что наша жизнь должна была стать вот такой вот.

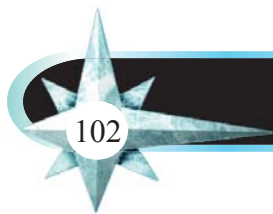
– Какой?

– Лживой. Сплошные боги и сплошная ложь, Николай. *И кровь.*

– Мы делаем то, что должны делать.

– Нет, Николай. *Ты* делаешь то, что, как ты полагаешь, должен делать. По крайней мере, ты так сделал. Я попросту тащусь за тобой следом.

Язык его ощущал пыльную, мертвую горечь.

**Центральная площадь Катюша-сити
Новая Терра, Страна Мечты
Скопление Керенского
9 июня 2815 года**

Николай Керенский вонзил лопату в податливый грунт, набрал землю и отшвырнул её в сторону.

Аплодисменты пятидесяти тысяч зрителей загremели над центральной площадью Катюши. За их спинами сияло в солнечном свете нововозведенное здание администрации, словно зеркальное отражение Залов кланов, построенных воинами.

Ты позаботился обо всем, не правда ли, Никки?

За районными залами станции магнитного монорельса образовывали внешний пятиугольник центрального комплекса. Частично они были введены в действие несколько лет назад, но полностью завершали картину лишь только что построенные ответвления к кварталам рабочих и торговцев.

Все здесь было буквально переполнено мощью, авторитетом и... дальновидностью. *Все такое новое, такое блестящее – чтобы смыть грязь, которая привела нас сюда. Она осталась только в центре, где ты только что выкопал первый ковш. Скажешь ты, наконец, что тут должно появиться?*

Андрей увидел, как Николай вернул лопату старшему рабочему Борину, который оказался куда лучшим сотрудником, чем им был покойный Джастин. Николай двинулся сквозь людской коридор к трибуне, на которой ожидали Андрей и Дженнифер. Её построили у ног статуи их отца, так что отсюда почти все собравшиеся могли видеть Николая даже и без голопроектора, который транслировал его десятиметровым гигантом и передавал изображение на все планеты скопления Керенского.

И, в отличие от твоей последней речи на этой площади, сегодня тебе совершенно не требуются никакие охранники, так ведь, Николай? Что может быть лучше для восходящего на трон Цезаря, чем быть сраженным убийцей и все-таки выжить? Оказавшись в самом центре мифа, созданного толпой, которая и без того вознесла тебя так, что выше некуда, ты теперь можешь называться богом. Но ты же и сам всё знаешь, Никки... Он не мог сказать, что причиняло ему большую боль: то, что он, несмотря ни на что, последовал за Николаем по его пути – несмотря на кровь на своих руках и знание о всех его манипуляциях – или то, что возмущение, которое раньше всегда сопровождало подобные мысли, превратилось теперь в постоянное, тупое давление.

Есть предел силе любого отвращения. Когда-нибудь привыкаешь ко всему.

Николай достиг трибуны и подошел к ораторскому пульту. Он взялся за него обеими руками и его белый костюм засиял в солнечном свете так ярко, что вокруг него образовался своего рода нимб.

– Сегодня – великий день для всех нас. Несколько лет назад я объявил о превращении верных воинов, последовавших за нами, чтобы защитить нас от ужасов миров Пентагона, в новую организацию – кланы. С тех самых пор эти воины неустанно тренировались и стали теперь боевой мощью, какой не знала еще история человечества.

Всё это – ради того, чтобы защитить вас. Вас и видение. Установить новый порядок. Отвратить обратно Мечту, которую другие повергли в грязь и разрушили. Сегодня мы достигли решающего момента в этом превращении. Момента, о котором наши потомки будут вспоминать

в почтительном восхищении. И, что еще важнее – с благодарностью.

Взгляд Андрея скользил по толпе, по группам, состоявшим из сорока воинов каждого клана... нет, не каждого – *Карсон!* – которые были распределены по площади с равными промежутками. Когда-то он подумал бы, что это меры предосторожности – воины были расположены так, что могли в любую секунду атаковать. Но сегодня такой реакции не вызывали даже мехи, возвышающиеся по краям площади. Встань Николай на колени и попроси, чтобы кто-нибудь его пристукнул – этого бы не сделал никто из присутствующих, даже гражданские. Уж скорее, они бы сами себя принесли в жертву.

Настолько он привязал их к своему видению.

К новому обществу, создать которое я помог сам. Но хотим ли мы этого в самом деле? Хочу ли этого я в самом деле? Никки – по-прежнему человек из плоти и крови, никакой не бог. Если он порежется – рана кровоточит. Он – всего лишь человек, пусть и вдохновленный... кем? На этот вопрос у него не нашлось ответа.

– Сегодня, – объявил Николай убедительным тоном, – мы думаем о прошлом и о будущем. Как и в любом большом деле, всегда найдутся упрямые противники. Даже видение нашего великого отца многие ненавидели и их упрямство привело к «Принцу Евгению», к войнам Пентагона – и, в конце концов, на это место, где мы сейчас находимся. Кое-кто не признал пути, которым мы пошли, и в своем заблуждении они пролили кровь тех, кто пожертвовал всем, чтобы их защитить. Чтобы защитить наше молодое общество. Восемьсот воинов основали кланы, но сегодня, когда мы достигли нового этапа их развития, один из них больше не с нами.

Желудок Андрея сжался. Он почувствовал, как желчь подступает к горлу и в глазах закипают слезы, потому что он знал, что последует теперь. Он знал, что это большая честь для его павшего друга... при этом явно видел, как Николай использует его гибель в своих целях.

– Как и в каждом большом деле, есть герои, готовые принести жертвы большие, чем остальные. Готовы отдать свою жизнь. Свою кровь. Ради нашей защиты. Ради цели, к которой стремимся все мы. Но в отличие от прошлых обществ, увенчивающих память своих павших пыльными монументами и забытыми историческими трудами, мы воздвигнем сегодня Джеймсу Карсону живой, дышащий памятник. Живой памятник всем восьми сотням воинов, которые пожертвовали всем, чтобы обеспечить нам золотое будущее.

Сегодня я объявляю о введении восьми сотен Родовых Имен. Фамилий, которые наши потомки будут носить с гордостью. Имя Джеймса Карсона будут вспоминать через сотни, тысячи лет – его имя станет наградой за героизм. Вы, воины – ваши имена будут носить и чтить больше, чем всякие флаги, медали и ордена, выцветающие со временем.

По толпе прошел ропот, когда люди услышали эту прокламацию. Прокламацию, которая всего лишь пару месяцев назад вызвала бы новое сопротивление, потому что она делала гражданских еще более незначительными, еще более подчиненными.

Но не сегодня.

– Воины, братья – без единства мы не достигнем ничего! – гремел Николай. – Вы доказали свое единство. Вы доказали, что мы можем перерасти ошибки тех, кто не в состоянии принять наше видение. Мы едины – глазами и руками, духом и телом. И в этот день, за два дня до годовщины смерти великого генерала, пришло время, когда новый вождь возьмет скипетр в свои руки. Время для нового звания, которое объединит наши силы, потому что момент нашего возвращения близится. Момент, когда мы прервем наше добровольное изгнание и освободим поработанные души тех, кто все еще борется за свою жизнь против деспотов и близоруких военных вождей на мирах Пентагона. Пришло время для меня стать ильханом Николаем Керенским!

Как бы ни был запутан Андрей этими словами, он все же не избежал влияния силы и убеждения в голосе Николая. Он подавил свою боль и сконцентрировался на толпе, увидел фанатичное убеждение на тысячах лиц. Ритмичное скандирование, которое начала одна из групп воинов, распространялось по толпе, набирало силу, вовлекая в себя всех собравшихся, вздымаясь, словно океан голосов, к трибуне и к небу.

– Основатель! Основатель! Основатель!

Андрей никогда не смог узнать наверняка и никогда не заставил себя спросить, но остаток своей жизни он провел в уверенности, что скандирование это начал клан Койота, а еще точнее – его хан Дана Куфалл.

Дана.

Чувства, усталость, боль вскипели в нем и он наконец-то заплакал. Но он знал, что в этот день его ждет еще одно столкновение. Еще одну боль он должен был выдержать.

ЭПИЛОГ

*Центральная площадь Катюша-сити
Новая Терра, Страна Мечты
Скопление Керенского
9 июня 2815 года*

Его собственное ничтожество окутывало его плащом ненависти к себе.

Как это обычно бывало на Стране Мечты, ночь не была слишком уж темной. Северное сияние наполняло небо голубыми, лиловыми и фиолетовыми сполохами, словно потоками вина из божественного кубка, танцующими на космической ткани под барабанный ритм, который выбивали его пальцы, словно были живыми и корчились от смеха, потешаясь над смертными. Даже после стольких лет Андрей не мог отвлечься от этого зрелища, но здесь и сейчас он опустил взгляд на маленькую ямку в земле, которую вырыл Николай своей лопатой. На ямку и её содержимое.

Строишь ли ты, наконец, свой храм, Никки? В своей речи ты не упомянул о нем ни словом, вырыл лишь первую яму и пошел дальше. Но теперь, когда ты сам на себя надел корону и напялил плащ бессмертия, что ты еще можешь возвести, кроме храма собственной божественности? Может, пирамиду? Как фараон. Да-да, это бы чудесно подошло, а, Никки? Король-бог. А кто станет твоим Имхотепом? Каждому великому фараону требуется великий архитектор для его пирамиды.

Конечно же, он уже знал ответ на этот вопрос.

– Андрей.

Станным образом он не отшатнулся при звуке её голоса, хотя не слышал, как она подошла. Даже после стольких лет она все еще сохраняла ловкость.

– Я не был уверен, что ты придешь.

Это была ложь. Он точно знал, что она появится, после того, как написал записку. Что она не упустит возможности еще раз пнуть лежащего.

– Конечно, я пришла. Я прихожу всегда, когда ты нуждаешься во мне.

Услышав это, он не смог подавить тяжелого, лающего смеха. Тем не менее, он ощущал, как в животе у него танцуют огромные мотыльки с острыми крыльями, так что лицо его превратилось в гримасу. *Столько лет... и ты все еще чувствуешь это. И боль не утихла. Идиот.*

– Ах, Андрей, столько лет... – тихо и чувственно прошептал её голос.

Теперь он отшатнулся, подняв глаза, когда услышал, как она выговаривает вслух его мысли.

– Ты теперь еще и телепат?

И все же он тосковал по этому голосу. *Да будь я проклят!* Но это было так.

– Конечно, нет. Всезнание – это для твоего брата. Я – просто солдат.

– Ты никогда не была *просто* солдатом.

– Я так не считаю, Андрей. Может, я стала солдатом раньше остальных, но с самого начала я не была никем иным – солдат, повинующийся приказам своего командира. Не больше, не меньше.

– Не меньше. – он покатал эти слова на языке и решил, что не может представить себе ничего более отвратительного, более лживого. *Была бы ты чем-то меньшим – не было бы так больно.*

– Как долго?

– Как долго?

– Ты знаешь?

Тихий смехок.

– С самой оккупации. Я тебе об этом говорила.

– Я знаю, – он в самом деле знал и это делало ситуацию только хуже. Он просто не сделал правильных выводов.

Он отшвырнул ногой кусок свежевыкопанного дерна. Запах земли в быстро становящимся прохладным воздухе был приятен.

– Значит, с самого начала?

– Примерно.

Он *почувствовал*, как она пожала плечами, между делом отбрасывая его чувства – он ощутил, как в его сердце вонзился лазерный луч, сжигая внутренности, но одновременно выжигая рану. Он закрыл глаза и попытался найти причину, по которой искал ссоры – несмотря на то, что знал, как это будет больно. Может быть, даже именно поэтому. Может, он понял, что должен вскрыть этот нарыв. Очистить его, после стольких лет. Подвести черту.

– Ты любишь его? – он должен был это спросить.

Молчание города опустилось на площадь – не настоящая тишина, а постоянные тихие шумы, издаваемые механизмами, далекими сигналами машин, приглушенными детскими голосами, шелестом пролетающих мимо поездов.

– Это определение не подходит.

– Что?! – Он открыл глаза, все еще не желая взглянуть на нее, склонил голову набок, как будто не расслышал.

– Любовь. Это слишком маленькое словечко, Андрей. Ты был там во время оккупации. Ты пережил этот ужас. Мы были детьми... всего лишь детьми... и нашли друг друга. Может быть, мы должны придумать новое слово для того, что нас соединяет.

Он медленно кивнул. Его собственные чувства, то, что когда-то он делил с Даной, было похоже на то, что она описывала своими словами, своим голосом. Делил... *Сможем ли мы когда-нибудь разделить это опять? Можно ли потерять нечто, столь... огромное?*

– Андрей.

– Что?

– Посмотри на меня.

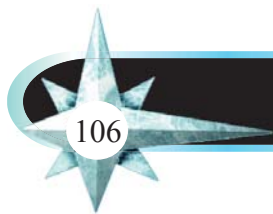
– И на достижения пластической хирургии?

Новая пауза. Опять, сквозь тишину и темноту, он почувствовал её пожатие плечами.

– Я провела в тени всю свою жизнь. Жила ложью и носила маску. Что для меня еще одна тень, еще одна маска и еще одна ложь – одной больше, одной меньше...

– А твой брат?

Она снова засмеялась, на этот раз – с удовлетворением от хорошо проделанной работы.

– Мы же говорили тебе – он никогда не проигрывает.

– Да уж. Было ли это все когда-либо реальностью?

– Конечно. Но в войнах Пентагона погибло столько людей. Столько солдат были убиты или переведены в другие части. Была большая неразбериха.

Он тихо и зло рассмеялся над её наигранной грустью.

– Андрей, посмотри на меня.

Он сдался. Медленно обернулся – несмотря на все благие намерения, с гулко бухающим сердцем, выпрямился, ожидая боли и одновременно надеясь, что сможет, наконец, оставить все позади. Завтра утром встанет солнце и он все еще будет Андреем Керенским и его брат по-прежнему будет прокладывать для него путь, ведущий обратно к мирам Пентагона и к войне.

Большая часть её лица скрывалась в тени, но северное сияние отражалось в её глазах, заставляя их блестеть. *Как я мог этого не заметить? Оно смотрело в мое лицо все это время.*

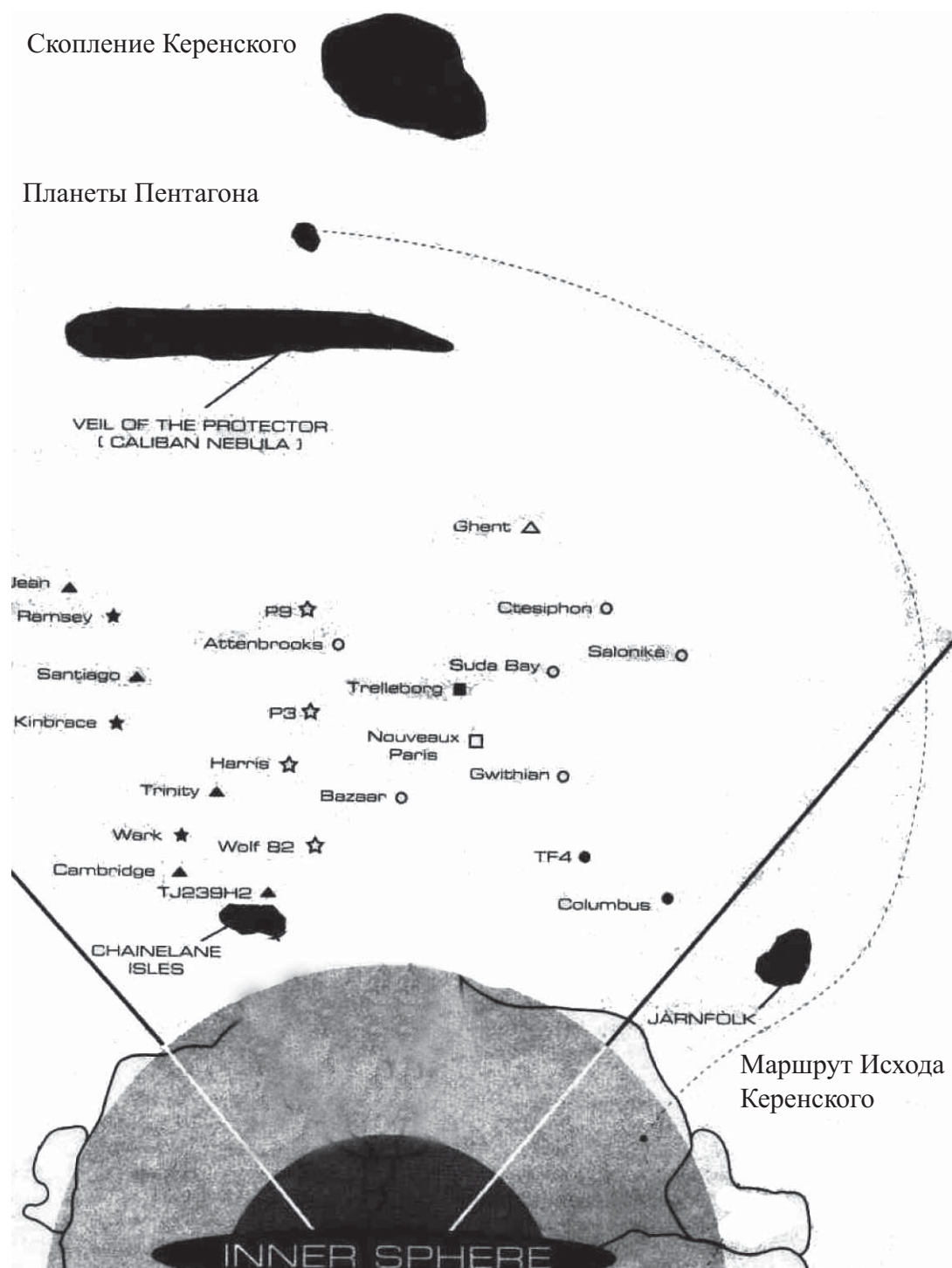
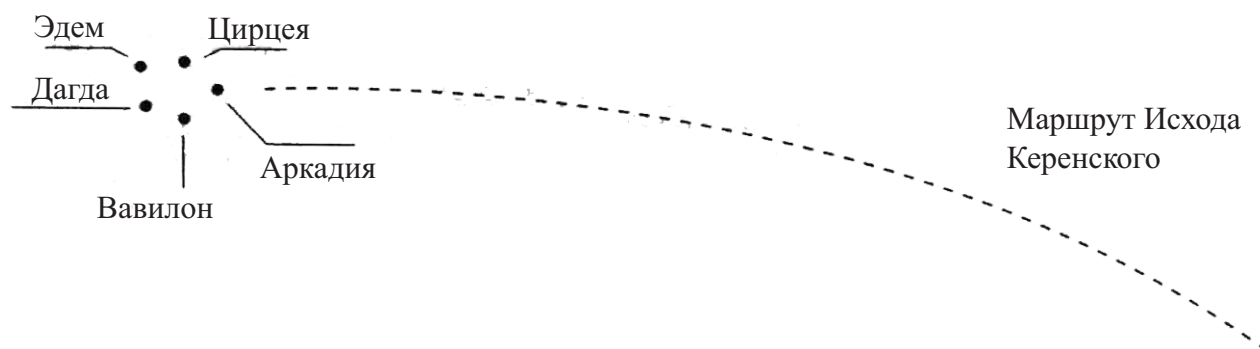
Жена его брата. Дженнифер. Джен.

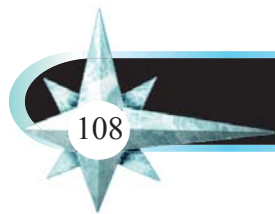
– Прощай, Джес.

– Прощай, Андрей.

И он ушел в ночь.

Карта взята из 1709 Field Manual The Clans: Warriors of Kerensky

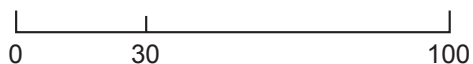

Планеты скопления Керенского

Планеты Пентагона

Эдем
Цирцея
Дагда
Аркадия
Вавилон

Автопушка (Autocannon). Скорострельное, самозарядное оружие, стреляющее высокоскоростными очередями взрывчатых, бронебойных снарядов, или эквивалентными по наносимому повреждению тяжелыми снарядами. Лёгкой считается автопушка с калибром от 30 до 90 мм. Тяжёлая автопушка может иметь калибр от 80 до 120 мм и даже выше. Автопушки бывают 4-х классов: АС/2, АС/5, АС/10 и АС/20. На кораблях устанавливаются флотские варианты - НАС. Помимо стандартных, АС используют ряд специальных боеприпасов: бронебойные для повреждения внутренних компонентов цели, бризантные для уничтожения большого количества брони, кластерные для LB-X АС, шрапнель против пехоты, лёгкие, но взрывоопасные безгильзовые и трассирующие для ночного боя.

Батальон (Battalion). Военная организационная единица Внутренней сферы, которая как правило состоит из 3 рот.

Боевые мехи (или просто мехи) (BattleMechs). Это наиболее мощные военные машины, которые когда-либо создавались людьми. Впервые разработаны терранскими учеными и инженерами. Эти чудовищные устройства, напоминающие формой человеческую фигуру, по скорости, мобильности, огневой мощи и броневому вооружению далеко опережают любой, самый тяжелый танк XX века.

Высота боевого меха колеблется от десяти до двенадцати метров. Вооружение составляют автопушки, лазеры и ракеты. Огневая мощь меха способна подавить огневую мощь любого противостоящего противника, кроме другого меха. Небольшой термоядерный реактор предоставляет боевому роботу практически неисчерпаемые энергетические ресурсы. В силу своих конструктивных особенностей мех легко может быть адаптирован для ведения боевых действий в любых климатических условиях, начиная от выжженных солнцем пустынь и кончая приполярной тундрой.

Взвод. Тактическое военное подразделение, обычно состоит из 50-60 человек командованием лейтенанта или взводного сержанта. Взвод может делиться на две секции.

Внутренняя Сфера. Термин, исходно обозначавший обитаемые миры, присоединившиеся к Звёздной Лиге в 26 столетии. Государства, владения и пиратские группировки, расположенные сразу за пределами Внутренней Сферы, именуются Периферией.

Государства-наследники. После падения Звёздной Лиги члены Верховного Совета, каждый или каждая, претендовали на роль Первого Лорда Звёздной Лиги. Их звёздные империи стали известны как наследные государства и управлялись Лордами-Наследниками. Пять наиглавнейших Великих Домов - Дом Куриты (Синдикат Драконов), Дом Ляо (Капелланская Конфедерация), Дом Штайнера (Лиранское Содружество), Дом Марика (Лига Свободных Миров) и Дом Дэвиона (Федеративные Солнца). Вторжение кланов прервало столетия постоянных войн, которые начались в 2786 году.

Местом ведения этой войны была вся огромная Внутренняя Сфера, которая включала в себя все звездные системы, когда-то занятые Звёздной Лигой. Лорды-Наследники на время забыли о своих различиях во взглядах на власть, с тем чтобы вместе противостоять общему врагу - кланам.

Звёздная Лига (Star League). Звёздная Лига была создана в 2571 году и являла собой попытку мирного объединения главных звездных систем, заселенных к тому времени человечеством. Лига просуществовала почти 200 лет, вплоть до 2751 года, когда вспыхнула гражданская война. Причиной войны послужила начавшаяся борьба за власть между членами тогдашнего правительства, известного как Верховный Совет. Каждый из членов королевского Дома провозгласил себя Верховным Правителем Звездной Лиги, и по прошествии нескольких месяцев война захлестнула всю Внутреннюю Сферу. Этот конфликт продолжается и по сей день, хотя с той поры минуло уже добрых три сотни лет. Эти столетия непрекращающейся кровавой смуты известны сегодня как войны за Наследие.

Лазер (Laser). Использование лазера как боевого оружия основано на его способности концентрировать мощнейший поток теплового излучения на малой площади поверхности. Бортовые лазеры, устанавливаемые на боевых роботах, делятся в зависимости от мощности генери-

руемого теплового потока на малые лазеры (МЛ), средние лазеры (СЛ) и большие лазеры (БЛ). Кроме станковых боевых лазеров, существуют и переносные модификации. Помимо использования лазера как оружия, он находит применение в различных системах локации и наведения. Для этого используются маломощные лазеры.

РБД (SRM). Сокращение от Ракета Ближнего Действия (Short-Range Missile). Неуправляемая (самонаводящаяся у кланов) ракета с взрывчаткой большой мощности. Оружие, применяющееся для поражения цели, находящейся в пределах прямой видимости на расстоянии до 270 метров. SRM подразделяются по количеству пусковых установок: SRM-2, SRM-4 и SRM-6. Помимо обычных бывают самонаводящиеся SRM, которые выстреливают только после захвата цели всеми ракетами, ретро-самонаводящиеся SRM, использующие вражеские самонаводящиеся SRM, чтобы посылать ракеты обратно к противнику, а также мощные, но неточные ракеты смертоносного огня. К SRM-2 существуют зажигательные боеприпасы – инферно. SRM, LRM имеют следующие модификации: для стрельбы под водой торпедами и однозарядные, исключающие вероятность взрыва боеприпасов.

РДД (LRM). Ракеты дальнего действия (Long-Range Missiles) Используются для поражения удалённых объектов и целей вне пределов прямой видимости. LRM обеспечивает поражение цели на расстоянии до 630 метров и несёт боеголовку, в 2 раза менее мощную, чем у SRM. LRM подразделяются по количеству пусковых установок: LRM-5, LRM-10, LRM-15 и LRM-20.

Периферия. Обширные области пространства, частью исследованные, частью - нет, прилегающие к границам Внутренней Сферы. Первоначально Периферия заселялась колонистами с Терры. Во время распада Звёздной Лиги эти области особенно сильно пострадали от технологического, политического и экономического кризиса, охватившего территорию Лиги, что привело к значительному сокращению населения планет Периферии, вплоть до того, что некоторые области практически обезлюдели. В настоящее время Периферия является убежищем пиратских королей, феодалов и людских отбросов Внутренней Сферы.

ППЧ (PPC). Сокращенно от: “протонно-ионный излучатель” – магнитный ускоритель, стреляющий высокоэнергетическими протонами или ионными разрядами. Наиболее эффективное оружие, доступное боевым мехам. Хотя теоретический радиус действия ограничивается линией видимости, технология наводки и фокусирования разрядов ограничивает эффективный радиус до 600 метров, а минимальный 90 метрами, из-за опасения взрыва.

Полк. Военная организационная единица Внутренней Сферы подразделения от двух до четырех батальонов, в каждом от трех до четырех рот. Полком командует полковник.

Посадочные корабли (DropShips). Прыжковые корабли обычно избегают входить внутрь планетных систем и выпрыгивают из гиперпространства в значительном отдалении от планет, являющихся целью путешествия. Для челночных полетов внутри планетных систем используются посадочные корабли. Во время гиперпрыжков дропшипы находятся в специальных отсеках космического корабля. Способные перемещаться лишь в Евклидовом пространстве, ограниченные в скорости, шаттлы, с другой стороны, отличаются очень высокой маневренностью и мощным вооружением в сочетании с высокими аэродинамическими показателями, что дает им возможность совершать посадки на поверхность планет. Перелет от точки выхода прыжкового корабля из гиперпространства до планеты обычно занимает несколько дней или недель, в зависимости от массы и яркости центральной звезды планетной системы.

Прыжковые корабли (“прыгуны”). Транспортные средства для межзвездных перелетов. Впервые разработаны в XXII столетии. Внешний вид: длинный, узкий корпус двигательного отсека, заканчивающийся парусом в виде гигантского зонтика. Диаметр паруса иногда превышает километр. Прозвище “прыгуны” эти корабли получили за свою способность мгновенно перемещаться из одной точки пространства в другую. Выпрыгнув в Евклидово пространство, прыжковый корабль не может покинуть его до тех пор, пока не пополнит запасы энергии.

Гигантский парус прыжкового корабля сделан из особого металла, способного поглощать и накапливать электромагнитное излучение ближайшей звезды. После того как парус накапливает достаточное количество энергии, он передает ее в двигательный отсек, где энергия преобра-

зуется в особое поле Керни-Футиды, искривляющее и свертывающее пространство. Мгновение спустя прыжковый корабль совершает очередной прыжок, покрывая при этом расстояние около тридцати световых лет. Поле, искривляющее пространство, известно под названием гиперпространства. Именно его открытие и проложило человечеству дорогу к звездам.

Прыжковые корабли никогда не садятся на планеты и крайне редко заходят внутрь планетных систем. Межпланетные перелеты осуществляются дропшипам - небольшими судами, находящимися на корабле во время прыжков.

Рота. Тактическое военное подразделение, состоящее из трех копий мехов или, для пехоты, трех взводов, с общей численностью от 50 до 100 чел. Пехотные роты обычно возглавляются капитаном.